

ПОЛНОЧНЫЙ ПРИЛИВ

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон
Полночный прилив

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Эриксон С.

Полночный прилив / С. Эриксон — «Эксмо»,
2004 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-699-92955-9

После десятилетий междоусобной войны шесть племен тисте эдур наконец объединились под властью колдуна-короля хиротов. Достигнут мир – но страшной ценой: был заключен договор со скрытой силой, чьи намерения в лучшем случае сомнительны, а в худшем – губительны. На юге экспансионистское королевство Летер поработило все менее цивилизованные соседние племена с неумолимой жадностью. Все – кроме тисте эдур. Но летерийцы приближаются к давно предсказанному преобразованию – от небольшого королевства в позабытой колонии к возрожденной империи, – и теперь они обратили взоры на богатые земли тисте эдур. Кажется неизбежным, что племена падут жертвой или удушающей тяжести золота, или убийственного лезвия меча. Так предписано Судьбой. И пока две стороны готовятся заключить большой договор, который на деле никому из них не нужен, просыпаются древние силы. Ведь надвигающаяся битва между двумя народами – лишь бледное отражение гораздо более мощного, первобытного столкновения, и в его бурлящем сердце гноится незажившая рана древнего предательства и жажды мести... Пятый роман из величественного эпического полотна «Малазанской книги павших» – впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-92955-9

© Эриксон С., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Благодарности	7
Действующие лица	8
Пролог	12
Книга первая. Стылая кровь	19
Глава первая	19
Глава вторая	37
Глава третья	61
Глава четвертая	77
Глава пятая	101
Книга вторая. Дороги дня	116
Глава шестая	116
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Стивен Эриксон

Полночный прилив. Сказание пятое из Малазанской книги павших

Steven Erikson
Midnight Tides

© Steven Erikson, 2004

© А. Андреев, А. Юшенкова, П. Кодряной, С. Рюмин, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Кристоферу Порожнему

Благодарности

Глубочайшая благодарность старой команде: Рику, Крису и Марку – за подробные комментарии к роману. А также Кортни, Кэму и Дэвиду Кеку за их дружбу. Как всегда, спасибо Клэр и Боуэну, Саймону Тэйлору и команде «Transworld»; Стиву Доналдсону, Россу и Перри; Питеру и Нику Краутерам, Патрику Уолшу и Говарду Морхэйму. А также работникам «Tony’s Bar Italia» – за этот, уже второй роман, который они заправили своим кофе.

Действующие лица

Тисте эдур

Томад Сэнгар, глава рода Сэнгаров
Урут, жена главы рода Сэнгаров
Фир Сэнгар, старший сын, оружейник шести племен
Трулл Сэнгар, второй сын
Бинадас Сэнгар, третий сын
Рулад Сэнгар, четвертый, младший сын
Майен, нареченная Фира
Ханнан Мосаг, колдун-король союза шести племен
Терадас Бун, старший сын рода Бунов
Мидик Бун, второй сын
Бадар, неокропленный
Ретал, воин
Канарт, воин
Корам Ирард, неокропленный
Холб Харат, неокропленный
Матра Брит, неокропленный

Рабы-летерийцы у тисте эдур

Удинаас
Пернатая Ведьма
Хулад
Виррик

Летери во дворце

Эзгара Дисканар, король Летера
Джаналл, королева Летера
Квиллас Дисканар, принц и наследник
Уннутал Хебаз, преда (командующая) летерийской армии
Брис Беддикт, финадд (капитан) и королевский поборник, младший из братьев Беддиктов
Морох Неват, финадд охраны принца Квилласа Дисканара
Куру Кван, седа (чародей) короля
Нисалл, первая наложница короля
Турудал Бризад, первый консорт королевы
Нифадас, первый евнух
Герун Эберикт, финадд королевской гвардии
Трибан Гнол, канцлер
Лаэрдас, маг в свите принца

На севере

Бурук Бледный, торговец на севере
Сэрен Педак, аквитор Бурука Бледного
Халл Беддикт, посланник на севере, старший из братьев Беддиктов
Некал Бара, чародейка
Арахатан, маг
Энедиктал, маг
Йан Товис («Сумрак»), атри-преда в Пределе фентов

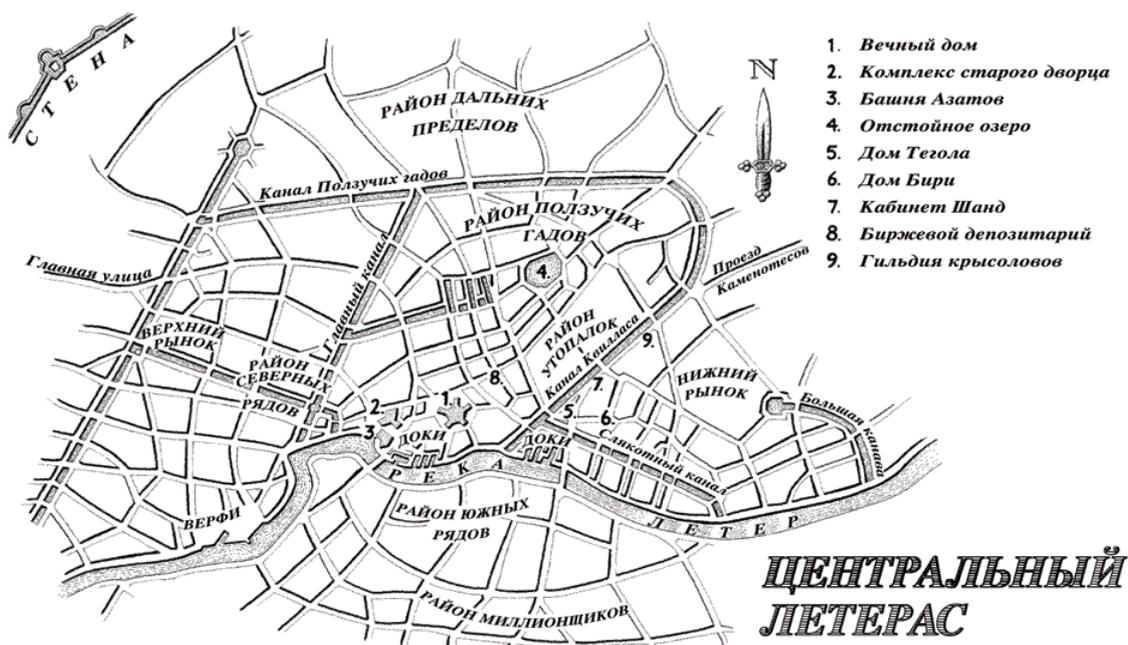
В городе Летерас

Тегол Беддикт, житель столицы, средний из братьев Беддиктов
Хеджун, сотрудница Тегола
Риссар, сотрудница Тегола
Шанд, сотрудница Тегола
Калас, сторож
Бири, торговец
Хальдо, владелец заведения
Бугг, слуга Тегола
Ублала Панг, преступник
Харлест, домашний охранник
Ормли, лучший крысолов
Рукет, главный следователь гильдии крысоловов
Баберд, гильдия крысоловов
Блестка, гильдия крысоловов
Рубин, гильдия крысоловов
Оникс, гильдия крысоловов
Сверк, гильдия крысоловов
Кубышка, девочка
Шурк Элаль, воровка
Селуш, облачительница усопших
Паддерант, подручный Селуш
Урул, старший официант Хальдо
Инчерс, горожанин
Хулбат, горожанин
Тербл, горожанин
Унн, бедняк-полукровка
Делисп, мамаша борделя «Храм»
Прист, садовник
Чахотка, головорез
Зеленый Свин, печально известный маг прошлого

Другие

Вифал, оружейник мекросов
Ринд, нахт

Пролог

Первые дни раскола Эмурланна

Вторжение эдур, эпоха Скабандари Кровавого глаза

Время Старших богов

Закрученные, пропитанные дымом тучи плакали кровавым дождем. Последние летучие крепости, объятые огнем и изрыгающие черный дым, покидали небо. Падая, они пропахивали в земле глубокие борозды и разлетались со страшным грохотом мириадами кровавых камней по кучам трупов, устлавших землю до горизонта.

От людных городов остались усыпанные пеплом развалины; встающие над ними громадные дымы, несущие к небу следы разрушения, – дымы, наполненные сором, размолотой плотью и брызгами крови, – закручивались вихрями рассеянного тепла и расползались по небу.

Посреди уничтоженных армий легионы победителей собирались на центральной равнине, большей частью покрытой точно пригнанными плитками – там, где остатки летающих крепостей не вырыли глубоких воронок, – хотя выстроить ровные ряды мешали бесчисленные трупы поверженных. И смертельная усталость. Легионы принадлежали двум союзным армиям; и было ясно видно, что одной из них пришлось гораздо хуже, чем другой.

Расправив окутанные кровавым туманом крылья стального цвета, Скабандари спускался, пронзая вспененные тучи; он моргал третьим веком, прочищая небесно-голубые драконьи глаза. Снижаясь широкими кругами, дракон наклонил голову, обозревая своих победоносных отпрысков. Серые стяги легионов тисте эдур яростно колыхались над строящимися воинами; насколько мог судить Скабандари, в живых осталось не меньше чем восемнадцать тысяч из его теневого племени. Вечером будет плач в шатрах первых поселенцев – день начался с того, что больше двухсот тысяч тисте эдур вышли на равнину. И все же... их достаточно.

Эдур ударили в восточный фланг армии к'чейн че'маллей вслед за волнами опустошительной магии. Строй противника был рассчитан на лобовую атаку, и солдаты разворачивались навстречу угрозе с фланга со смертельной медлительностью. Словно клинок, легионы эдур ударили в сердце армии врага.

Снижаясь, Скабандари видел тут и там полночные знамена тисте анди. В живых осталась лишь тысяча, а то и меньше. Потрепанным союзникам победа далась тяжело. Они сошлись с охотниками К'елль, элитой кровавых армий трех Матрон. Четыреста тысяч тисте анди против шестидесяти тысяч охотников. Другие батальоны – и анди, и эдур – атаковали летающие крепости; они ведали, что отправляются на верную смерть, и их жертва стала в тот день главной для общей победы: летающие крепости не смогли прийти на помощь армиям на равнине. Сама по себе атака на четыре летающие крепости принесла лишь незначительный результат, ведь опустошительная ярость Короткохвостых, пусть и малочисленных, давно известна, – но она дала время тисте Скабандари и его союзнику одиночнику-дракону обрушиться на небесные цитадели, использовав Пути Старвальд Демелейн, Куральд Эмурланн и Куральд Галейн.

Дракон скользнул туда, где высилась неровная гора трупов к'чейн че'маллей, отмечая последнюю линию обороны одной из Матрон. Куральд Эмурланн разметал защитников, лишь дикие тени еще порхали на склонах. Скабандари расправил крылья, взметнув душный воздух, и приземлился на кучу тел рептилий.

Через мгновение он принял образ тисте эдур. Кожа цвета кованого железа, свободные длинные седые волосы, худое лицо с острым носом, пронзительные, близко посажен-

ные глаза. Широкий рот с опущенными углами губ, никаких морщин. Высокий гладкий лоб, украшенный шрамом наискосок, мертвенно-бледным на смуглой коже. На кожаном ремне двуручный меч, на бедре – перевязь длинных ножей; плечи укрыты чешуйчатым плащом – еще свежей и блестящей шкурой Матроны.

Он стоял, покрытый брызгами крови, и смотрел, как строятся легионы. Командиры эдур, взглянув на него, принялись отдавать приказания войскам.

Скабандари обратил взор на северо-запад, прищурившись на клубящиеся тучи. Через мгновение из туч появился костяно-белый громадный дракон – во всяком случае, крупнее самого Скабандари в образе дракона. Он тоже был забрызган кровью... и по большей части своей собственной, поскольку Силкас Руин сражался со своим племенем анди против охотников К'елль.

Скабандари следил, как приближается союзник, отступив на шаг, только когда громадный дракон опустил на вершину холма и тут же сменил образ. На голову выше одиночника тисте эдур и все же ужасно худой; мышцы вились канатами под гладкой, почти прозрачной кожей. Когти какого-то хищника мерцали в густых длинных белых волосах воина. Тело Силкаса Руина покрывали раны от ударов меча. Большая часть доспехов пропала, открыв голубые жилы, ветвящиеся под тонкой кожей на безволосой груди. На ногах и на руках запеклась скользкая кровь. Ножны справа и слева на поясе были пусты – оба клинка сломались, несмотря на вплетенное в них чародейство.

Скабандари склонил голову в приветствии.

– Силкас Руин, брат по духу, самый верный союзник. Взгляни на равнину – мы победили.

Бледное лицо альбиноса тисте анди перекошило в беззвучном рычании.

– Мои легионы поздно пришли тебе на подмогу, – сказал Скабандари, – и мое сердце разрывается от горя по твоим павшим. Но все же мы овладели воротами. Путь в этот мир принадлежит нам, и сам мир лежит перед нами... на разграбление нашим народам, нашим империям.

Руин смотрел на равнину, и его руки с длинными пальцами сжимались. Легионы эдур выстроились неровным кольцом вокруг последних оставшихся в живых анди.

– Смерть пропитала воздух, – прорычал Силкас Руин. – Даже говорить трудно.

– Нам хватит времени обсудить новые планы, – сказал Скабандари.

– Мои воины перебиты. Теперь ты окружил нас, но защита запоздала.

– Очень символично, брат. В мире есть и другие тисте анди – ты сам так сказал. Тебе непременно нужно найти первую волну, и ты обретешь новые силы. А потом придут и другие. Мой и твой народы залечат раны поражения.

Силкас Руин нахмурился еще сильнее.

– Сегодняшняя победа горька.

– К'чейн че'маллей почти не осталось. Мы повидали много мертвых городов. Теперь стоит только Морн – на далеком континенте, где короткохвостые сейчас порвали цепи в кровавом восстании. Враг разделенный – враг почти разбитый, мой друг. У кого еще в этом мире найдутся силы противостоять нам? Яггугты? Их немного, и они разрозненны. Имассы? Как может тягаться каменное оружие с нашим железным? – Он помолчал и продолжил: – Непохоже, чтобы форкрул ассейлы нас осуждали. К тому же их с каждым годом становится все меньше и меньше. Нет, мой друг, сегодняшняя победа положила мир к нашим ногам. И тебе не грозят гражданские войны, какие подтачивают Куральд Галейн. А меня и моих последователей минует раскол, поразивший Куральд Эмурланн.

– Раскол, к которому ты сам приложил руку, Скабандари, – хмыкнул Силкас Руин.

Он все еще разглядывал армии тисте внизу и не заметил вспышки гнева, вызванной его бездумным замечанием; вспышка угасла мгновение спустя, и на лицо Скабандари вернулось равнодушное выражение.

– Мир принадлежит нам, брат.

– На северном хребте стоит яггут, – сказал Силкас Руин. – Он видел битву. Я не подходил близко, почуяв, что начинается ритуал. Омтоз Феллак.

– Ты боишься этого яггута, Силкас Руин?

– Я боюсь неизвестности, Скабандари... Кровавый глаз. Еще многое нужно узнать об этом мире.

– Кровавый глаз?

– Ты не видишь себя, – сказал Руин. – Я дал тебе это имя – из-за крови, которая теперь застит тебе взор.

– Сильно сказано, Силкас Руин, и странно услышать такое от тебя. – Скабандари пожал плечами и аккуратно пошел по шатким трупам. – Говоришь, яггут...

Скабандари обернулся, но Силкас Руин стоял к нему спиной и не отрываясь смотрел на немногих выживших последователей на равнине.

– Омтоз Феллак, Путь льда, – сказал Руин, не оборачиваясь. – Что он замышляет, Скабандари Кровавый глаз? Хотелось бы знать...

Одиночник эдур снова двинулся к Силкасу Руину.

Он нагнулся к отвороту левого сапога и вытащил кинжал с гравированным лезвием. Чародейство играло на стали.

Последний шаг – и кинжал вонзился в спину Руина.

Тисте анди содрогнулся и взревел...

... а легионы эдур разом развернулись на анди и бросились со всех сторон, завершая последнюю бойню дня.

Магия оплела волнистыми цепями Силкаса Руина, и альбинос тисте анди рухнул на землю.

Скабандари Кровавый глаз присел рядом на корточки.

– Так и бывает у братьев, увы, – пробормотал он. – Править должен один. Не двое. Как ни велик этот мир, Силкас Руин, раньше или позже началась бы война между эдур и анди. Теперь только один будет управлять воротами. И только эдур смогут проходить через них. Мы выловим всех анди – кто из них сможет противостоять мне? Они уже, почитай, мертвые. Один народ. Один правитель.

Он встал, слушая крики последних воинов анди с равнины.

– Да, я не могу убить тебя совсем – ты слишком могуществен. Я отнесу тебя в подходящее место, к корням, земле и камням этого искалеченного двора.

Он снова обернулся драконом. Громадная когтистая лапа обхватила недвижимого Силкаса Руина, и Скабандари поднялся в воздух в шуме крыльев.

До башни было меньше сотни лиг на юг; лишь низкие обветшалые стены, окружающие двор, говорили, что строили башню не яггуты, что она вознеслась рядом с тремя яггутскими башнями сама по себе, по законам, неведомым ни богам, ни смертным. Вознеслась... и ждала появления тех, кто будет заключен навечно. Созданий смертельной силы.

Таких, как одиночник тисте анди, Силкас Руин – третий и последний из сыновей Матери Тьмы.

И уйдет с пути Скабандари Кровавого глаза последний настоящий противник среди тисте.

Три сына Матери Тьмы.

Три имени...

Андарист, давным-давно отказавшийся от своей силы в ответ на горе, которое нельзя исцелить. И никому неведомо, что горе принесла моя рука.

Аномандр Рейк, порвавший со своей матерью и со всем родом. Он исчез, прежде чем я успел с ним разобраться. Исчез и вряд ли когда появится вновь.

И теперь – Силкас Руин, который уже вскоре познакомится с вечным узилищем Азатов.

Скабандари Кровавый глаз радовался. За свой народ, за себя. Этот мир он завоюет. Только первые поселенцы анди могли бы встать на его пути.

Не представляю, кто смог бы мне противостоять...

Скабандари Кровавому глазу и в голову не приходило поинтересоваться, куда отправился тот сын Матери Тьмы, который исчез.

И даже не это было его главной ошибкой...

На ледяном уступе северного хребта одинокий яггут начал плести чародейство Омтоз Феллак. Он видел разорение, которое принесли два одиночник-элейнта со своими армиями, и не сочувствовал к'чейн че'маллям. Они все равно вымирали, по сотням причин – и совсем не заботили яггута. И захватчики не беспокоили его. Он давно уже разучился беспокоиться. И бояться. И, надо признать, удивляться.

Он издали ощутил предательство, отзвук вспышки магии и пролитую кровь. Из двух драконов остался один.

Привычное дело.

А потом, чуть позже, отдыхая в ходе ритуала, он почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Старший бог явился в ответ на жестокий разрыв миров. Как и ожидалось. И все же... кто именно? К'рул? Драконус? Сестра Холодных ночей? Оссерк? Кильмандарос? Сечул Лат? Давно привыкший к безразличию, яггут тем не менее уступил любопытству и обернулся к вновь прибывшему.

Ого, неожиданно... и интересно.

Маэль, Старший властитель морей, был широк и коренаст; темно-синяя кожа переходила в бледное золото на горле и обнаженном животе. Гладкие светлые волосы свободно свисали с его широкой, почти плоской макушки. А в янтарных глазах Маэля горела испепеляющая ненависть.

– Готос, – проскрежетал Маэль, – какой ритуал ты готовишь в ответ?

Яггут нахмурился.

– Они натворили дел. Мне придется чистить.

– Лед, – фыркнул Старший бог. – У яггутов на все один ответ.

– А какой ответ у тебя, Маэль? Потоп или... потоп?

Старший бог смотрел на юг. Мышцы на скулах напряглись.

– Мне обязательно нужен союзник. Кильмандарос идет через прореху.

– Остался лишь один одиночник-тисте, – проговорил Готос. – Видимо, он сразил своего компаньона, а потом доставил его под присмотр переполненного двора башни Азатов.

– Опрометчиво. Он считает к'чейн че'маллей единственным противником в этом мире?

– Вероятно. – Яггут пожал плечами.

Маэль помолчал какое-то время, потом сказал со вздохом:

– Своим льдом, Готос, не разрушай все это. Наоборот, я прошу тебя... *сохранить*.

– Зачем?

– У меня есть на то причины.

– Рад за тебя. И какие же?

Старший бог посмотрел сердито.

– Наглый ублюдок.

– А что такое?

– В морях, ягут, время течет явно. В глубинах – течения безграничной древности. На мелководье шепчет будущее. Приливы и отливы сменяют друг друга бесконечной чередой. Таковы мои владения. Таково мое знание. Запечатая разорение своим проклятым льдом, Готос. Заморозь тут само время. Сделай так, и я буду у тебя в долгу... однажды это тебе пригодится.

Готос обдумал слова Старшего бога и кивнул.

– Пожалуй, можно. Хорошо, Маэль. Отправляйся к Кильмандарос. Прихлопните этого тисте элейнта и рассейте его народ. Но торопитесь.

Маэль прищурился.

– Почему?

– Я чую далекое пробуждение – увы, не такое далекое, как тебе хотелось бы.

– Аномандр Рейк.

Готос кивнул.

Маэль пожал плечами.

– Предсказуемо. Оссерк встанет на его пути.

– Снова? – Улыбка ягута обнажила массивные клыки.

Старший бог, не сдержавшись, улыбнулся в ответ.

И хотя они улыбались, не было радости на ледяном уступе.

1154 год Сна Огни

Год Белых жил в Черном дереве

Три года до Седьмого завершения летери

Он очнулся, ошалевший от соли, голый и наполовину погребенный в белом песке посреди вынесенных штормом обломков. Над головой кричали чайки; их тени носились по рябому берегу. У человека свело внутренности, он застонал и медленно повернулся на бок.

Тела, обломки... На мелководье шуршало крошево быстро тающего льда. Вокруг ползали тысячи крабов.

Великан приподнялся на руки и колени, и его вырвало желчью на песок. В голове ухали мучительные удары, от которых он наполовину ослеп; не сразу удалось повернуться и сесть прямо. Он еще раз огляделся.

Берег там, где берегов не было.

Вчера вечером из глубин всплывали ледяные горы. Одна, самая большая, достигла поверхности прямо под плавучим городом мекросов. И развалила город на части, словно плохо связанный плот. В истории мекросов не сохранилось упоминаний, даже отдаленно напоминающих катастрофу, свидетелем которой стал великан. Внезапно и полностью уничтожен город в двадцать тысяч жителей. В голове это не укладывалось до сих пор, как будто память хранила невероятные образы, порождения горячего мозга.

Но он знал, что ничего не вообразил. Он был всему свидетелем.

И каким-то образом выжил.

Солнце пригревало, но не обжигало. Небо над головой было не голубым, а молочно-мутным. И чайки, теперь он ясно видел, были не чайками. А рептилиями с бледными крыльями.

Он поднялся. Боль в голове утихала, зато все тело охватила дрожь, а глотку яростным демоном пыталась разодрать жажда.

Кружащие ящерицы закричали по-другому, и человек отвернулся от моря.

Появились три существа, перебравшись через бледные пятна травы над линией прилива. Существа человеку по пояс, чернокожие, безволосые и с острыми ушками на совер-

шенно круглых головах. Бхока'ралы – в юности он видел таких, когда торговое судно мекросов вернулось из Немила, – только эти оказались мускулистыми, раза в два тяжелее тех живых игрушек, которых торговцы привозили в плавучий город. Существа направились прямо к нему.

Он огляделся в поисках подходящего оружия и заметил в плавнике большой сук – сгодится как дубинка. Ухватив сук, великан стал ждать бхока'ралов.

Они остановились, уставив на него желтоватые глаза.

Средний махнул рукой.

Идем. Смысл жеста – совсем человеческого – понять было нетрудно.

Человек вновь осмотрел побережье – насколько он видел, ни одно тело не шевелилось, и крабы беспрепятственно пиروвали. Он еще раз взглянул на странное небо и пошел навстречу трем существам.

Они развернулись и повели его по траве.

Подобной травы человек прежде не видел – длинные закрученные треугольники с острыми, как лезвия, краями – это он понял, пройдя по зарослям и обнаружив, что ноги покрылись порезами. Дальше протянулась равнина, на которой лишь изредка виднелись пятна той же травы. Между ними бесплодная земля покрылась соляной коркой. Несколько каменных глыб торчали тут и там – все разные и очень острые, не тронутые непогодой.

Вдали стоял одинокий шатер.

Бхока'ралы подвели человека к нему.

Подходя, он заметил, как струйки дыма пробиваются в острие шатра и через занавес, обозначающий вход.

Сопровождающие остановились и новым жестом направили его ко входу. Человек, пожав плечами, пригнулся и протиснулся внутрь.

В мутном свете сидела фигура; черты лица скрывал капюшон. Перед фигурой стояла жаровня, от которой понимался пьянящий дым. У входа стояла хрустальная бутылка, лежали сушеные фрукты и буханка темного хлеба.

– В бутылки ключевая вода, – проскрипел на мекросском хозяин шатра. – Не спеши, подкрепишься после сурового испытания.

Пробормотав слова благодарности, человек схватил бутылку.

Когда жажда унялась, он принялся за хлеб.

– Благодарю, незнакомец. – Человек помотал головой. – От этого дыма ты поплывешь перед моими глазами.

Раскат сухого кашля, видимо, означал смех; потом хозяин, похоже, пожал печами.

– Лучше плыть, чем тонуть. Увы, так я облегчаю боль. Я не задержу тебя надолго. Ты – Вифал, кузнец-оружейник.

Человек замер, нахмутив широкий лоб.

– Да, я Вифал, из третьего города мекросов. Города больше нет...

– Печально. Ты единственный выживший... благодаря мне, хотя вмешиваться не следовало.

– Куда я попал?

– В никуда. В странствующий осколок. Я принес сюда какую-никакую жизнь, по воспоминаниям о доме. Мои силы возвращаются, хотя муки изломанного тела не стихают. Но послушай: я сказал и не закашлялся. Уже неплохо. – Искалеченная рука появилась из рваного рукава, чтобы подбросить семян в угли жаровни. Семена затрещали, дым повалил гуще.

– Кто ты? – спросил Вифал.

– Падший бог... которому нужно твое мастерство. Я все приготовил к твоему появлению, Вифал. Место для жилья, кузницу, материалы, которые понадобятся. Одежду, еду, воду. И трех верных слуг, ты их уже видел...

– Бхока’ралы? – фыркнул Вифал. – Да что они...

– Не бхока’ралы, смертный. Хотя были когда-то. Теперь это нахты. Я назвал их Ринд, Мейп и Пьюл. Они выведены яггутами и быстро учатся всему, что понадобится.

Вифал попытался встать.

– Благодарю тебя за спасение, падший, но я покину тебя. Вернусь в свой собственный мир...

– Ты не понимаешь, Вифал, – прошипел темный силуэт. – Ты сделаешь то, что я говорю, или будешь молить о смерти. Ты теперь мой, оружейник. Ты мой раб, а я – хозяин. У мекросов ведь есть рабы? Несчастные, похищенные во время ваших набегов на островные деревни. Значит, ты представляешь, каково это. Все же не отчаивайся: как только выполнишь то, о чем я прошу, ты сможешь уйти.

Дубинка все еще покоилась на коленях у Вифала. Он размышлял.

Раздался кашель, потом смех – и снова кашель; бог поднял руку сдерживающим жестом.

– Не советую тебе проявлять непокорность, Вифал. Я специально извлек тебя из моря. Ты потерял остатки чести? Окажи мне услугу, иначе пожалеешь, что разгневал меня.

– Что тебе от меня нужно?

– Что мне от тебя нужно? Разумеется, то, что у тебя получается лучше всего. Сделай мне меч.

Вифал фыркнул.

– И все?

Силуэт подался вперед.

– Я хочу получить совершенно особенный меч...

Книга первая. Стылая кровь

Вижу ледяное копье, вонзенное в сердце суши. Его душа жаждет убийства. Тот, кто схватит это копье, познает смерть. Снова и снова он познает смерть.

Видение Ханнана Мосага

Глава первая

Слушай! Моря шепчут и видят сны о высшей истине под хруст камня.

Ханталлит из Майнер-Шлюза

Год последнего мороза

Год до Седьмого завершения летери

Восхождение Пустой Обители

Вот вам сказание. Между приливами, когда исполины опустились на колени и стали горами. Когда они посыпались на землю, словно балласт с неба, но не могли устоять перед занимающимся рассветом. Между приливами поговорим о таком исполине. Потому что сказание о нем.

И потому что оно забавное.

Вот.

В темноте он закрывал глаза. Только днем он держал их открытыми: ночь мешает зрению; если мало что можно разглядеть, зачем пытаться пронзить взглядом тьму?

Он добрался до края земли и нашел море; и был очарован непостижимым зрелищем. Очарование обернулось в назначенный день одержимостью. Он смотрел, как качаются вверх и вниз волны вдоль берега, в неутомимом движении вечно грозя поглотить сушу целиком, но не справляясь. Он смотрел на море под полуденными штормами, видел, как волны набрасываются на покатый берег, порой забираясь далеко, но всегда угрюмо возвращаясь.

Когда настала ночь, он закрыл глаза и лег спать. Завтра он вновь посмотрит на море.

Ночью начался прилив, закручиваясь вокруг спящего. Вода пропитывала минералами плоть, пока исполин не превратился в скалу, камень на берегу. И каждую ночь – тысячи лет – прилив возвращался, чтобы подтачивать его. Украсть очертания.

Но не до конца. Чтобы увидеть его настоящего, нужно смотреть в темноте. Или сильно прищуриться при ярком солнце. Смотреть искоса, сосредоточиться на чем угодно, только не на самом камне.

Из всех даров, что Отец Тень оставил своим детям, этот талант – самый главный. Отвернись, чтобы увидеть. Поверь, и ты придешь в тень. Где кроются все истины...

Отвернись, чтобы увидеть.

Отвернись.

Мыши метнулись прочь, когда тень скользнула по снегу, голубоватому в сумерках. Мыши бросились наутек, но судьба одной уже была предрешена. Мохнатая когтистая лапа пронзила меховую плоть и раздробила крохотные кости.

С ветки дерева на краю поляны бесшумно скользнул сыч, пронесся над плотным снегом и над разбросанными семенами и, схватив с земли мышь, поднялся по восходящей дуге

– тяжело хлопая крыльями – на ближайшее дерево. Уцепившись за ветку одной ногой, птица тут же начала трапезу.

Воин, оказавшийся на поляне через несколько мгновений, не заметил ничего необычного. Мыши разбежались, не оставив на жестком насте ни следа, сыч замер среди ветвей ели, настороженно следя за движениями фигуры на поляне. Воин пробежал мимо, и сыч продолжил трапезу.

Сумерки – время охоты, и вечер хищника еще не подошел к концу.

Трулл Сэнгар бежал по обледеневшей тропинке, против обыкновения не обращая внимания на окружающий его лес, на все знаки и подробности. Он даже не остановился, чтобы принести жертву Шелтате Лор, Дочери-Сумраку, самой почитаемой из трех дочерей Отца Тени, – ничего, возместит завтра на закате. Так же бездумно он проскакивал и по последним пятнам света на тропинке, рискуя обидеть переменчивую Сукул Анхаду, Дочь обмана, называемую также Пятнистая.

На лежбище Калача собрались тюлени. Они появились рано, удивив Трулла, собирающего нефрит над берегом. Сами по себе размножающиеся тюлени породили бы только возбуждение у юного тисте эдур, но сюда прибыли и другие – на кораблях, окруживших залив, и страда была в разгаре.

Летери, белокожие люди с юга.

Ох, какой гнев охватит жителей деревни, к которой он приближался!.. Дерзкое вторжение на территорию эдур, воровство тюленей, принадлежавших его народу, было наглým вызовом старым соглашениям.

Идиоты есть и у летери, как и у эдур. Трулл не сомневался, что эту выходку никто не разрешал. Всего через две луны состоится Большая Встреча. И ни одним, ни другим сейчас ни к чему проливать кровь. Неважно, что эдур вправе напасть и уничтожить корабли нарушителей; делегация летери придет в ярость из-за убийства их граждан, пусть даже преступивших закон. Шансы заключить новое соглашение становятся мизерными.

Трулл Сэнгар тревожился. Эдур только что завершили долгую войну; о новой даже думать невыносимо.

Он не опозорил братьев в захватнических войнах; на широком поясе разместились в ряд двадцать одна красная заклепка в честь побед; а семь из них обведены белой краской – обозначая убитых врагов. Из всех сыновей Томада Сэнгара больше знаков отличия было на поясе только у старшего – и это правильно, это возвышает Фира Сэнгара среди воинов племени хиротов.

Разумеется, войны с другими пятью племенами эдур строго ограничивались правилами и запретами, и даже в крупных затяжных сражениях мало кто погибал. И все равно завоевания утомляли. В битвах с летери для воинов эдур не существовало никаких ограничений. Никаких подсчетов. Просто убивай. И неважно, держит ли враг оружие в руках – даже беспомощные и невинные познают укус меча. Такая бойня равно пятнала и воина, и жертву.

Однако Трулл знал: как бы он сам ни осуждал предстоящее убийство, свои мысли он не выскажет вслух и пойдет бок о бок с братьями с мечом в руке, чтобы вершить суд над нарушителями. Выбора нет. Спустишь одно преступление – и последуют новые, нескончаемым потоком.

Ровной рысцой он пробежал мимо сырмятни с лоханями и дубильными ямами к опушке леса. Несколько рабов летери взглянули в его сторону и уважительно склонились, дожидаясь, пока он пробежит. Впереди возникли высокие кедровые столбы – ограда деревни; за стеной поднимались к небу струйки дыма. С обеих сторон узкой дороги, ведущей к далеким воротам, тянулись поля чернозема. Зима только начала выпускать из мертвой хватки землю, и первая поросль появится лишь через несколько недель. К середине лета на полях взойдут почти три десятка разных культур, дающих еду, лекарства, волокна для тка-

ней и корм для скота; расцветут растения, привлекая пчел, от которых получали мед и воск. Мужчины снаряжают отряды в лес – добывать древо; другие отправлялись на судах кнарри за провизией в моря и на отмели.

Так и должно быть, пока между племенами царит мир. Десяток лет назад мужчины чаще отправлялись на бой, чем куда-то еще, и порой приходилось терпеть нужду. Без войны голод никогда не грозил эдур. Трулл хотел, чтобы разорение прекратилось. Теперь над всеми племенами эдур властвовал Ханнан Мосаг, колдун-король хиротов. Из толпы воюющих людей возник союз, хотя Трулл прекрасно знал, что это только название. Ханнан Мосаг взял в заложники первенцев у подчиненных вождей, создав отряд магов – к’риснан, – и правил, как диктатор. То есть мир покоился на острие меча... И все же мир.

Знакомая фигура шагала от ворот частокола к развилке дороги, где остановился Трулл.
– Приветствую, Бинадас.

За спиной младшего брата было прикреплено копье, кожаная перевязь тянулась от плеча к бедру; на другом боку – длинный меч в деревянных, обитых кожей ножнах. Складывалось впечатление, что его лицо так же потрепано погодой, как и одежда из оленьей кожи. Из братьев Трулла Бинадас был самым неуловимым и труднопредсказуемым. Он жил в деревне только изредка, предпочитая чащобы западного леса и горы на юге, и не участвовал в налетах, однако никто не сомневался в его храбрости.

– Ты на взводе, Трулл, – заметил Бинадас, – и я снова вижу у тебя на лице печаль.

– Летери встали на якорь у лежбища Калача.

– Тогда я не буду задерживать тебя. – Бинадас нахмурился.

– Надолго уходишь, брат?

Бинадас пожал плечами и миновал Трулла, свернув на развилке на запад.

Трулл Сэнгар вошел через ворота в деревню.

Сразу за стеной располагались четыре кузницы; каждую окружал глубокий ров, открывавшийся во внутренний канал, который вел от деревни и окружающих полей. Долгие годы над кузницами висел почти непрерывный звон – ковалось оружие. Запах тяжелого едкого дыма наполнял воздух, и деревья вокруг были одеты коркой белесой сажи. А сейчас, проходя мимо, Трулл видел, что только в двух кузницах около дюжины рабов трудятся неторопливо.

За кузницами тянулись длинные кирпичные хранилища – разбитые на части здания, напоминающие ульи, где держали запасы зерна, копченой рыбы и тюленьего мяса, китового жира и собранного урожая. Похожие хранилища таились в глубине леса, окружающего деревню; большинство из них были сейчас пусты – из-за войн.

За хранилищами стояли каменные дома ткачей, гончаров, резчиков, писцов, оружейников и других ремесленников деревни. Со всех сторон раздавались приветствия; Трулл отвечал совсем коротко, соблюдая вежливость, и его знакомые понимали, что он не может остановиться для разговоров.

Воин эдур теперь двигался по жилым улицам. Рабы-летери называли такие деревни *городами*, но никто из жителей не видел нужды менять слово; они родились в деревне, деревней она и останется, пусть здесь проживали двадцать тысяч эдур и втрое больше летерийцев.

Усыпальницы Отца и его Любимой Дочери возвышались над жилыми домами – приподнятые платформы, окруженные священной рощей черных деревьев; поверхность каменных дисков была сплошь покрыта изображениями и письменами. Куральд Эмурланн непрерывно играл в круге деревьев, заставляя плясать по изображениям тени – магические эманации, разбуженные жертвоприношениями в сумерках.

Трулл Сэнгар вышел на аллею Колдуна, священное преддверие грандиозной цитадели, служившей одновременно храмом, дворцом и резиденцией колдуна-короля, Ханнана Мосага. Вдоль аллеи росли кедры с черной корой. Вплетенное чародейство пронизывало весь круг полночных деревьев и сочилось сиянием, укрывая аллею мерцающим саваном.

В конце аллеи цитадель и землю укрывал частокол поменьше, тоже сложенный из бревен черного дерева, покрытых чародейскими знаками. Живые деревья образовывали туннель – постоянно затененный проход; он вел к пешеходному мостику, соединяющему берега канала, в котором плавала дюжина рейдовых баркасов – к’орфан. Мостик упирался в выложенную плитками площадь, окруженную казармами и хранилищами. Дальше стояли каменные, обшитые деревом большие дома благородных семей, связанных кровными узами с Ханнаном Мосагом; крыши с коньком из черного дерева были покрыты дранкой. Ряд резиденций аккуратно делился пополам продолжением аллеи – еще через один мост, до самой цитадели.

На площади тренировались воины; Трулл заметил высокую широкоплечую фигуру старшего брата, Фира, который вместе с полудюжиной помощников наблюдал за упражнениями с оружием. Трулла охватило сочувствие к молодым воинам. Он и сам настрадался от беспощадной критики брата за годы своего учения.

Кто-то поприветствовал его, и Трулл, обернувшись, увидел младшего брата, Рулада, и Мидика Буна. Они, похоже, проводили учебный поединок, а через мгновение Трулл понял причину их необычного рвения: на площади появилась Майен, нареченная Фира, с четырьмя подругами – видимо, по дороге на рынок, судя по дюжине сопровождавших их рабынь. Остановиться и понаблюдать внезапную, несомненно, импровизированную демонстрацию боевого искусства было необходимо, в соответствии со сложной системой правил ухаживания. Майен полагалось проявлять должное уважение ко всем братьям Фира.

И все же Трулл ощутил холодок тревоги. Желание Рулада щегольнуть мастерством перед женщиной, которая станет женой старшего брата, привело его на грань неприличия. А Фир, на взгляд Трулла, проявлял чрезмерную снисходительность, когда дело касалось Рулада.

Как и мы все.

Рулад явно взял верх над младшим противником в поединке, судя по его раздумавшемуся симпатичному лицу.

– Трулл! – крикнул он, взмахнув мечом. – Я уже пролил кровь сегодня и жажду пролить еще! Давай, стряхни ржавчину с меча на своем боку!

– В другой раз, брат, – отозвался Трулл. – Мне нужно безотлагательно поговорить с отцом.

Хотя Рулад улыбнулся вполне дружелюбно, Трулл и с десяти шагов разглядел торжествующий блеск в ясных серых глазах.

– Ну, значит, в другой раз. – Рулад напоследок взмахнул мечом, повернувшись к женщинам.

Но Майен уже поманила жестом сопровождающих, и они двинулись прочь.

Рулад открыл рот, чтобы сказать что-то вдогонку, однако Трулл опередил его:

– Брат, я приглашаю тебя пойти со мной. Новости, которые я несу отцу, необычайно важны, и я хотел бы, чтобы ты участвовал в обсуждении. – Такое предложение обычно получают только воины, чьи пояса отмечены многими битвами.

– Большая честь, Трулл, – ответил брат, убирая меч в ножны.

Оставив Мидика, который поглаживал ссадину от меча на запястье, Рулад присоединился к Труллу, и братья зашагали к большому дому семьи.

Снаружи стены были покрыты трофейными щитами – многие поблекли на солнце за долгие века. Широкая крыша держалась на китовых костях. Тотемы, захваченные у враждебных племен, образовывали беспорядочную арку над входом; связки шкур, кожаных бус, ракушек, когтей и клыков напоминали вытянутые птичьи гнезда.

Братья вошли в дом.

Прохладный воздух чуть горчил от дыма очага. В нишах вдоль стены, среди гобеленов и растянутых шкур, горели масляные лампы. В центре палаты, где прежде семья гото-

вила пищу, еще стоял традиционный очаг, хотя теперь рабы трудились на кухнях снаружи дома, чтобы снизить опасность пожара. Мебель черного дерева разгораживала отдельные комнаты, не разделенные стенами. На крюках, вделанных в поперечные балки, висело разнообразное оружие – иногда из тех древних дней, когда искусствоковки железа было утеряно после исчезновения Отца Тени; грубая бронза была изъедена и исковеркана.

Сразу за очагом высился ствол живого черного дерева, из которого торчал под углом блестящий меч – чуть выше человеческого роста: настоящий эмурланнский меч, выкованный древним способом, который кузнецам еще предстоит открыть заново. Меч семьи Сэнгар, знак благородной крови; обычно такое оружие семьи привязывали к совсем молоденькому саженцу, и с веками меч скрывался, зарастая, в сердцевине дерева. Но это дерево, причудливо изогнувшись, вытолкнуло меч, выставив напоказ черное с серебряным отливом лезвие.

Братья, проходя, коснулись меча рукой.

Их мать, Урут, в окружении рабынь заканчивала родословный гобелен со сценами участия Сэнгаров в Объединительной войне. Погруженная в работу, она не подняла взгляда на проходящих сыновей.

Томад Сэнгар восседал с тремя другими благородными патриархами у игровой доски, изготовленной из громадного разлапистого рога лося; фигурки были вырезаны из кости и нефрита.

Трулл остановился, чуть не доходя до них, и положил ладонь на рукоять меча – это значило, что он принес вести безотлагательные и, возможно, опасные. За его спиной Рулад резко вздохнул.

Гости Томада, не поднимая глаз, разом встали, а сам Томад принялся собирать фигуры. Трое старейшин удалились в молчании, а Томад, отставив доску в сторону, сел.

Трулл присел напротив него.

– Приветствую, отец. Флот летерийцев убивает тюленей на лежбище Калача. Тюлени появились рано, и теперь их убивают. Я видел все собственными глазами и поспешил вернуться.

Томад кивнул.

– Значит, ты бежал три дня и две ночи.

– Пришлось.

– А страда летери в разгаре?

– Отец, к рассвету Дочь Менандор увидит набитые под завязку трюмы кораблей, и паруса, наполненные ветром, и кровавый след за каждым кораблем.

– А на их место придут другие! – прошипел Рулад.

Томад нахмурился на несдержанность младшего сына и выразил неодобрение следующими словами:

– Рулад, передай новости Ханнану Мосагу.

Рулад вздрогнул, но согласно кивнул.

– Как скажешь, отец. – Он повернулся и пошел прочь.

Томад нахмурился сильнее.

– Ты позвал неокропленного воина на совет?

– Да, отец.

– Зачем?

Труллу не хотелось рассказывать, как заботит его неприличное внимание Рулада к нареченной Фира. И он промолчал.

Томад вздохнул, словно изучая большие, покрытые шрамами руки, которые он положил на бедра.

– Мы стали слишком благодушны...

- Отец, разве благодушие – полагать тех, с кем имеешь дело, честными?
- Да, и тому есть доказательства.
- Тогда почему колдун-король согласился на Большую Встречу с летери?

Темные глаза Томада уперлись в Трулла. Из всех сыновей Томада только у Фира был такой же цвет глаз и такой же сильный взгляд, как у отца.

– Я забираю обратно глупый вопрос, – сказал Трулл, опустив глаза, чтобы скрыть смущение. *Прощупывание врага. Это нарушение, каковы бы ни были изначальные намерения, станет обоюдоострым мечом – эдур неизбежно ответят. Оба народа возьмутся за оружие.* – Неокропленные воины будут довольны.

– Неокропленные воины однажды будут сидеть в совете, Трулл.

– Разве это не награда за мир, отец?

Томад не ответил.

– Ханнан Мосаг созовет совет. Там ты расскажешь, что видел. Колдун-король велел мне прислать ему моих сыновей для особого задания. Вряд ли новости, которые ты принес, что-то изменят.

Трулл справился с удивлением и произнес:

– Я встретил Бинадаса по дороге...

– Он уже знает и вернется в течение месяца.

– А Рулад знает?

– Нет, хотя пойдет с тобой. Неокропленный – это неокропленный.

– Как скажешь, отец.

– А теперь отдыхай. Тебя разбудят к совету.

Белый ворон, спрыгнув с просоленного корня, начал рыться в мусоре. Сначала Трулл принял его за чайку, задержавшуюся на берегу в быстро угасающем свете, но ворон каркнул и, держа в бледном клюве ракушку, бочком отошел к воде.

Поспать не удалось. Совет назначили на полночь. Беспокойные нервы зудели; Трулл пришел на галечный берег к северу от деревни, к устью реки. И теперь, когда тьма накатывала вслед за сонными волнами, он увидел, что на берегу только они с белым вороном. Птица донесла добычу до линии прибоя и начала макать ракушку в набегающие волны. Шесть раз.

Привередливый, решил Трулл, наблюдая, как ворон вспрыгнул на ближайший камень и начал клевать моллюска.

Белое – зло, само собой. Вспышка цвета кости, свет ненавистной Менандор на рассвете. И паруса летери, разумеется, белые – ничего удивительного. И чистые воды залива Калач откроют сияние морского дна, белого от костей тысяч убитых тюленей.

Вскоре надлежало начать восстановление сильно уменьшившихся запасов для шести племен, чтобы бороться с голодом. Подумав об этом, Трулл по-новому взглянул на браконьерство. Точно рассчитанный удар по союзу племен, выходка, призванная ослабить позиции эдур на Большой Встрече. *Довод необратимости. Тот же довод они швырнули нам в лицо, построив поселения на Пределе. «Королевство Летер расширяется, его потребности растут. А ваши лагеря на Пределе были временными и с войной окончательно опустели».*

Новые независимые корабли неизбежно будут появляться в богатых водах северного побережья. И за всеми не уследить. Стоит только вспомнить другие племена, жившие когда-то за границей земель летери, которые получили громадную награду, присягнув на верность королю Летера Эзгаре Дисканару.

Но мы-то – не другие племена.

Ворон каркнул со своего каменного насеста и, мотнув головой, отшвырнул ракушку, потом, расправив прозрачные крылья, поднялся в ночь. Последний насмешливый крик из темноты... Трулл сделал охранный жест.

За спиной заскрипели под ногами камни, и он, обернувшись, увидел брата.

– Приветствую, – негромко произнес Фир. – Твои новости взбудоражили воинов.

– А колдун-король?

– Молчит.

Трулл снова принялся изучать темные волны, накатывающиеся на берег.

– Они в упор глядят на те корабли...

– Ханнан Мосаг знает, как отвернуться, брат.

– Он хочет собрать сыновей Томада Сэнгара.

Фир теперь стоял сбоку, и Трулл заметил, как брат пожал плечами.

– Видения ведут колдуна-короля с самого детства, – сказал Фир немного погодя. – Он хранит кровавые воспоминания с самых темных времен. Отец Тень помогает ему во всем.

Упоминание видений напрягло Трулла. Он не сомневался в их силе – совсем наоборот. Темные времена принесли тисте эдур раздоры, атаку чародеев, чужеземные армии; а сам Отец Тень пропал. И хотя магия Куральд Эмурланн не запрещалась племенам, путь был потерян для них; лишь разрозненные осколки остались в руках ложных королей и богов. Трулл подозревал, что в мыслях Ханнана Мосага таится куда больше, чем только объединение шести племен.

– Ты не горишь желанием, Трулл. Ты умело это скрываешь, но я вижу больше других. Ты воин, который не жаждет схватки.

– Это не преступление, – пробормотал Трулл и добавил: – Из всех Сэнгаров только у тебя и отца больше трофеев.

– Брат, в твоей храбрости нет сомнений. Но смелость – не главное, что нас связывает. Мы эдур. Когда-то мы были хозяевами Гончих. Нам принадлежал престол Куральд Эмурланн. И принадлежал бы по сей день, если бы нас не предали – сначала родственники Скабандари Кровавого глаза, а затем тисте анди, которые пришли с нами в этот мир. Мы в осаде. Летерийцы – лишь один из множества врагов. И колдун-король понимает это.

Трулл смотрел, как звездный свет играет на спокойной глади залива.

– Я без промедления вступлю в бой с врагом, Фир.

– Хорошо, брат. Этого хватит, чтобы Рулад замолчал.

Трулл напрягся.

– Он что-то болтает обо мне? Этот неокропленный... *щенок*?

– Если он видит слабость...

– Что видит он и что есть на самом деле – не одно и то же, – сказал Трулл.

– Тогда покажи ему разницу, – спокойно произнес Фир.

Трулл промолчал. Он демонстративно не обращал внимания на Рулада с его бесконечными вызовами и громкими заявлениями – и был прав, ведь Рулад неокропленный. Но у Трулла были более важные причины: он пытался воздвигнуть стену вокруг невесты Фиры. Конечно, говорить об этом вслух непристойно и вызвало бы шепот недовольства. В конце концов, Майен – нареченная Фиры.

Все было бы проще, уныло подумал Трулл, если бы он понимал саму Майен. Она не напрашивалась на внимание Рулада, но и не отвергала его. Она ходила по краю приличий, уверенная в себе, как была бы уверена – и по праву – любая дева, удостоенная чести стать женой оружейника хиротов. И вновь Труллу пришлось напомнить себе, что это не его дело.

– Я не буду показывать Руладу то, что он и так уже видел. Он не сделал ничего, чтобы завоевать мое уважение!

– Руладу не хватает тонкости, чтобы понять, что твое нежелание не означает слабость...

– Это его беда, а не моя!

– Ты позволишь слепому старику переходить поток по камням и не поможешь ему? Нет, ты поведешь его, пока своим внутренним взором он не представит то, что видят все.

– Если все видят, – ответил Трулл, – то слова Рулада не навредят мне, и я могу не обращать на них внимания.

– Брат, Рулад не единственный, кому не хватает тонкости.

– Ты хочешь, Фир, чтобы среди сынов Томада Сэнгара зародилась вражда?

– Рулад не враг ни тебе, ни кому-то еще из эдур. Он молод и жаждет крови. И ты когда-то шел по этому пути; вспомни себя в ту пору. Не время беречь раны. А для неокропленного воина пренебрежение – самая глубокая рана.

Трулл поморщился.

– Я согласен, Фир. Я постараюсь побороть свое равнодушие.

Брат сделал вид, что не заметил иронии.

– Совет собирается в цитадели. Войдем в королевский зал вместе?

– Это большая честь, Фир.

Братья повернулись спиной к темной воде и не заметили скользящей над ленивыми волнами недалеко от берега тени с бледными крыльями.

Тринадцать лет назад Удинаас был молодым моряком – шел третий год контракта его семьи с торговцем Интаросом из Трейта, самого северного города Летера. На борту китобоя «Сила» они возвращались из вод бенедов. Под покровом ночи удалось убить трех китов, и теперь туши волокли в нейтральные воды к западу от залива Калач, когда заметили погоню – пять к’орфан, кораблей хиротов.

Жадность капитана обрекла их – он отказался бросить добычу.

Удинаас хорошо помнил лица командиров китобоя и самого капитана, которых привязали к туше одного кита и оставили на милость акул и дхэнраби; простых моряков забрали с судна, отняв все железное и вообще все, что приглянулось эдур. На «Силу» спустили теней-призраков – сожрать и разодрать на части останки летерийского корабля. С двумя тушами на буксире пять кораблей к’орфан черного дерева отбыли, оставив третьего кита убийцам глубин.

Даже тогда Удинааса не волновала ужасная судьба капитана и командиров. Он родился должником, как и отец, и отец отца. Договор ученичества и рабство – два названия одного и того же. Да и жизнь в рабстве у хиротов не была особенно суровой. За повиновение ты получал защиту, одежду, жилье, спасающее от дождя и снега, и – до последнего времени – вдоволь пищи.

Среди множества обязанностей Удинааса в хозяйстве Сэнгаров была починка сетей для четырех рыболовных кораблей – кнарри, принадлежавших знатной семье. Бывшему моряку не позволялось покидать сушу, так что он мог только лишь смотреть на морские воды, починая сети и крепя к ним грузила, на южном берегу устья реки. Да и не стремился он бежать от эдур. В деревне было много рабов – все, разумеется, летери, – так что он не скучал по компании своих, как правило, жалких соплеменников. И уют Летера не манил его пойти на попытку побега – все равно обреченную. Все равно уют ему был недоступен. А главное, Удинаас страстно ненавидел море, еще с тех пор, как был моряком.

В неверном свете он видел на другом берегу речного устья двух старших сыновей Томада Сэнгара и без удивления ловил еле долетающие слова их разговора. Корабли летерийцев снова нанесли удар – рабы уже знали новости, не успел юный Рулад добраться до ворот цитадели. Как и следовало ожидать, собрался совет; и Удинаас полагал, что вскоре начнется бойня, закрутится яростный вихрь стали и чародейства, как и во время любого столкновения с летери на юге. И честно говоря, Удинаас желал воинам эдур доброй охоты.

Похищенные летерийцами тюлени грозили народу эдур голодом, а в голод первыми страдают рабы.

Удинаас вполне понимал своих соплеменников. Для летерийцев только золото что-то значит. Золото – мерило всего. Власть, положение, достоинство, уважение – эти товары можно купить за деньги. В самом деле, долговые обязательства опутывали все королевство, определяя отношения, бросая тень на каждое действие. Добыча тюленей – лишь первый ход в хитроумном плане, который летери применяли бесчисленное множество раз, против всех соседних племен. И эдур, по мнению летерийцев, такие же, как все. *Но они не как все, идиоты!*

В любом случае следующий ход будет сделан на Большой Встрече; Удинаас подозревал, что колдун-король и его мудрые советники пойдут на соглашение, как слепые старцы.

Будто детеныши, захваченные отливом, народы двух королевств неслись головой вперед в смертельные глубины.

Мимо шли три раба из дома Бунов с вязанками водорослей на плечах. Один из них обратился к Удинаасу:

– Пернатая Ведьма будет ворожить ночью, Удинаас! Как раз когда соберется совет.

Удинаас принялся сворачивать высохшую сеть.

– Я приду, Хулад.

Рабы ушли, и Удинаас вновь остался один. Взглянув на север, он увидел, как Фир и Трулл поднимаются по склону к боковым воротам наружной стены.

Свернув сеть, он собрал инструменты в корзинку, закрыл крышку и выпрямился.

За спиной раздалось хлопанье крыльев, и Удинаас обернулся – слишком поздно и темно для птиц. Белый силуэт скользнул над водой и исчез.

Удинаас моргнул и присмотрелся, убеждая себя, что ему показалось. Нет. Только не это. Удинаас сделал несколько шагов влево, к открытому песку, и, пригнувшись, мизинцем левой руки быстро начертил на песке знак-мольбу; правую руку он поднял к лицу и двумя пальцами на мгновение прижал веки, прошептав молитву:

– Брось костяшки, Спаситель, обрати сегодня ночью свой взор на меня. Странник! Обрати взор на всех нас!

Он опустил правую руку и посмотрел на начертанный символ.

– Ворон, сгинь!

Вздых ветра, шорох волн. И отдаленное карканье.

Содрогнувшись, Удинаас резко выпрямился и, схватив корзинку, побежал к воротам.

Королевская палата представляла собой громадный круглый зал; потолочные балки из черного дерева терялись в дымке. Неокропленные воины благородного происхождения стояли с краю, во внешнем круге допущенных на совет. Дальше на скамьях со спинками сидели матери семейств, замужние и вдовы. Еще дальше на шкурах сидели, поджав ноги, незамужние и нареченные. В шаге перед ними пол опускался на длину руки, образуя центральный круг утоптанной земли – здесь сидели воины. И в самом центре располагалось возвышение – диаметром в пятнадцать шагов, – где стоял колдун-король Ханнан Мосаг, а вокруг него, глядя на присутствующих, сидели пять захваченных принцев.

Спустившись с Фиром в круг, чтобы занять свое место среди окропленных воинов, Трулл поднял глаза на короля. На первый взгляд, Ханнан Мосаг, среднего роста и телосложения, был совсем непривлекательным. Простые черты лица, кожа светлее, чем у большинства эдур, и широкие глаза, словно распахнутые в постоянном удивлении. Его власть покоилась не на физической силе, а на голосе. Богатый и глубокий, этот голос хотелось слушать, даже если он звучал тихо.

Стоя в тишине, как сейчас, Ханнан Мосаг казался попавшим во власть случайно, словно забрел в центр громадного зала и теперь оглядывается в небывалом изумлении. Нарядом он не отличался от остальных воинов и не носил знаков отличия; в конце концов, его трофеи сидели вокруг него на возвышении – первые сыны подчиненных ему вождей.

Внимательно присмотревшись к колдуну-королю, можно было заметить и другой знак силы. Громадная тень простерлась за его спиной – длинная, расплывчатая, но обе руки в рукавицах держат по смертельному мечу. Шлем, квадратные от доспехов плечи. Тень-призрак Ханнана Мосага – недремлющий страж. И Трулл заметил, что в позе охранника нет никакого смущения.

Немногие колдуны могли создать такое существо, опираясь на жизненную силу собственной тени. Куральд Эмурланн тек сильно и свирепо в этом молчаливом, вечно бодрствующем страже.

Взгляд Трулла упал на тех заложников, что смотрели в его сторону. К’риснан. Не просто представители своих отцов, а ученики Ханнана Мосага в чародействе. Они лишились своих имен, а новые втайне выбрал хозяин и скрепил их заклятием. Однажды они вернутся в свои племена вождями – абсолютно преданными повелителю.

Прямо перед Труллом сидел заложник из племени мерудов. Самое большое племя из шести, меруды капитулировали последними. Они считали, что так как их почти сто тысяч, из которых сорок тысяч – окропленные или в скором времени окропленные воины, то они имеют право главенствовать среди эдур. Больше воинов, больше кораблей, во главе – вождь, у которого на поясе больше трофеев, чем у кого-либо. Меруды – главные.

Так и было бы, не владей с таким необычайным мастерством Ханнан Мосаг фрагментами Куральд Эмурланна, которые приносят власть. А вождь Ханради Кхалаг гораздо лучше управлялся с копьем, чем с колдовством.

Никто, кроме Ханнана Мосага и Ханради Кхалага, не знал подробностей этой последней капитуляции. Меруды крепко держались против хиротов и примкнувших племен арапаев, соллантов, ден-ратов и бенедов; ритуальные военные условности быстро забывались, уступая место ужасающей жестокости, порожденной отчаянием. Древние законы оказались на грани раскола.

Однажды ночью Ханнан Мосаг, почему-то никем не замеченный, пришел в деревню вождя, в его собственный большой дом. И к первому свету жестокого пробуждения Менандор Ханради Кхалаг сдал свое племя.

Трулл не знал, как относиться к историям, утверждавшим, что Ханради больше не отбрасывает тени. Сам он впоследствии не видел вождя мерудов.

Первенец вождя теперь сидел перед Труллом – голова выбрита в знак того, что он отлучен от родной семьи, паутина глубоких широких шрамов покрывает лицо, невыразительные глаза смотрят настороженно, словно выискивая убийственный заговор в собственном зале колдуна-короля.

Масляные лампы, подвешенные под высоким потолком, разом моргнули, и все умолкли, пристально глядя на Ханнана Мосага.

Он не повышал голос, но богатый тембр разносился по огромному залу, так что никому не приходилось напрягать слух, чтобы уловить слова.

– Рулад, неокропленный воин и сын Томада Сэнгара, принес мне весть от своего брата, Трулла Сэнгара. Этот воин отправился на побережье Калача в поисках нефрита. Он стал свидетелем ужасного события и бежал без остановки три дня и две ночи. – Взгляд Ханнана Мосага уперся в Трулла. – Поднимись и встань рядом со мной, Трулл Сэнгар, и поведай свою историю.

Трулл прошел мимо расступившихся воинов и запрыгнул на возвышение, стараясь скрыть слабость ног, чуть не подкосившихся от усилия. Выпрямившись, он прошел между

двумя к'риснан и встал справа от колдуна-короля. Трулл оглядел поднятые к нему лица и увидел, что большинство уже знают, о чем он собирается поведать. Лица потемнели от гнева и жажды мести. То и дело кто-то озабоченно хмурился.

– Я принес слово совету. Клыкастые тюлени пришли рано на свое лежбище. За мелководьем я видел акул – бессчетное количество. А среди них – девятнадцать летерийских кораблей...

– *Девятнадцать!*

Полсотни голосов слились в едином крике. Однако такое нарушение приличий можно было понять. Трулл подождал мгновение, потом продолжил:

– Их трюмы были почти полны – корабли сидели в воде низко, а море покраснело от крови и потрохов. Промысловые лодки сновали рядом с большими кораблями. За пятьдесят ударов сердца, что я стоял и смотрел, я видел сотни трупов тюленей, поднимаемых на крюках. Двадцать лодок ждали у берега, а на берегу среди тюленей было семьдесят человек.

– Они заметили тебя? – спросил один воин.

Ханнан Мосаг, похоже, решил совсем махнуть рукой на правила – по крайней мере, пока.

– Заметили... и прекратили бойню – на мгновение. Я видел, как двигаются их губы, хотя не мог слышать слов за ревом тюленей, и видел, как они смеются...

Ропот поднялся среди слушателей. Воины вскочили на ноги.

Ханнан Мосаг поднял руку.

Мигом все стихли.

– Трулл Сэнгар еще не кончил рассказ.

Трулл, откашлявшись, кивнул.

– Вы видите меня, воины, а те из вас, кто знает меня, знают и мое любимое оружие – копье. Вы видели меня когда-нибудь без моего окованного железом потрошителя врагов? И вот, увы, я оставил его... в груди того, кто засмеялся первым.

Эти слова были встречены ревом.

Ханнан Мосаг положил руку на плечо Трулла, и молодой воин отступил в сторону. Колдун-король мгновение изучал лица собравшихся, потом заговорил:

– Трулл Сэнгар сделал то, что сделал бы любой воин эдур. Его поступок воодушевил меня. Однако теперь он стоит тут безоружный.

Трулл почувствовал, как тяжела рука на его плече.

– Размышляя взвешенно, как положено королю, – продолжал Ханнан Мосаг, – я понимаю, что должен отринуть гордость и смотреть вдаль. На то, что имеет значение. Брошенное копье. Мертвый летери. Безоружный эдур. И вот, глядя на лица моих драгоценных воинов, я вижу тысячу летящих копий, тысячу мертвых летери. Тысячу безоружных эдур.

Все молчали. Никто и не подумал возразить: *у нас много копий*.

– Я вижу жажду мести. Налетчики заслужили смерть. Даже в преддверии Большой Встречи, потому что их смерть *нужна*. Нашего ответа ждали, потому что такую игру затеяли летерийцы с нашей жизнью. Поступим мы так, как хочется им? Конечно. На такое преступление ответ может быть только один. И, ответив предсказуемо, мы будем следовать неизвестному плану, который, вне сомнения, откроется на Большой Встрече.

Эти слова заставили многих нахмуриться в явном смущении. Ханнан Мосаг увел слушателей на незнакомую территорию сложностей.

– Нарушители умрут, – продолжал колдун-король, – однако никто из вас не прольет их крови. Мы сделаем то, чего от нас ожидают, но так, как они и представить не в состоянии. Время убивать летери наступит не сейчас. Я обещаю вам кровь, мои воины. Но не теперь. Нарушителям не выпадет честь умереть от вашей руки. Их судьбу решит Куральд Эмурланн.

Трулл Сэнгар, не сдержавшись, содрогнулся.

Снова тишина окутала зал.

– Полное раскрытие, – гремел Ханнан Мосаг, – покажут мои к’риснан. Не оружие настигнет летерийцев. Их маги ослепнут и потеряются, не в силах противостоять тому, что придет за ними. Нарушители умрут в мучениях и ужасе. Объятые страхом, визжа, как дети, – и судьбу несчастных прочтет на их лицах тот, кто найдет их.

Сердце Трулла колотилось, во рту пересохло. Полное раскрытие. Какую давно потерянную силу обнаружил Ханнан Мосаг? Последнее полное раскрытие Куральд Эмурланна сотворил сам Скабандари Кровавый глаз, Отец Тень, до того, как путь был утерян. Потерю возместить не удалось. И никогда, подозревал Трулл, не удастся. Неужели колдун-король обнаружил что-то новое?

Потрепанные, потертые и щербатые глиняные плитки лежали перед Пернатой Ведьмой. Бросок уже был сделан, когда Удинаас ввалился в пыльный сарай, торопясь объявить о знамении – предупредить молодую рабыню, чтобы не забиралась в Обители. Поздно. *Слишком поздно.*

На гадание пришла примерно сотня рабов, меньше, чем обычно. Ничего удивительного, многие воины эдур загрузили своих рабов работой – готовились к ожидаемой стычке. Когда Удинаас вошел в круг, на него обернулись. Сам он смотрел только на Пернатую Ведьму.

Она уже прошла далеко по пути к Обителям. Голова поникла, подбородок уперся между выдающимися ключицами, густые желтые волосы опустились на лицо, и маленькое детское тело сотрясала ритмичная дрожь. Пернатая Ведьма родилась в этой деревне восемнадцать лет назад. Редкое зимнее рождение – редкое, потому что она выжила; о способностях девочки стало известно до ее четвертого дня рождения, когда в своих повторяющихся снах она начала говорить с голосами предков. Старые плитки Обителей выкопали из могилы последнего летерийца в деревне, обладавшего способностями, и отдали ей. Некому было научить ее тайне плиток, но, как оказалось, девочке и не требовалась помощь смертных – обо всем позаботились духи предков.

Она была служанкой Майен и после свадьбы Майен придет в дом Сэнгаров. А Удинаас был в нее влюблен.

Разумеется, безответно. Пернатая Ведьма достанется мужу из числа достойнейших рабов летери, человеку, чья семья владела титулом и властью в Летерасе. Должникам вроде Удинааса нечего рассчитывать на такую партию.

Удинаас стоял и смотрел на нее, пока Хулад не взял его за запястье и не усадил на землю среди остальных.

Наклонившись поближе, друг тихо спросил:

– В чем дело, Удинаас?

– Она бросила...

– Да, и теперь мы ждем, когда она вернется.

– Я видел Белого Ворона.

Хулад содрогнулся.

– Там, на берегу. Я взмолился Страннику, но ничего не помогло. Ворон только посмеялся над моими словами.

Их разговор слышали, и поднялся ропот.

Внезапный стон Пернатой Ведьмы заставил всех замолкнуть. Она медленно подняла руку.

Белки закатившихся глаз напоминали лед горных потоков, радужки и зрачки словно пропали навсегда. А за белками проплывала двойная спираль призрачного света, зыбкая на черном фоне Бездны.

Ужас искажил прекрасные черты девушки, первоначальный ужас души, стоящей перед забвением, в месте такого одиночества, что единственным ответом было отчаяние. И все же это было также место мысли, и мысль мерцала через Бездну, лишенную Творцов, рожденных во плоти, чтобы существовать, – только разум может вернуться в прошлое, только мысли могут там существовать. Ведьма отправилась во времена до начала миров и теперь шла вперед.

Чтобы увидеть восхождение Обителей.

Удинаас, как и все летери, знал порядок и формы. Сначала три Опоры, известные как Творцы владений. Огонь, бесшумный вскрик света, водоворот звезд. Дольмен, суровый и не имеющий корней, бесцельно странствующий в пустоте. И на пути у этих двух стихий – Странник. Носитель своих собственных непонятных законов, он вовлек Огонь и Дольмен в яростные войны. Громадные поля непрерывного взаимного уничтожения. Однако порой – редко – устанавливался мир между двумя противниками. И огонь ластился, но не обжигал, а Дольмен прекращал скитания и пускал корни.

И тогда Странник принимался плести таинственные узоры, создавать сами Обители. Лед. Элейнт. Азаты. Зверь. Посреди них возникли остальные Опоры. Топор, Кастет, Клинок, Стая, Оборотень и Белый Ворон.

Потом, когда владения приняли форму, спиральный свет стал ярче, и явилась последняя Обитель. Незримая, она существовала с самого начала. Пустая Обитель – средоточие верований летери – была в центре громадной спирали владений. Дом престола, не знавшего Короля, дом Странствующего Рыцаря и Хозяйки, ожидающей в одиночестве на постели снов. Дом Наблюдателя, видевшего все, и Скорохода, обходившего границы, которых даже сам не видел. Дом Спасителя, никогда не стискивавшего кулак. И наконец, дом Предателя, чьи нежные объятия разрушали все, чего он касался.

– Идем со мной к Обителям.

Слушатели вздохнули разом, не в силах сопротивляться страстному тихому приглашению.

– Мы стоим на Дольмене. Разбитый камень, изрытый разлетевшимися осколками, на его поверхности кипит жизнь такая мелкая, что трудно разглядеть. Жизнь, запертая в бесконечных войнах. Клинок и Кастет. Мы среди Зверей. Я вижу Костяной трон, скользкий от крови и укрытый слоями призрачных воспоминаний о бесчисленных узурпаторах. Я вижу Старца, все еще безликого, все еще слепого. И Каргу, которая отмеряет цену неясным путям исполинов. Провидца, который обращается к безразличным. Я вижу Шамана, ищущего истину среди мертвых. И Охотника, который живет одним днем и не думает ни о чем, кроме непрерывных убийств. И Следопыта, который ищет знаки неизвестного и бредет бесконечными тропами трагедии.

Обитель Зверя в этой долине – всего лишь царапина на твердой коже Дольмена.

Никого нет на Костяном троне. Хаос заточивает оружие, убийства продолжаются. Из мощного водоворота выходят существа, и убийства творятся без меры.

На такую силу следует ответить. Странник возвращается и бросает семя в пропитанную кровью землю. Так возникает Обитель Азатов.

Смертельное пристанище для тиранов... их нетрудно соблазнить. Так достигается равновесие. Но ведь равновесие жуткое, правда? Нет конца войнам, хотя и стало их меньше, так что наконец все сосредоточилось на них.

В голосе Ведьмы звучало вольное чародейство. Грубая песня врывалась, мучила, открывала видения разуму всех слушающих. Пернатая Ведьма вернулась из Первоначального ужаса, и не было страха в ее словах.

– Но шаги времени и есть тюрьма. Мы закованы в прогресс. И Странник приходит снова, и возникает Обитель Льда, с прислужниками, путешествующими по владе-

ниям, чтобы противостоять времени. Бродяга, Охотница, Закройщик, Оруженосец, Дитя и Семья. А на Ледяном троне сидит Смерть, в капюшоне, стылая; похищает любовь, разбивает тревожные оковы смертной жизни. Это дар, дар холодный.

Затем, чтобы снова достичь равновесия, был рожден Элейнт, и хаос обрел плоть – плоть драконью. Правила Королева, убиваемая снова и снова каждым ребенком, которого приносила. И ее Консорт, не любящий никого, кроме себя. Вассал – слуга и телохранитель, обреченный на вечное поражение. Рыцарь, клинок самого Хаоса – не вставай на его пути! И Врата, которые есть дыхание. Вивал, порождение драконов, и Дама, Сестра, Пьющий кровь и Землемер. Павшие Драконы.

И остается еще одна Обитель...

Удинаас в унисон со всеми прошептал:

– Пустая Обитель.

Пернатая Ведьма внезапно наклонила голову, ее чело нахмурилось.

– *Что-то кружит над Пустым тронem. Не знаю что, но... кружит. Бледная рука, пляшет сама по себе... нет, это...*

Она оцепенела, из ран на плечах хлынула кровь, и ее оторвало от пола.

Крича, собравшиеся повскакали на ноги и ринулись вперед, протягивая руки.

Поздно! Невидимые когти сомкнулись крепче, и невидимые крылья взметнули пыль в сарае. Пернатую Ведьму понесло в тень под закругленным потолком. Она закричала.

Удинаас бросился, расталкивая всех, к деревянной лестнице, ведущей на чердак. Щепки впивались в ладони, когда он карабкался по крутым грубым ступеням. Крики Пернатой Ведьмы наполняли воздух, пока она извивалась в невидимых когтях. *У воронов нет таких когтей...*

Он добрался до чердака, не отрывая глаз от Пернатой Ведьмы, в шаге от края прыгнул в воздух и, растопырив руки, пролетел над головами толпы вниз.

Он целился в беснующийся воздух, пытался дотянуться туда, где парило невидимое существо. И столкнулся с тяжелым чешуйчатым телом, обхватил руками нечто липкое и мускулистое. Раздалось дикое шипение, над левым плечом лягнула челюсть. Остро отточенные зубы проткнули кожу, глубоко вонзившись в плоть.

Удинаас заревел.

Вивал, порождение элейнтов...

Левой рукой он пытался нащупать на поясе рыболовный нож.

Зверь вцепился в плечо, и хлынула кровь.

Нащупав потертую деревянную рукоятку, Удинаас выхватил кривой нож. Внутренняя кромка была остро наточена, чтобы легко срезать узлы. Извиваясь, стиснув зубы, стараясь не обращать внимание на челюсти рептилии, кромсающие изодранное плечо, он нанес удар сверху вниз – туда, где должна была находиться одна из лап вивала. Попал. Снова полоснул внутренней кромкой ножа по сухожилиям.

Зверь взревел.

И отпустил Пернатую Ведьму.

Она рухнула в лес поднятых внизу рук.

Удар когтей пробил грудь Удинааса.

Он взмахнул ножом – и снова попал. Лапа отдернулась.

Челюсти разжались – и снова сжались, теперь на шее.

Кривой нож выпал из разжавшейся руки. Кровь залила рот и нос.

И снова взревел вивал, теперь от ужаса и боли; звук вырывался из ноздрей чудища горячими струями, обжигавшими спину Удинааса. Челюсти раскрылись.

Удинаас полетел вниз.

И больше ничего не чувствовал.

Все потянулись к выходу, когда Ханнан Мосаг тронул Трулла за плечо.

– Останься, – тихо произнес он. – И твои братья пусть останутся.

Трулл наблюдал, как уходят группками знакомые воины. То и дело можно было заметить, как вспыхивает смятение на лице взволнованного воина, повернувшегося бросить последний взгляд на колдуна-короля и его к'риснан. Фир подошел ближе, за ним – Рулад. Лицо Фира оставалось непроницаемым – он ничему не удивлялся, – а Рулад, похоже, не мог успокоиться; он вертел головой туда-сюда, рука похлопывала по рукояти меча у пояса.

Еще двенадцать ударов сердца – и они остались одни.

Заговорил Ханнан Мосаг:

– Посмотри на меня, Трулл Сэнгар. Надеюсь, ты понимаешь: я не намерен критиковать твой поступок. Я и сам бросил бы копье в этого летери за его наглость. Я выставил тебя в плохом свете, прими мои извинения.

– Это ни к чему, государь, – ответил Трулл. – Мне приятно, что в моих действиях вы нашли точку опоры, чтобы повлиять на совет.

Колдун-король наклонил голову.

– Опоры. – Он улыбнулся, хотя и натянуто. – Тогда больше не будем об этом, Трулл Сэнгар.

Ханнан Мосаг перевел взгляд на Рулада и заговорил строже:

– Рулад Сэнгар, неокропленный, ты сейчас присутствуешь здесь, потому что ты – сын Томада... И мне нужны все его сыновья. Надеюсь, ты будешь слушать, а не говорить.

Рулад, неожиданно побледнев, кивнул.

Ханнан Мосаг прошел между двумя своими к'риснан – которым пришлось расступиться – и повел трех сыновей Томада с возвышения.

– Я понимаю, почему Бинадас снова странствует. У него нет якоря, верно? Ну ничего, расскажете брату, когда он вернется, обо всем, что услышите от меня сегодня.

Они вошли в чертог колдуна-короля. Тут не было ни жены, ни рабов. Ханнан Мосаг жил просто, в компании теневого стража. Просторная комната содержалась в строгом порядке.

– Три луны назад, – начал, повернувшись лицом к братьям, Ханнан Мосаг, – мой дух путешествовал, пока я спал. И было мне видение. Я находился на заледеневшей равнине – за землями арапаев, к северу и востоку от Голодного озера. Земля там всегда спокойна, но сейчас там рождается сильное присутствие, злое и безжалостное. Ледяная игла. Или копье – я не смог подобраться близко. Оно возвышалось над снегами, блистая, ослепляя отраженным солнечным светом. Что-то темное таилось в его сердцевине... – Глаза Ханнана Мосага помутились, и Трулл с содроганием осознал, что повелитель вновь оказался в том холодном пустынном месте. – Дар. Для эдур. Для колдуна-короля.

Он замолк.

Никто не проронил ни слова.

Вдруг Ханнан Мосаг протянул руку и вцепился в плечо Фира, пристально глядя на старшего брата Трулла.

– Четыре сына Томада Сэнгара должны туда отправиться. Забрать дар. Вы можете взять еще двоих – я видел в видении шесть пар следов, ведущих к ледяной игле.

Фир заговорил:

– Терадас и Мидик Буны.

Колдун-король кивнул.

– Да, правильный выбор. Фир Сэнгар, я назначаю тебя командиром отряда. Ты исполнишь мою волю, и никто не посмеет прекословить тебе. Ни ты, ни другие не должны при-

касаться к дару. Возьмите его из ледяной иглы, заверните в шкуры, если получится, и возвращайтесь.

Фир кивнул.

– Ваше приказание будет исполнено, государь.

– Хорошо. – Ханнан Мосаг оглядел трех братьев. – Многие уверены, может, даже вы сами, что объединение племен было моей единственной целью, как вождя хиротов. Сыновья Томада, знайте: это лишь начало.

Внезапно в комнате возник кто-то еще; и король, и братья разом повернулись к входу.

На пороге стоял к'риснан.

Ханнан Мосаг кивнул.

– Рабы, – кивнул он, – были заняты сегодня ночью. Пойдемте все вместе.

Вокруг души витали тени-призраки; да от него и осталась только душа, недвижимая и беззащитная. Она видела без глаз, ощущала без кожи, как смутные жестокие существа приближались и кружили, как собаки вокруг черепахи.

Они были очень голодны, эти призрачные духи. И все же что-то удерживало их, какой-то глубокий запрет. Они тыкали и пинали его, но и только.

Тени-призраки неохотно подались назад, когда появился кто-то или что-то, и Удинаас почувствовал рядом теплое охраняющее присутствие.

Пернатая Ведьма. Она невредима, смотрит на него насмешливыми серыми глазами.

– Сын долга, – сказала она, покачав головой. – Говорят, ты освободил меня, одолев вивала... Твоя любовь жжет мне глаза, Удинаас. Что мне делать с этой правдой?

Удинаас почувствовал, что может говорить.

– Ничего не делай, Пернатая Ведьма. Я знаю, чему не бывать. Я не сломаюсь под этой ношей.

– Я вижу.

– Что произошло? Я умираю?

– Умирал. Урут, жена Томада Сэнгара, откликнулась на наши... страдания. Она призвала Куральд Эмурланн и сумела прогнать вивала. А сейчас она исцеляет нас обоих. Мы лежим бок о бок, Удинаас, на пропитанной кровью земле. Лежим без сознания. А она удивляется, что мы не хотим возвращаться.

– А мы не хотим?

– Ей нелегко излечить наши раны – я сопротивляюсь за нас обоих.

– Почему?

– Я встревожена. Урут ничего не чувствует, ей кажется, что ее сила чиста. А она... запятнана.

– Не понимаю. Ты сказала – Куральд Эмурланн...

– Он потерял чистоту. Не знаю как, не знаю почему, но он изменился. Среди всех эдур он *изменился*.

– И что нам делать?

– Возвращаться, – вздохнула она. – Выполняй ее приказы. Вырази благодарность за участие, за излечение нашей истерзанной плоти. Однако на ее многочисленные вопросы мы можем ответить немного. Все смешалось. Битва с неизвестным демоном. Хаос. И об этом разговоре, Удинаас, мы не скажем ничего. Понял?

– Да.

Она потянулась. Удинаас почувствовал ее руку рядом со своей, и к нему потекло тепло.

Теперь он слышал, как стучит сердце в ответ на прикосновение. Услышал стук и другого сердца – на расстоянии, но все ближе. Но это не она... Удинаас почувствовал ужас.

Мать Трулла отступила назад, нахмуренные брови расправились.

– Возвращаются, – сказала она.

Трулл уставился на двух рабов. Удинаас – из их дома. А вторая – из служанок Майен, ее прозвали Пернатая Ведьма за умение ворожить. Дыры в их рубашках еще были заляпаны сгустками крови, но сами раны затянулись. На груди Удинааса виднелись пятна другой крови – золотой и по-прежнему блестящей.

– Надо запретить эти гадания, – прорычал Ханнан Мосаг. – Позволять колдовство летери в своем доме – опасная снисходительность.

– Есть и польза, высокий король, – сказала Урут. Трулл видел, что она все еще озабочена.

– И в чем же, жена Томада?

– На ясный призыв, высокий король, нам стоит обратить внимание.

Ханнан Мосаг поморщился.

– Это кровь вивала на рубахе у мужчины? Он заразился?

– Возможно, – согласилась Урут. – Многое из того, что творится в душе летери, скрыто от моего искусства, высокий король.

– Этим страдаем мы все, Урут. – Колдун-король оказал большую честь, назвав ее настоящим именем. – Нужен постоянный присмотр, – продолжил он, глядя на Удинааса. – Если в нем кровь вивала, в конце концов правда откроется. Чей он?

Томад Сэнгар прочистил горло.

– Этот – мой, колдун-король.

Ханнан Мосаг нахмурился. Трулл понял, что тот думает о своем сне и о решении вовлечь в историю семью Сэнгар. Совпадения в мире редки. Колдун-король заговорил строже:

– Пернатая Ведьма принадлежит Майен, да? Скажи, Урут, ты чувствовала ее силу, когда лечила?

Мать Трулла покачала головой.

– Ничего особенного. Или...

– Или что?

Урут пожала плечами.

– Или она, несмотря на раны, умело скрывала свою силу. Если так, ее сила превосходит мою.

Невозможно. Она летери. Она рабыня и еще девственница.

Ханнан Мосаг хмыкнул, явно подумав о том же.

– На нее напал вивал, справиться с которым ей явно не по плечу. Нет, девчонка – неумеха. Плохо обучена и не представляет огромности того, во что ввязывается. Смотри, она только в себя приходит.

Пернатая Ведьма подняла дрожащие веки, и выражение непонимания быстро сменилось животным ужасом.

Ханнан Мосаг вздохнул.

– Какое-то время от нее не будет толку. Пусть о ней заботятся Урут и другие женщины.

Он повернулся к Томаду Сэнгару:

– Когда вернется Бинадас...

Томад кивнул.

Трулл обернулся на Фира. Позади него коленопреклоненные рабы, присутствовавшие на гадании, прижались к земле, не шевелясь с самого появления Урут. Строгие глаза Фира словно сосредоточились на чем-то, чего не видел никто другой.

Когда вернется Бинадас... сыновья Томада отправятся. В ледяную пустыню.

Удинаас издал болезненный стон.

Колдун-король, не обращая внимания, зашагал к выходу из сарая; к'риснан держались сбоку, а теневой страж протянулся сзади. На пороге этот чудовищный дух вдруг чуть помедлил и бросил взгляд назад – хотя невозможно было понять, на кого глядели невидимые глаза.

Удинаас вновь застонал, и Трулл заметил, как дрожат руки раба.

На пороге теневой дух пропал.

Глава вторая

*Хозяйка отпечатков,
любовница тех следов,
которые оставил он,
ведь он странствует путями,
пролегающими среди нас.*

*Сладкий вкус потери
питает каждый горный поток,
несущий лед к морям,
теплым, как кровь,
сплетая наши сны.*

*Ведь там, куда он ведет ее,
лежат кости,
а путь, по которому он идет, —
безжизненная плоть,
и море не помнит ничего.*

Баллада древних Обителей. Рыбак кель Там

В туманной дымке далеко позади и на западе, в сверкающей шири залива Предела, отражалось бледное небо, пряча черные бездонные глубины. Со всех других сторон, кроме каменистой тропы прямо перед Сэрен Педак, возвышались зубчатые горы. Укрытые снегом пики блестели на солнце, не видном отсюда, с южной стороны перевала.

Пронизывающий ветер пропах льдом, зимним дыханием холодного разложения. Сэрен поплотнее завернулась в меха, наблюдая за продвижением каравана по тропе.

Три фургона на крепких деревянных колесах скрипели, покачиваясь. Вокруг каждого фургона суетились слуги из племени нерексов с голыми торсами – передние впряглись в веревки, а задние несли стопорные блоки, чтобы остановить в случае чего подавшуюся назад неуклюжую повозку.

В фургонах, среди прочего товара, лежали девяносто металлических заготовок – по тридцать на фургон. Не знаменитая летерийская сталь, разумеется, но следующая по качеству, отоженная и практически без примесей. Каждая заготовка длиной в руку Сэрен и в два раза ее толще.

Разреженный воздух был обжигающе холодным. И все равно нерекки работали полуобнаженные, и пот струился по скользкой коже. Если стопор не сработает, нерек сам бросится под колеса.

За это Бурук Бледный платил им по два докса в день.

Сэрен Педак работала у Бурука аквитором, обеспечивая проход по землям эдур. Было семь аквиторов, одобренных последним соглашением. Ни один торговец не смел появиться на территории эдур без сопровождения аквитора. Платили Сэрен Педак и остальным шести щедро. А Бурук платил Сэрен щедрее всех, и сейчас она принадлежала ему. Верней, ему принадлежали ее услуги как проводника и следопыта, – но об этом различии он, похоже, все больше забывал.

Впрочем, контракт заключен на шесть лет. И осталось всего четыре.

Наверное.

Она еще раз повернулась и стала смотреть на тропу впереди. Они отошли меньше чем на сотню шагов вверх от линии деревьев. Высотой по колено, вдоль тропы росли вековые карликовые дубы и ели. Мох и лишайник покрывали громадные валуны, в течение веков нанесенные сюда ледяными потоками. В затененных местах сохранились покрытые хрустящим настом пятна снега. Ветру не под силу было двинуть хоть что-то – ни жесткие ели, ни корявые голые ветви дубов; неспособный справиться с такой невозмутимостью, он мог только выть.

За спиной первый фургон с грохотом вышел на ровную поверхность, прокатился вперед под крики на нерекском языке и замер. Нереки поспешили на помощь к товарищам на подъеме.

Скрипнула дверца, и из фургона выбрался Бурук Бледный. Он широко расставил ноги, словно пытаясь обрести равновесие, отвернулся от ледяного ветра и вцепился в отороченную мехом шапку, моргая на Сэрэн Педак.

– Это зрелище отпечатается на каждой кости моего черепа, достойный аквитор! Разумеется, вместе со многими остальными. Бурый меховой плащ, величавая, первозданная грация. Обветренное величие вашего профиля, так искусно обрамленного дикими вершинами... Эй, нерек! Давай сюда старшего – устроим лагерь здесь. Готовьте пищу. Разгрузите дрова из третьего фургона. Я желаю костер. Шевелитесь!

Сэрэн Педак сняла заплечный мешок и прошла дальше по тропе. Ветер отнес слова Бурука. Пройдя тридцать шагов, она приблизилась к первой из древних усыпальниц – там, где тропа расширялась и поцарапанное каменное основание доходило до отвесных скальных стен. На каждой площадке расставленные валуны образовывали контуры корабля; заостренные нос и корма были отмечены каменными столбами. Носовой валун когда-то изображал бога эдур, Отца Тень, но ветра давно стерли детали. Что бы раньше ни стояло в двух боковых кораблях, оно давно исчезло, оставив только странные пятна.

Отвесные каменные стены хранили остатки древней силы. Гладкий черный камень просвечивал, словно тонкий дымчатый обсидиан. А за ним двигались фигуры. Скалы казались пустотелыми, и каждая панель была своего рода окном, открывающим таинственный, вечный мир внутри. Мир, не замечающий ничего за границами неприступного камня и этих странных панелей, то ли слепых, то ли равнодушных.

Полупрозрачный обсидиан не позволял Сэрэн рассмотреть фигуры, движущиеся по ту сторону, как и всегда прежде, когда она сюда приходила. Но сама мистерия была неотразимо притягательна, снова и снова маня к себе.

Аккуратно обойдя корму каменного корабля, Сэрэн подошла к восточной панели и, сняв отороченную мехом рукавицу, приложила правую руку к гладкому камню. Тепло вытягивало окоченелость из пальцев и ломоту из суставов. Это был секрет Сэрэн, она обнаружила исцеляющую силу, еще когда впервые коснулась камня.

Долгая жизнь в этих жестких землях отняла гибкость у тела. Кости стали хрупкими и отчаянно болели. От бесконечного твердого камня под ногами каждый шаг вскоре начинал отдаваться болью и толчками в позвоночнике. Нереки, племя, которое, прежде чем склониться перед королем летери, проживало на дальнем востоке, считали себя порождением женщины и змея. Они полагали, что змей еще таится в теле и, огибая нежно хребет, прячет голову в центре мозга. Однако горы презирают змея и желают вернуть его обратно в землю, в свое нутро, чтобы он скользил в трещинах и свивался под камнями. И так в течение жизни змею приходится гнуться, извиваться и крутиться.

Нереки хоронят мертвых под плоскими камнями.

По крайней мере, хоронили раньше, пока королевский указ не вынудил их принять судьбу Обитателей.

Теперь мертвецы остаются там, где упали. И даже их хижины пустеют. Уже столько лет прошло, а Сэрэн Педак с болью помнила, как перевалила через гору и посмотрела на громадное плато, где обитали нереки. Деревни потеряли границы, перемешались в унылом хаосе. Каждая третья или четвертая хижина превратилась в развалины, во временную могилу для умерших от болезни, старости или от излишнего потребления алкоголя, белого нектара или дурханга. Дети бродили без призора, преследуемые беспощадными каменными крысами, которые плодились бесконтрольно и из-за болезней были несъедобны.

Нереки уничтожены, выкарабкаться из ямы им уже не суждено. Их родная земля превратилась в запущенное кладбище, а города летери предлагали только долги и уничтожение. Никто им не сочувствовал. Образ жизни летери суров, но правилен, это путь цивилизации. Доказательством служило процветание – там, где идущие другими путями оступались или оставались слабыми и нуждались в поддержке.

Ледяной ветер больше не кусал Сэрэн Педак. Тепло камня разлилось по телу. Прикрыв глаза, она уперлась лбом в гостеприимную поверхность.

Кто там движется? Это вправду предки эдур, как утверждают хироты? Если так, почему они видят не лучше самой Сэрэн? Неясные тени, снующие туда-сюда, потерянные, словно дети нерексов в умирающих деревнях.

Она была верна своим, пусть и неприятным, убеждениям. *Они – стражи тщетности. Аквиторы абсурда. Отражения нас самих, навеки запертые в бессмысленных повторениях. И всегда расплывчатые, ведь большего мы не можем достичь, глядя на себя, на свою жизнь. Ощущения, память, опыт – зловонная почва, в которой укореняются мысли. Бледные цветы под безжизненным небом.*

Если бы она могла, то нырнула бы в эту каменную стену. Бесконечно бродить среди бесформенных теней, вероятно, то и дело оглядываться и не видеть чахлах деревьев, мха, лишайника и прохожих... Нет, видеть только ветер. Один только завывающий ветер.

Она услышала его шаги задолго до того, как он вышел в дрожащий круг света от костра. Его поступь насторожила и нерексов, сгрудившихся под драными шкурами полукругом на краю освещенного пространства, – они быстро поднялись и потекли навстречу твердым шагам.

Сэрэн Педак продолжала смотреть на огонь – беспечную трату дров, согревавшую Бурука Бледного, пока он напивался, мешая вино с белым нектаром; она старалась унять тик в углу рта, непрошеную и неприятную ироническую усмешку, выражавшую горькое веселье по поводу близящегося соединения разбитых сердец.

Бурук Бледный вез с собой секретные инструкции – занимавший целый свиток список поручений от других торговцев, спекулянтов и чиновников; и даже, похоже, от самого Королевского Двора. И что бы ни подразумевали эти инструкции, их содержание убивало Бурука. Вино он всегда любил, но без добавления обольстительного разрушителя – белого нектара. Только в этом путешествии он начал использовать новое топливо для угасающей души; в этом топливе он готов был утонуть, как в глубинах залива Предела.

Еще четыре года. Наверное.

Нереки обступили пришедшего, десятки голосов сплелись в суеверном бормотании, словно прихожане молили особо привередливого бога. Он пытался, выдавая лишь глазами, как неприятны ему бесконечные объятия, сказать каждому что-то – что-нибудь, что не сочли бы благословением. Он хотел сказать, что вовсе не достоин такого почитания. Он хотел сказать, что сам – сплошная неудача, как и они сами. Все они потеряны в этом мире с ледяным сердцем. Он хотел сказать... но Халл Беддикт ничего не говорил. По крайней мере, ничего столь отважно беззащитного...

Бурук Бледный встрепенулся и заморгал мутными глазами.

– Кто там?

– Халл Беддикт, – ответила Сэрэн Педак.

Торговец облизнул губы.

– Старый посланник?

– Да. Хотя я не советовала бы так его называть. Он давно вернул королевский жезл.

– И тем самым предал летери, – засмеялся Бурук. – Бедный честный дурачок. Честь требует бесчестия, забавно, да? Доводилось видеть ледяную гору в море? Ее без усталости грызут снизу жадные зубы соленой воды. Вот так.

Он запрокинул бутылку, и Сэрэн глядела, как дергается его кадык.

– Бесчестье вызывает жажду, Бурук?

Он опустил бутылку, выпучив глаза. Потом слабо улыбнулся.

– Страшную, аквитор. Я как тонущий человек, который глотает воздух.

– Только это не воздух, а вода.

Бурук пожал плечами.

– Сперва удивляешься.

– Потом привыкаешь.

– Ага. И в последние мгновения звезды плывут невиданными потоками.

Халл Беддикт разобрался с нереками и вышел на освещенное место. Ростом почти как эдур. Завернут в белую шкуру полярного волка, такие же белые волосы заплетены в косу. От солнца и суровых ветров лицо приобрело цвет дубленой кожи. Серые глаза так поблекли, что казалось, что человека за ними нет. Нет его и дома – Сэрэн Педак это хорошо знала.

Нет, его потерянная плоть и кости, его тело перед нами.

– Погрейся, Халл Беддикт, – предложила она.

Он смерил ее отсутствующим взглядом – так смотреть умел только он.

Бурук Бледный засмеялся.

– А что толку? Его не прогреть через эти шкуры. Хочешь есть, Беддикт? Пить? Вряд ли. Женщину? Могу предложить одну из нерекских полукровок – крошки ждут в моем фургоне. – Он шумно плотнул из бутылки. – Будешь?.. Гляньте, он даже не скрывает отвращения.

Глядя на старого посланника, Сэрэн спросила:

– Ты шел через перевал? Снег стаял?

Халл Беддикт посмотрел на фургоны и ответил странным голосом, словно разговаривал последний раз давным-давно:

– Должно быть.

– Куда ты направляешься?

– С вами, – ответил он, глядя на Сэрэн, которая в ответ подняла брови.

Бурук Бледный засмеялся, размахивая бутылкой; последние капли шипели, попадая в огонь.

– Прекрасная компания! Великолепно! Нереки будут в восторге. – Он покачнулся в опасной близости от огня, но выпрямился и заковылял к своему фургону.

Сэрэн и Халл проводили его взглядами, и Сэрэн увидела, что нереки вернулись на свои спальные места, однако следят блестящими глазами за старым посланником, который подошел ближе к костру и медленно уселся, протянув к теплу огрубевшие руки.

Порой они мягче, чем кажутся, вспомнила Сэрэн. Однако память лишь всколыхнула давно остывший пепел, и Сэрэн просто подбросила полено в голодный огонь перед Халлом, глядя, как взметнулись в небо искры.

– Он хочет остаться в гостях у хиротов до Большой Встречи?

Она метнула в него взгляд, потом пожала плечами.

– Думаю, да. Поэтому ты решил отправиться с нами?

– Все будет не как с прошлыми договорами, – сказал он. – Эдур больше не разобщены. Колдун-король правит безраздельно.

– Да, все меняется.

– И Дисканар посылает Бурука Бледного.

Она фыркнула, бросив в костер откатившееся полено.

– Неудачный выбор. Вряд ли он сумеет протрезветь достаточно, чтобы много разве-
дать.

– Семь торговых домов и двадцать восемь кораблей обрушились на лежбища Калача, –
сказал Халл Беддикт, сжимая пальцы.

– Знаю.

– Делегация Дисканара заявит, что разрешения на охоту не давалось. Они осудят
бойню. Потом на этом основании заявят, что старый договор имеет слабину и должен быть
пересмотрен. Потерю тюленей они благородно возместят – бросят золото к ногам Ханнана
Мосага.

Сэрэн промолчала. В конце концов, он прав. Халл Беддикт понимает больше, чем
король Эзгара Дисканар – или королевский двор, что не всегда одно и то же.

– Подозреваю, что это еще не все, – произнесла она, наконец.

– То есть?

– Думаю, ты не слышал, кто возглавит делегацию.

Халл хмыкнул.

– Об этом горы молчат.

Сэрэн кивнула.

– Представлять интересы короля будет Нифадас.

– Хорошо. Первый евнух не дурак.

– Нифадас будет делить полномочия с принцем Квилласом Дисканаром.

Халл Беддикт медленно повернул к ней лицо.

– Значит, она здорово поднялась.

– Поднялась. И за те годы, что не пересекались пути твои и ее сына... Квиллас мало
изменился. Королева держит его на коротком поводке, и всегда рядом канцлер, чтобы скор-
мить ему сладкое угощенье. Ходят слухи, что главный в прибылях семи торговых домов,
которые нарушили договор, не кто иной, как сама королева Джаналл.

– А канцлер не осмеливается покидать дворец, – сказал Халл Беддикт, и Сэрэн уловила
насмешку в его голосе. – Поэтому он отправил Квилласа.

Напрасно. Принц не чувствует тонкостей. Он знает, что необразован и туп, поэтому
подозрителен к окружающим, особенно если они говорят что-то, чего он не понимает.
Нельзя на переговорах поддаваться эмоциям.

– Это не секрет, – ответила Сэрэн Педак. И стала ждать.

Халл Беддикт плюнул в огонь.

– Им все равно. Королева спустила сына с поводка. Ему позволят барахтаться и бро-
сать неуклюжие оскорбления в лицо Ханнану Мосагу. Это что – от высокомерия? Или они
действительно хотят войны?

– Не знаю.

– А Бурук Бледный – чьи указания он выполняет?

– Не могу сказать точно. Но он вовсе не рад.

Наступило молчание.

Двенадцать лет назад король Эзгара Дисканар назначил любимого пре-
ду гвардии, Халла Беддикта, посланником. Ему следовало отправиться к северным границам и дальше,
следовало изучить племена, еще населявшие дикие пустоши и горные леса. Халл Беддикт,
хоть и талантливый воин, был простодушен. То, что он полагал познавательным путеше-

ствием, первым шагом к мирному сосуществованию, на деле явилось прелюдией к захвату. Его подробные описания племен nereков, фараэдов и тартеналов были тщательно изучены подручными канцлера Трибана Гнола. По описаниям определены слабые места. А потом все это пригодилось в серии захватнических кампаний.

А Халл Беддикт, связавший себя кровными узами с этими жестокими племенами, был вынужден смотреть, как предаются его знания и энтузиазм. Подарки, оказавшиеся вовсе не подарками, привели к долгам, за долги отбирали землю. Смертельный лабиринт, расчерченный торговцами, купцами, продавцами ложных желаний, поставщиками губительной отравы. Соппротивление подавлялось нещадно. Растаптывались гордость, независимость и самостоятельность. Одним словом, началась война, настолько циничная в своей холодной, бессердечной поступи, что ни одна честная душа не могла пережить ее спокойно.

Особенно душа, на которой и лежала ответственность. *За все.*

А nereки по сей день боготворили Халла Беддикта. И полдюжины нищих попрошаек – все, что осталось от фараэдов. И разбросанные остатки тартеналов, больших, шатающихся и пьющих в нищих поселках вокруг городов на юге – каждый из них носил татуировку, три полоски под левым плечом; точно такая же была на спине у самого Халла.

Сейчас он сидел рядом с Сэрен, уставившись на последние огоньки угасающего костра. Одного из своих гвардейцев он отправил в столицу – доставить королевский жезл. Посланник перестал быть посланником. И больше не вернется на юг. Он ушел в горы.

Впервые Сэрен встретила его восемь лет назад, в дневном переходе от Высокого форта, усохшим, словно потерянный на пустоши зверек. И привезла его обратно. По крайней мере, в каком-то смысле. *И все это было не так благородно, как казалось вначале. А могло быть. Вполне благородно. Не используй я его в своих целях.*

Она поддалась эгоистичным желаниям.

Простит ли он ее когда-нибудь? Простит ли она сама себя?

– Бурук Бледный знает все, что нужно знать мне, – сказал Халл Беддикт.

– Возможно.

– Он скажет мне.

Если не захочет, не скажет.

– Несмотря на его инструкции, – сказала Сэрен, – он всего лишь мелкая фигурка в этой игре, Халл. Глава торгового дома, очень кстати расположенного в Трейте, и имеет опыт торговли с хиротами и арапаями. – *С моей помощью как проводника по землям эдур.*

– Ханнан Мосаг пошлет воинов за кораблями, – сказал Халл Беддикт. – Доля королевы в прибыли этих торговых домов пострадает.

– Думаю, она предвидела потери.

Человек, сидящий рядом, не был наивным юношей, однако он долго оставался вне хитрых схем и смертельной ловкости рук, составлявших суть летерийцев. Чувствовалось, как он с трудом продирается через путаные слои замыслов и планов.

– Я начинаю понимать, что она задумала, – сказал он немного спустя таким безнадежным голосом, что Сэрен отвернулась.

– Тогда, – продолжал Халл, – мы прокляты, что так стремимся смотреть вперед, только вперед. Как будто путь впереди будет чем-то отличаться от уже пройденного.

Да, и я получаю по голове каждый раз, как оглянусь.

Пора уже перестать оглядываться.

– Пять перьев отдадут тебя в рабство, – пробормотал лежащий в постели Тегол Беддикт. – Никогда не думал, как это странно? Конечно, у каждого бога должен быть престол, но разве не следует из этого, что любой престол, воздвигнутый для бога, уже занят? А если не занят, кто в здравом уме решил, что нужно поклоняться пустому престолу?

Бугг, сидящий на низеньком трехногом табурете в ногах кровати, прекратил вязать и, критически прищурившись, оглядел получающуюся рубаху из грубой шерсти.

– Я практически уверен, что моя левая рука почти или совсем такая же по длине, как и правая. Почему ты упорствуешь? Если подумать, у тебя нет никаких талантов, о которых стоит говорить. Может, поэтому я так и люблю тебя, Бугг.

– И вполтину не так, как себя, – проворчал старик, возвращаясь к вязанию.

– Не вижу смысла спорить. – Тегол вздохнул, пошевелив пальцами ног под старым одеялом. Ветер освежал благословенной прохладой, лишь слегка отдавая гнильцой Вонючих равнин. Кроме кровати и табурета, под крышей дома Тегола мебели не было. Бугг продолжал спать внизу, несмотря на удушающую жару, и поднимался, только если для работы требовалось больше света. Экономия на масле для лампы, говорил себе Тегол; масло чудовищно дорожало, поскольку китов становилось все меньше.

Он потянулся к старой тарелке с полдюжиной сушеных фиг, которую Бугг поставил рядом.

– А, снова фиги. Значит, меня ждет поход в общественное место уединения. – Тегол бездумно жевал, глядя на рабочих, спящих как мартышки по куполу Вечного дома. Совершенно случайно отсюда открывался поразительный вид на отдаленный дворец, возвышающийся в сердце Летераса, и даже больше – на соседние башни и мосты Третьей высоты, аккуратно обрамляющие заносчивость короля Эзгары Дисканара. – Надо же, Вечный дом. Вечно недостроенный.

Купол оказался таким сложным для королевских архитекторов, что уже четверо совершили самоубийство по ходу его строительства, а еще один погиб трагически – если не сказать таинственно, – застряв в сточной трубе.

– Семнадцать лет – и конца-края не видно. Похоже, они окончательно сломались на пятом крыле. Как думаешь, Бугг? Я ценю твой опыт мастера.

Опыт Бугга сводился к перестройке очага на кухне внизу. Двадцать два обожженных кирпича были уложены почти в правильный куб – если бы только не три кирпича от развалившегося мавзолея с местного кладбища. Устроители могил придерживались очень странных взглядов на то, какими должны быть размеры кирпичей. Благочестивые уроды!..

Услышав вопрос, Бугг поднял взгляд на Тегола, кося обоими глазами.

У дворца было пять крыльев и купол в центре. В каждом крыле было четыре этажа, а в прибрежном успели построить только два уровня. Работы приостановили, когда глина под фундаментом стала расползаться, как масло из сжатого кулака. Пятое крыло тонуло.

– Гравий, – сказал Бугг и снова принялся за вязание.

– Что?

– Гравий, – повторил старик. – Пробурить в глине глубокие колодцы, через несколько шагов друг от друга, заполнить гравием и утрамбовать бабой для забивки свай. Накрывай и строй сверху свой фундамент. Тяжесть не будет давить на глину, значит, ей незачем расползаться.

Тегол уставился на слугу.

– Точно. И откуда, во имя Странника, ты это взял? Только не говори, что сам придумал, чтобы не дать очагу уплыть.

Бугг затряс головой.

– Нет, очаг не такой тяжелый. Иначе я так и поступил бы.

– Пробурил бы дыру? А как глубоко?

– До камня, разумеется.

– И засыпать гравием.

– Ага, мелким. И утрамбовать.

Тегол взял с тарелки еще одну фигу и отряхнул ее – Бугг отоваривался на мусорной куче рынка, отнимая добычу у крыс и собак.

– Похоже на впечатляющий кухонный очаг.

– Похоже.

– Можно спокойно готовить и знать, что плита с места не сдвинется – если только не землетрясение...

– Да нет, и землетрясение выдержит. Это ведь гравий? Понимаете, он подвижный.

– Потрясающе. – Тегол выплюнул косточку. – Как думаешь, Бугг: вставать мне сегодня с постели?

– Вроде незачем... – Слуга вдруг замолчал, потом задумчиво наклонил голову. – А может, и есть зачем.

– Неужели?

– Утром приходили три женщины.

– Три женщины. – Тегол посмотрел на ближайший мост Третьей высоты, на людей и повозки. – Я не знаю трех женщин, Бугг. А если бы даже знал, три женщины вместе – это повод для ужаса, а не какое-нибудь «а, как кстати».

– Да, вы их не знаете. Ни одной из них, я думаю. Мне, во всяком случае, их лица не знакомы.

– Ты их не видел прежде? Даже на рынке? Или у реки?

– Нет. Может, они из другого какого-нибудь города, может, из деревни. Акцент странный.

– И они называли мое имя?

– Не совсем. Они спрашивали, принадлежит ли дом человеку, который спит на своей крыше.

– Раз они такое спрашивали, значит, точно из какой-нибудь Жабохлюпки. Что еще их интересовало? Цвет твоих волос? Что на тебе было надето, когда ты стоял перед ними? Может, они хотели узнать и собственные имена? Они сестры? У них у всех сросшиеся брови?

– Я не обратил внимания. По-моему, симпатичные. Молодые и пухленькие. Впрочем, вам, полагаю, не интересно.

– Нечего слуге полагать. Симпатичные. Молодые и пухленькие. Ты уверен, что это женщины?

– Совершенно уверен. Даже у евнухов не бывает грудей таких больших, идеальных и, честное слово, торчащих чуть не до подбородка...

Тегол вдруг понял, что стоит у кровати.

– Бугг, ты доделал рубашку?

Слуга снова взгляделся в вязание.

– Только рукава еще подвязать.

– Наконец-то. Я снова могу выйти в люди. Закрывай края, или что там нужно сделать, и давай сюда.

– Но я даже не начал штаны...

– Забудь, – отрезал Тегол. Он обернул простыню с постели вокруг талии, раз, другой и заткнул конец на поясе. Потом задумался; на лице появилось странное выражение. – Бугг, во имя Странника, пока никаких фиг, ладно? Где эти несметно одаренные сестрички?

– На Красной улице. У Хальдо.

– Снаружи или во дворе?

– Во дворе.

– Хоть что-то. Как думаешь, Хальдо забыл?

– Нет. Но он много времени проводит на Утопалках.

Тегол улыбнулся, потом начал тереть пальцем зубы.

– Выигрывает или проигрывает?

– Проигрывает.

– Ха! – Он пригладил рукой волосы и встал в небрежную позу. – Как я выгляжу?

Бугг протянул рубашку.

– Не постигаю, – сказал он, – как вы сохраняете такие мышцы, хотя ничего не делаете.

– Семейная черта Беддиктов, дорогой печальный прислужник. Ты бы посмотрел на Бриса во всех его доспехах. И даже ему далеко до Халла. Я как средний сын, разумеется, представляю золотую середину: ум, физическая развитость и множество талантов плюс природная грация. Добавь сюда выдающееся умение всем этим пользоваться, и налицо блистательный результат, который ты видишь перед собой.

– Изящная и трогательная речь, – кивнул Бугг.

– А что, скажешь, нет?.. Мне пора. – По дороге к лестнице Тегол сделал жест рукой. – Приберись тут. Возможно, вечером будут гости.

– Приберусь, если время найду.

Тегол остановился у неровного края дыры – там, где провалилась часть крыши.

– Ах, ну да, тебе же еще штанами заниматься... Шерсти хватит?

– Могу сделать одну штанину в полную длину – или обе покороче.

– Насколько?

– Прилично короче.

– Давай одну штанину.

– Как прикажете, хозяин. А потом пойду, поищу что-нибудь поесть. И попить.

Тегол обернулся, уперев руки в боки.

– Мы продали буквально все, кроме кровати и табурета. Сколько же нужно времени на уборку?

Бугг прищурился.

– Немного, – согласился он. – Что вы хотите на ужин?

– Что-нибудь, что требуется готовить.

– То есть что-то вкусное и приготовленное или что-то, что еще требует готовки?

– И так, и так хорошо.

– Как насчет дров?

– Я не буду есть...

– Для очага.

– А-а... Найди где-нибудь. Посмотри на табурет – ну зачем ему три ноги? Когда воровство не приносит дохода, нужно выкручиваться. Я отправляюсь навстречу своим судьбам, Бугг. Молись, чтобы Странник отвернулся, ладно?

– Разумеется.

Тегол двинулся вниз по лестнице, с ужасом обнаружив, что осталась только одна из трех ступенек.

Комната на уровне земли была голой, только у стены лежал свернутый матрац. Одинокий грязный горшок отдыхал на плите очага, устроенного под окном, на полу – пара деревянных ложек и две миски. И все-таки, отметил Тегол, есть в этом некая суровая элегантность.

Он отодвинул жалкую занавеску, заменявшую дверь. Кстати, надо сказать Буггу, чтобы достал дверную задвижку из очага. Немного почистить – и можно получить пару доксов с жестяничка Каспа.

Тегол вышел из дома и оказался в узком проходе – узком настолько, что приходилось протискиваться до улицы бочком, отшвыривая на каждом шагу мусор. *Пухленькие женщины... Жаль, я не видел, как они протискивались к моей двери.* Точно, надо пригласить на ужин.

Улица была пуста, только в нише стены напротив нового дома обнаружили три нерека – мать с двумя детьми-полукровками; они спали. Тегол прошагал мимо прижавшихся друг к другу нереков, пнул крысу, подобравшуюся слишком быстро, и пролабирал среди наставленных в высокие штабеля деревянных ящиков, которые почти перекрыли улицу. Склад Бири постоянно был переполнен, и Бири рассматривал конец улицы Кул по эту сторону канала Квилласа как свою личную территорию.

На скамье с другой стороны, где улица Кул выходила на площадь Берл, примостился сторож Калас, положив на колени отделанную кожей палицу. Красные глаза уткнулись в Тегола.

– Отличная юбка, – сказал сторож.

– Ты меня утешил, Калас.

– Рад услужить.

Тегол остановился, уперев руки в боки, и осмотрел заставленную площадь.

– Город процветает.

– Ничего нового... разве что в тот раз.

– Мелкая стычка в переулке, собственно говоря.

– Это если не слушать, как рассказывает Бири. Он по-прежнему хочет засолить твою голову и бросить в бочке в море.

– Бири всегда не хватало воображения.

Калас хрюкнул.

– Тебя не было видно несколько недель. Особый случай?

– У меня свидание с тремя женщинами.

– Дать тебе палицу?

Тегол внимательно разглядел выдавшее виды оружие.

– А как же ты? Останешься беззащитным?

– Мое лицо всех распугает. Впрочем, кроме нереков. Эти вон проскочили.

– Доставляют неприятности?

– Нет. На самом деле тише воды. Но ты ведь знаешь Бири.

– Даже лучше, чем он сам себя знает. Так ему и передай, если он надумает их притеснять.

– Передам.

Тегол пошел дальше, ввинчиваясь в бурлящую толпу на площади. Нижний рынок окружал ее с трех сторон; какую бесполезную чушь тут продавали – Тегол и представить не мог. И люди все это прекрасенько покупали день за днем. *Наша цивилизация зиждется на тупости.* Не нужно большого ума, чтобы вскрыть эту жилу идиотизма и доить богатых. Такова горькая правда.

Тегол пересек площадь и вышел на Красную улицу. Тридцать шагов – и он у арочного входа в ресторан «У Хальдо». Прошел по затененному коридору и вновь оказался на ярком солнце во дворе. Полдюжины столов – все заняты. Тут отдыхают благословенно неведающие или не имеющие ни гроша, чтобы проникнуть в игровой зал – святая святых Хальдо, где днем и ночью обдывались грязные делишки. Вот еще один пример, подумал Тегол, за что готовы платить люди, только выдайся случай.

Три женщины за столом в дальнем углу выделялись не только по естественной причине – больше тут женщин не было, – но и по более тонким признакам. *Симпатичные... вот правильное слово.* Если сестры, то только по духу и по общей склонности к своего рода военной доблести, судя по мускулатуре и сложенным под столом доспехам и оружию.

У сидящей слева рыжие, выцветшие на солнце локоны рассыпались по широким плечам. Она прихлебывала прямо из обмазанной глиной бутылки, то ли презирая, то ли не понимая назначения стоящего перед ней бокала. Лицом она походила на героическую статую из

тех, что стоят вдоль колоннад, – крепкую и гладкую. Ее голубые глаза смотрели застывшим, безмятежно равнодушным взглядом, под стать тем же статуям. Рядом с ней оперлась предплечьями на стол женщина с примесью фараэдской крови – судя по медовому оттенку кожи и чуть раскосым темным глазам. Темные, почти черные волосы, собранные на затылке, полностью открывали сердцевидное лицо. Третья женщина сидела, чуть сгорбившись; левую ногу она отставила в сторону, а правой, затянутой в выделанную почти до белизны кожу, непрерывно подергивала – хорошие ножки, отметил Тегол. Бледная кожа на бритой голове третьей женщины поблескивала. Широко посаженные светло-серые глаза лениво оглядывали гостей, пока не остановились на Теголе, который стоял на пороге.

Он улыбнулся.

Она поморщилась.

Из тени вынырнул Урул, старший официант Хальдо, и жестом пригласил Тегола.

Тот подошел так близко, насколько было возможно.

– Хорошо... выглядишь, Урул. Хальдо тут?

Нежелание Урула мыться вошло в легенду. Клиенты делали заказы с завидной краткостью и до конца трапезы редко подзывали Урула, чтобы принес еще вина. Сейчас он стоял прямо перед Теголом, теребя пальцами широкий пояс.

– Хальдо? Нет, слава Страннику. Он на Нижней галерее на Утопалках. Тегол, эти женщины сидят тут все утро! Они меня пугают: так страшно хмурятся...

– Я ими займусь, Урул. – Тегол отважился хлопнуть официанта по мокрому плечу.

– Ты?

– А что? – Тегол поправил простыню, подтянул рукава и пошел между столиками. Остановившись перед тремя женщинами, он поискал взглядом свободный стул, нашел, подтянул к себе и со вздохом сел.

– Что тебе нужно? – спросила бритая.

– Это мне следует спрашивать. Слуга сообщил, что вы утром приходили. Я Тегол Беддикт... который спит у себя на крыше.

Три пары глаз уставились на него.

Смутит и закаленного полководца... а меня? Разве что чуть-чуть.

– Ты?

Тегол сердито посмотрел на лысую.

– Почему мне все задают этот вопрос? Да, я. А вы, рискну предположить по акценту, с островов. Я не знаю никого на островах. Значит, не знаю и вас. Не говоря уж о том, что и не желаю. Знать вас, я имею в виду. Наверное.

Рыжая со стуком поставила бутылку на стол.

– Мы ошиблись.

– Я разочарован.

– Нет, – сказала спутнице лысая. – Это напускное. Нам следовало ожидать некоторой степени... притворства.

– У него штанов нет.

Темноглазая добавила:

– И руки разные.

– Ну, не совсем, – поправил Тегол. – Разные рукава.

– Он мне не нравится. – Темноглазая гордо откинулась на стуле.

– И не нужно, – сказала лысая. – Видит Странник, мы же не собираемся с ним спать?

– Вы меня убиваете.

– Не исключено, – заметила рыжая, неприятно улыбнувшись.

– Спать с ним? На крыше? Ты рехнулась, Шанд.

Лысая, которую называли Шанд, вздохнула и потерла глаза.

- Послушай, Хеджун, у нас дело. В делах нет места чувствам – я тебе уже говорила. Хеджун покачала головой.
- Нельзя доверять тому, кто тебе не нравится.
- Еще как можно! – сказала Шанд, моргая.
- Мне не нравится его репутация, – сказала третья, еще не названная женщина.
- Риссар... – Шанд снова вздохнула. – Именно из-за его репутации мы здесь. Тегол хлопнул в ладоши. Один раз – и громко, чтобы заставить трех женщин вздрогнуть.
- Прекрасно. Риссар – рыжая. Хеджун – с примесью фараэдов. И Шанд – совсем без волос. Что ж, – он уперся руками в столик и встал, – это все, что я хотел знать. Прощайте... – Сядь!
- В рыке прозвенела такая угроза, что Тегол тут же сел, ощущая струйки пота под шерстяной рубахой.
- Вот так-то, – сказала Шанд спокойнее. Она подалась вперед. – Тегол Беддикт. Мы знаем о тебе все.
- Да?
- Мы даже знаем, почему случилось то, что случилось.
- Неужели?
- И мы хотим, чтобы ты сделал это снова.
- Хотите?..
- Да. Только на этот раз тебе хватит смелости дойти до конца. До самого.
- Хватит?..
- Потому что мы – я, Хеджун и Риссар, – мы станем твоей смелостью. А теперь пойдем отсюда, пока официант не вернулся. Мы купили дом. Там и поговорим. Там не воняет.
- Вот это, конечно, приятно, – сказал Тегол.
- Три женщины поднялись.
- Он остался сидеть.
- Я же говорила, – обратилась Хеджун к Шанд. – Ничего не получится. Посмотри на него.
- Получится, – ответила Шанд.
- Увы, Хеджун права, – сказал Тегол. – Не выйдет.
- Мы знаем, куда делись деньги, – сказала Шанд.
- Известно куда. Псу под хвост. Я их потерял.
- Шанд покачала головой.
- Нет, не потерял. Повторяю, мы *знаем*. И если мы заговорим...
- Говорите что угодно. – Тегол пожал плечами.
- Ты же сам сказал, – с улыбкой сказала Шанд, – что мы с островов.
- Не с тех.
- Конечно, кто же отправится туда? На это ты и рассчитывал.
- Тегол поднялся.
- Как говорится, пять крыльев принесут тебе рабство. Ладно, вы купили дом.
- Ты все сделаешь, – упорствовала Шанд. – Если правда выйдет наружу, Халл тебя убьет.
- Халл? – Настала пора Теголу улыбнуться. – Мой брат ничего об этом не знает. Он наслаждался потрясением трех женщин. *Вот теперь вы представляете, каково это.*
- Халл может стать проблемой.

Брис Беддикт старался не смотреть на стоящего перед ним человека. Маленькие мирные глазки, выглядывающие из складок розовой плоти, почему-то казались нечеловеческими; они были так неподвижны, словно финадд королевской гвардии смотрел в глаза змеи. *Блестящая змея, свернувшаяся посреди речного русла, где много дней не было дождя. Бойтесь, быки, тянущие повозку; бойся, возница, сглупить и приблизиться.*

– Финадд?

Брис с усилием поднял глаза.

– Первый евнух, я затрудняюсь с ответом. Я годами не виделся с братом и не говорил с ним. И меня не будет в делегации.

Первый евнух Нифадас повернулся и бесшумно прошел к деревянному креслу с высокой спинкой у массивного стола, занимавшего большую часть его кабинета. Медленно и аккуратно сел.

– Вольно, финадд Беддикт. Я бесконечно уважаю вашего брата Халла. Меня восхищают его резкие взгляды, и мне полностью понятны мотивы его... выбора в прошлом.

– Тогда, прошу простить, вы знаете больше меня, первый евнух. Я своего брата – своих братьев – почти совсем не понимаю. И, увы, никогда не понимал.

Нифадас сонно моргнул.

– Семья – странная штука, правда? Разумеется, мой личный опыт не позволяет учитывать все тонкости при рассмотрении этой темы. И все же, если хотите, моя исключительность в прошлом позволяла мне быть достаточно объективным, и я часто мог наблюдать механизмы этих сложных отношений. – Он поднял взгляд, снова пригвоздив Бриса к месту. – Позвольте комментарий-другой?

– Прошу прощения, первый евнух...

Нифадас повел пухлой рукой, останавливая собеседника.

– Не нужно. Я был самоуверен и не объяснился толком. Как вы знаете, приготовления идут полным ходом. Вскоре состоится Большая Встреча. Меня известили, что Халл Беддикт присоединился к Буруку Бледному и Сэрен Педак на пути в земли хиротов. Как я понимаю, Бурук получил множество указаний – и не от меня, должен добавить. Другими словами, похоже, что инструкции не только не отражают интересы короля, но и вовсе противоречат желаниям повелителя. – Он снова моргнул, медленно и размеренно. – Это подозрительно. И нежелательно. Вот что меня беспокоит. Халл может неправильно истолковать...

– Решить, что Бурук действует от имени короля Дисканара, вы имеете в виду.

– Именно.

– И тогда постарается помешать торговцу.

Нифадас согласно вздохнул.

– И это, – продолжил Брис, – само по себе не обязательно плохо.

– Верно, само по себе это не обязательно плохо.

– Если только вы не захотите как официальный представитель короля и номинальный Глава делегации противостоять торговцу. Чтобы предотвратить это, Бурук снабжен документом для эдур.

Губы первого евнуха тронула легкая улыбка.

Брис понял. Он посмотрел на окно за спиной Нифадаса. Через мутное, пузырчатое стекло было видно, как плывут по небу тучи.

– Это не в силах Халла, – сказал он.

– Не в силах, тут мы согласны. Скажите, финадд, что вы знаете об аквиторе, Сэрен Педак?

– Только то, что говорят. А говорят, что здесь, в столице, у нее резиденция. Хотя не знаю, приезжает ли она сюда.

– Редко. Последний раз – шесть лет назад.

– У нее безупречная репутация, – сказал Брис.
– Да. Хотя она не слепая. И, говорят, не глупая.
– Полагаю, первый евнух, таковы почти все аквиторы.
– Именно. Ну спасибо, что уделили мне время, финадд. И вот еще, – добавил он, медленно поднимаясь в знак того, что аудиенция окончена, – каково вам в роли королевского поборника?

– О, отлично, первый евнух.

– Не слишком тяжелое бремя для молодого и сильного человека?

– Не сказал бы, чтобы совсем легкое.

– Не синекура, но по плечу.

– Вполне точное определение.

– Вы честный человек, Брис. Как один из советников короля я доволен своим выбором.

Но счел нужным напомнить. Зачем?

– Я по-прежнему польщен, первый евнух, доверием короля – и, конечно, вашим.

– Не буду дольше вас задерживать, финадд.

Брис поклонился и вышел из кабинета.

Он немного тосковал о старых днях, когда служил простым офицером дворцовой Гвардии. Тогда у него не было политического веса, и короля он видел только издали – Брис и его сослуживцы стояли по стойке «смирно» вдоль стены во время официальных аудиенций и приемов. Шагая по коридору, Брис снова подумал, что первый евнух вызвал его из-за родственника, а не из-за того, что он королевский поборник.

Халл Беддикт. Как неугомонный дух, привидение, обреченное навещать его, где бы он ни был, что бы ни делал. Брис помнил старшего брата в сверкающем одеянии посланника, с королевским жезлом на поясе. Последнее и застрявшее в памяти видение впечатлительного мальчишки. Картина застыла во времени, появляясь в снах или воспоминаниях. Живописная картина. Братья – мужчина и мальчишка, оба надломленные и пожелтевшие под налетом пыли. И он словно со стороны видит распахнутые от восхищения глаза и тоже смотрит вверх, а потом опускает взгляд, недовольный однообразным солдатским восхищением.

Наивность – оружие славы. Обоюдоострое.

Он сказал Нифадасу, что не понимает Халла. Но он понимает. Слишком хорошо.

Он понимал и Тегола, хотя, возможно, меньше. Наградой за безмерное богатство стал холод; только дикая жажда богатства дышала жаром. И эта истина принадлежала миру летери – хрупкая трещина в сердце золотого меча. Тегол бросился на этот меч и, похоже, с удовольствием истекал кровью. Напрасно он искал какое-то последнее послание в смерти; никто не посмотрит в его сторону, когда день настанет. Никто не посмеет. *Наверное, поэтому он и улыбается.*

Его братья достигли вершины давным-давно – слишком рано, как оказалось, – и теперь скользили своей дорогой к увяданию и смерти. *А что же я? Меня назвали королевским поборником. Я лучший фехтовальщик королевства. Я достиг вершины. Дальше можно не продолжать.*

На развилке он повернул направо. В десяти шагах из боковой двери в коридор брызнул свет, и послышался голос:

– Финадд! Скорее заходите!

Брис усмехнулся про себя и зашел. Сделал три шага по наполненной пряными запахами комнате с низким потолком. Множество источников света ярко выделяли мебель и столы, заставленные приборами, свитками и мензурками.

– Седа?

– Я здесь. Идите, посмотрите, что я сделал.

Брис обогнул книжную полку, стоящую перпендикулярно стене, и увидел за ней королевского чародея на табуретке. Сбоку стояли перекошенный стол и полки, заваленные дисками из полированного стекла.

– Ваша походка изменилась, финадд, – сказал Куру Кван, – когда вы стали королевским поборником.

– Я не замечал, седа.

Куру Кван повернулся на табурете и поднял на уровень лица странный предмет: две стеклянные линзы, скрепленные проволокой. Широкие, выдающиеся черты лица седа казались еще больше, увеличенные линзами. Куру Кван укрепил предмет перед лицом, с помощью завязочек поместив линзы перед глазами, и моргнул громадными веками на Бриса.

– Вы такой, как я и представлял. Прекрасно. Размытость не так важна. Ясность увеличивается, достигая главенства среди наиважнейших вещей. То, что я слышу, теперь значит меньше, чем то, что я вижу. Перспектива сдвигается. Это важно, финадд. Очень важно.

– Линзы позволяют вам видеть? Удивительно, седа!

– Главным было отыскать решение, противоположное чародейству. В конце концов, я ведь лишился зрения, посмотрев на Пустую Обитель. И исправить дело тем же средством невозможно. Впрочем, это неважно, мелочи. И надо молиться, чтобы не стало важным.

– Мне первому вы показали ваше открытие, седа?

– Вы лучше других поймете его важность. Вы фехтовальщик, вы понимаете в пространстве, расстоянии и ритме, во всех этих материальных вопросах. Нужно подправить. – Он стащил с головы прибор и склонился над ним; крохотные инструменты мелькали в ловких пальцах. – Вы были в кабинете первого евнуха. Не слишком приятный разговор. Сейчас неважно.

– Я приглашен в тронный зал, седа.

– Верно. Но это не слишком срочно. Преда появится... скоро. Первый евнух спрашивал о вашем старшем брате?

Брис вздохнул.

– Я подозревал, – сказал Куру Кван, широко улыбнувшись. – Тревога изменила ваш пот. Нифадас сейчас тягостно озабочен.

Он снова поднес линзы к глазам и взглянул в глаза финадда – это смущало, потому что прежде такого не случалось.

– Кому нужны шпионы, если нос вынюхивает всю правду?

– Надеюсь, седа, вы не потеряете обоняние с вашим новым изобретением?

– Посмотрите, истинный фехтовальщик! Вы помните о важности каждого органа чувств! Отмеренное удовольствие... Сейчас покажу!

Куру Кван соскользнул с табурета и подошел к столу, где налил прозрачной жидкости в мензурку. Нагнувшись, чтобы проверить уровень, он кивнул.

– Отмеренное, как я и подозревал. – Он выдернул мензурку из стойки и выпил содержимое, напоследок облизнувшись. – Теперь вас мучают оба брата.

– Мне тяжело переносить неопределенность.

– И очень хорошо! Это важно. Когда преда закончит с вами – вскоре, – возвращайтесь ко мне. У нас с вами есть задание.

– Хорошо, седа.

– Еще поправить. – Он снова снял линзы и повторил: – У нас с вами.

Брис поразмыслил и кивнул.

– До встречи, седа.

Он вышел из палаты чародея.

Нифадас и Куру Кван стоят на стороне короля Дисканара. Хорошо бы, другой стороны вовсе не было.

Тронный зал уже неправильно было так называть, поскольку король переносил средоточие королевской власти в Вечный дом – после исправления протечек в высокой крыше. Тут осталось лишь несколько украшений, включая старинный ковер, ведущий к возвышению, и стилизованную арку ворот над местом, где когда-то стоял трон.

Когда Брис вошел, в зале находилась только его бывшая военачальница, преда Уннутал Хебаз. Величественная, как всегда, в любом окружении, она была выше большинства женщин, ростом почти с Бриса. Светлокожая, с платиновыми волосами и с темно-ореховыми глазами, в свои сорок лет преда сохранила необычайную красоту, которую морщинки только подчеркивали.

– Финадд Беддикт, вы опоздали.

– Неожиданные аудиенции у первого евнуха и седы...

– У нас совсем нет времени. Займите место у стены, как стражник. Вас могут узнать, а могут принять за моего прислужника, тем более что здесь мало света, канделябры уже унесли. В любом случае стойте смиренно и ничего не говорите.

Нахмурившись, Брис прошел к старой нише охранника, повернулся, оглядывая палату, и вдвинулся в тень, упершись плечами в стену. Преда кивнула и встала лицом к двери в дальнем углу за возвышением.

Так значит, это встреча другой стороны...

Дверь со стуком распахнулась, и в палату устало вошел гвардеец принца в шлеме и доспехах. Меч покоился в ножнах, но Брису было известно, что Морох Неват способен выхватить его в мгновение ока. Знал Брис и то, что именно Мороха принц хотел назначить королевским поборником. *И было за что. Морох Неват обладает не только умениями, но и внушительной внешностью...* Хотя его уверенные манеры почему-то раздражали Бриса, трудно было им не завидовать.

Гвардеец изучил палату, взглядевшись в затененные углубления, включая то, где стоял Брис – похоже, лишь мельком отметив присутствие охранника преды, – и обратил свое внимание на саму Уннутал Хебаз.

Короткий приветственный поклон – и Морох отступил в сторону.

Вошел принц Квиллас Дисканар. За ним – канцлер Трибан Гнол. Увидев две следующие фигуры, Брис оторопел. Королева Джаналл и ее первый консорт, Турудал Бризад.

Во имя Странника, целое змеиное гнездо.

Квиллас оскалился в адрес Уннутал Хебаз, как пес на цепи.

– Вы направили финадда Геруна Эберикта в распоряжение Нифада. Я хочу, чтобы его вернули, преда. Выберите кого-то другого.

Уннутал заговорила спокойным тоном:

– Способности Геруна Эберикта не вызывают сомнений, принц Квиллас. Мне докладывали, что первый евнух доволен выбором.

Канцлер Трибан Гнол заговорил так же спокойно:

– Ваш принц полагает иначе, преда. Вам следует отнестись к его мнению с должным уважением.

– Я имею указания от его отца, короля, по этому вопросу. А что касается моего уважения или неуважения, я бы настоятельно предложила вам, канцлер, взять назад свои слова.

Морох Неват зарычал и шагнул вперед.

Преда властно протянула руку – но не в сторону гвардейца принца, а к нише Бриса, который приготовился покинуть свой пост. Меч уже был у него в руке – из ножен он явился бесшумно и стремительно.

Морох встретился взглядом с Брисом, и удивление сменилось узнаванием. Свой меч он только наполовину вытащил из ножен.

Королева сухо засмеялась.

– Да, решение преды ограничиться одним охранником... объяснилось. Выходите, поборник.

– В этом нет необходимости, – сказала Уннутал.

Брис коротко поклонился и медленно отступил на место, убирая меч в ножны.

Королева Джаналл удивленно подняла брови на резкий приказ преды.

– Уважаемая Уннутал Хебаз, вы значительно превышаете полномочия.

– Я – нет, королева. Королевские гвардейцы подчиняются только королю и никому другому.

– Что ж, простите, если я позволила себе усомниться в этом устаревшим предрас- судке. – Джаналл повела изящной кистью. – Сила всегда может обернуться слабостью.

Она подошла к сыну.

– Послушай совета матери, Квиллас. Глупо пинать пьедестал преды, пока его не сров- няли с песком. Терпение, мой милый.

Канцлер вздохнул.

– Рекомендация королевы...

– Получила *должное уважение*, – передразнил Квиллас. – Тогда как угодно. Как всем угодно. Морох!

Сопровождаемый телохранителем, принц вышел из зала.

С ласковой улыбкой королева сказала:

– Прошу прощения, преда Уннутал Хебаз. Мы не хотели этой встречи, но мой сын настаивал. С самого начала мы с канцлером пытались его отговорить.

– Безуспешно, – сказал канцлер и снова вздохнул.

Выражение лица преды не изменилось.

– Все решено?

Королева Джаналл подняла пальчик в молчаливом предостережении и, поманив пер- вого консорта, взяла его под руку; они вышли.

Трибан Гнол задержался.

– Мои поздравления, преда, – сказал он. – Финадд Герун Эберикт – прекрасный выбор.

Уннутал Хебаз ничего не ответила.

Через несколько мгновений в зале остались только она и Брис.

Преда повернулась.

– Ваша стремительность, поборник, не перестает приводить меня в изумление. Я ни звука не слышала, только... угадала. Иначе Морох уже был бы мертв.

– Возможно, преда. Хотя бы только потому, что он не обратил внимания на мое при- сутствие.

– И Квиллас пусть винит самого себя.

Брис промолчал.

– Зря я вас остановила.

Брис проводил ее взглядом.

Герун Эберикт, несчастный ублюдок.

Вспомнив, что его ждет седа, Брис повернулся и вышел из зала.

Не оставив за собой крови.

Куру Кван услышит облегчение в каждом его шаге.

Седа ждал перед дверью и как будто разучивал танец, когда появился Брис.

– Неприятные моменты? – спросил Куру Кван, не глядя на Бриса. – Пока неважно. Идем.

Пятьдесят шагов вниз по каменным ступеням, по пыльному коридору – и Брис понял, куда они направляются. Сердце сжалось. Об этом месте он слышал, но никогда там не бывал.

Похоже, королевскому поборнику открыто то, что закрыто для скромного финадда. Впрочем, эту привилегию можно было предвидеть.

Они подошли к двойным массивным, обитым медью дверям – зеленым, поросшим мхом. Створки сами собой со скрежетом разошлись.

Узкие ступеньки вели к помосту, подвешенному на уровне колена на цепях, что свисали с потолка. На полу круглой комнаты была выложена светящимися плитками спираль. Помост вел на круглую платформу над центром палаты.

– Волнуетесь, финадд? И не напрасно. – Жестом Куру Кван поманил Бриса.

Помост пугающе качался.

– Желание сохранить равновесие становится очевидным, – сказал седа, расставив руки в стороны. – Нужно найти правильный ритм шагов. Это важно и очень сложно, поскольку нас двое. Нет, не смотрите вниз – мы еще не готовы. Сначала поднимемся на платформу. Ну вот. Становитесь рядом, финадд. Давайте посмотрим на первую плитку спирали. Что вы видите?

Брис изучил светящуюся плитку. Почти квадратная, две пяди в длину, чуть меньше в ширину.

Обители. Седанс. Зал прорицаний Куру Квана. По всему Летерасу встречались метатели плиток, толкователи Обителей. Разумеется, плитки у них были маленькие, вроде приплюснутых игральные кости. И только у королевского чародея плитки были такие. Сменяющимися изображениями.

– Я вижу могильник в саду.

– Ага, значит, вы видите правильно. Неуравновешенный разум выдаст себя в такой ситуации, его видение отравлено страхом и злобой. Могильник – третья с конца плитка Обители Азатов. Скажите, что вы чувствуете от нее?

– Беспокойство. – Брис нахмурился.

– Точно. Раздражает, да?

– Да.

– Могильник – сильная плитка, она не сдаст своих позиций. Но подумайте еще. Что-то беспокойное таится под землей. И каждый раз, приходя сюда в последний месяц, я видел, что эта плитка начинала спираль.

– Или завершала.

Куру Кван наклонил голову.

– Возможно. Разум фехтовальщика может предложить неожиданное. Важно? Увидим. Начинает или завершает. Так. Если Могильнику не грозит осыпание, почему эта плитка появляется так упорно? Возможно, мы видим, что есть сейчас, а беспокойство говорит о том, что *будет*. Тревожно.

– Седа, вы были во дворе Азатов?

– Был. И башня, и земля не изменились. Обители по-прежнему говорят уверенно и содержательно. Так, смотрите дальше, финадд. Следующая?

– Ворота в виде распахнутой пасти дракона.

– Пятая в Обители Дракона. Врата. Какое отношение врата имеют к Могильнику Азатов? Они идут перед Могильником или после? Впервые в жизни я увидел плитку из Обители дракона в таком сочетании. Мы присутствуем – или будем присутствовать – при очень важном событии.

Брис взглянул на седу.

– Приближается Седьмое завершение. Это действительно важное событие. Первая империя возродится. Король Дисканар, преобразившись, *возвысится* и примет древний титул Первого императора.

Куру Кван обхватил себя руками.

– Верно, популярная трактовка. В действительности, финадд, предсказание несколько более... смутное.

Брис встревожила реакция седа. Он и не представлял, что популярная трактовка вовсе не точная.

– Смутное? В каком смысле?

– «Король, правящий во время Седьмого завершения, преобразится и станет возрожденным Первым императором». Верно. Но возникают вопросы. Преобразится – как? И возродится – во плоти? Первый император был уничтожен с Первой империей, в далеком краю. Оставив здесь колонии. Мы долгое время существовали в изоляции, финадд. Дольше, чем вы можете представить.

– Почти семь тысяч лет.

Седа улыбнулся.

– Язык со временем меняется. Значения толкуются превратно. При каждом переписывании накапливаются ошибки. Даже самые стойкие стражи совершенства – числа – могут, по какой-то невнимательности, сильно измениться. Сказать вам, что я думаю, финадд? Если предположить, что пропали несколько нулей?

Семьдесят тысяч лет? Семьсот тысяч?

– Опишите следующие четыре плитки.

Чувствуя легкое головокружение, Брис попытался сосредоточиться на плитках.

– Эту я знаю: Предатель из Пустой Обители. И следующую: Белый Ворон, из Опор. Третья мне незнакома. Осколки льда, один из них торчит из земли и ярко освещен.

Куру Кван кивнул со вздохом.

– Семя, последняя из плиток в Обители льда. И снова такого расположения прежде не было. А четвертая?

Брис покачал головой.

– Она пуста.

– Именно. Пророчество закончено. Возможно, заблокировано грядущими событиями, еще не сделанным выбором. А может, это начало, то, что происходит прямо сейчас. И ведет к концу – к последней плитке, Могильнику. Непостижимая загадка. Я в растерянности.

– Седа, это кто-нибудь еще видел? Вы обсуждали с кем-то свои затруднения?

– Первый евнух знает, Брис Беддикт. Негоже ему отправляться на Большую Встречу, не зная знамений. И теперь – вы. Нас трое, финадд.

– Почему я?

– Потому что вы королевский поборник. Ваш долг защищать жизнь короля.

Брис вздохнул.

– Он постоянно отсылает меня.

– Я снова напомню ему, – сказал Куру Кван. – Он должен оставить любовь к одиночеству или однажды, взглянув в вашу сторону, никого не увидит. Теперь скажите мне, на что науськивала королева своего сына в старом тронном зале.

– Науськивала? Она утверждала обратное.

– Неважно. Расскажите, что видели, что слышали. Расскажите, Брис Беддикт, что прошептало вам сердце.

Брис взглянул на пустую плитку.

– Халл может создать проблему, – сказал он глухо.

– Это прошептало вам сердце?

– Да.

– На Большой Встрече?

Брис кивнул.

– Как?

– Боюсь, седа, он может убить принца Квилласа Дисканара.

На первом этаже дома когда-то помещалась мастерская плотника, а на втором сохранилось несколько жилых комнаток с низким потолком – к ним вела откидная лестница. Дом выходил к каналу Квилласа, к причалу, на котором, видимо, плотник выгружал сырье.

Тегол Беддикт обошел просторную мастерскую, отметив дыры в прочных досках пола – там прежде стояли механизмы, – крюки для инструментов, которые можно было угадать по выцветшим контурам на стене. В воздухе держался стойкий запах опилок и морилки, слева от входа еще стоял верстак во всю стену длиной. Вся передняя стена была закрыта съемными панелями.

– Вы купили все целиком? – спросил Тегол, повернувшись к женщинам, собравшимся у основания лестницы.

– У хозяина расширилось производство, – сказала Шанд. – Как и его семья.

– Выходит на канал... недешевый дом...

– Две тысячи терций. Мы купили и почти всю мебель наверху. Заказали стол – его доставили вчера вечером. – Шанд обвела рукой большую комнату. – Это все твое. Можно поставить перегородку или две, сделав коридор от двери к лестнице. Эти глиняные трубы – слив из кухни. Мы убрали секцию труб из кухни наверху, поскольку надеемся, что твой слуга будет готовить на четверых. Уборная во дворе, над каналом. Есть еще холодный сарай с ледником – огромный, там может жить целая семья нерексов.

– Богатый плотник, у которого времени вдоволь, – сказал Тегол.

– Он талантливый. – Шанд пожала плечами. – Теперь идем. Кабинет наверху. Нам нужно кое-что обсудить.

– Разве? – отозвался Тегол. – Похоже, все уже решено. Представляю, как обрадуется Бугг. Надеюсь, фиги вам по вкусу.

– Можешь занять крышу, – сказала Риссар с ласковой улыбкой.

Тегол сложил руки на груди и покачался на каблуках.

– Правильно ли я понимаю? Вы угрожаете раскрыть мои страшные тайны, а потом предлагаете что-то вроде партнерства в авантюре, которую даже не потрудились объяснить. Похоже на начало серьезных плодотворных отношений.

Шанд нахмурилась.

– Давайте его для начала изобьем до потери сознания, – сказала Хеджун.

– Все очень просто, – сказала Шанд, не отвечая на предложение Хеджун. – У нас есть тридцать тысяч терций, и мы хотим, чтобы ты сделал десять.

– Десять тысяч терций?

– Десять пиксов.

Тегол уставился на нее.

– Десять пиксов. Десять миллионов терций. Ясно, и для чего же вдруг вам столько денег?

– Мы хотим, чтобы ты выкупил оставшиеся острова.

Тегол взъерошил волосы и начал расхаживать по комнате.

– Вы чокнутые. Я начинал с сотней доксов и чуть не подох, пока сколотил первый пикс.

– Ты ленивый и разболтанный, Тегол Беддикт. Ты потратил год, но работал день-два в месяц.

– Убийственные день-два.

– Лжец. Ты никогда не ошибался. Ни разу. Покупал, продавал, а всех прочих оставлял барахтаться за кормой. И они тебя за это почитали.

– Пока ты их всех не прикончил, – добавила Риссар, улыбнувшись еще шире.

– У тебя юбка сползает, – заметила Хеджун.

Тегол поправил простыню.

– Никого я не прикончил. Что за дикие образы. Я сделал пикс. Я был не первым, но самым быстрым.

– И начал с сотни *доксов*. С сотней левелов это, наверное, трудно. Но доксов? Я получила сотню доксов за три месяца в детстве – собирала оливки и виноград. Никто не начинает с сотни доксов. Никто, кроме тебя.

– А теперь мы даем тебе тридцать тысяч терций, – сказала Риссар. – Посчитай, Беддикт. Десять пиксов? Почему бы и нет?

– Если думаете, что это легко, займитесь сами.

– Нам не хватает сообразительности, – сказала Шанд. – Но нас трудно сбить. Мы напали на твой след, шли по нему, и вот мы здесь.

– Я не оставлял следов.

– Заметных многим – верно. Но я же сказала – нас трудно сбить.

Тегол продолжал шагать по комнате.

– Биржевая Палата оценивает доход Летераса в сумму от двенадцати до пятнадцати пиксов – и еще, возможно, пять тeneвых...

– Пять – включая один твой?

– Мой списан, не забывай.

– Пришлось потрудиться. Десять тысяч проклятий, привязанных к причалу на дне канала – и на каждом твоё имя.

– Правда, Шанд? – удивилась Хеджун. – Может, нам получить права на землечерпальные работы...

– Поздно, – сказал ей Тегол. – Бири уже получил.

– Бири – подставное лицо, – возразила Шанд. – Все права у тебя, Тегол. Бири и знать не знает, что работает на тебя.

– Да, с этим я еще должен разобраться.

– Зачем?

Тегол пожал плечами. Потом замер и уставился на Шанд.

– Ты никак не могла узнать...

– Ты прав. Я просто догадалась.

Глаза Тегола удивленно распахнулись.

– Шанд, с такой интуицией ты запросто сделаешь десять пиксов.

– Ты обманул всех, потому что не ошибаешься, Тегол Беддикт. Никто не верит, что ты припрятал пикс – раз ты живешь, как портовая крыса. Ты на самом деле потерял его. Где – никто не знает, где-то. Поэтому и списали потери. Так?

– Деньги – фикция, ловкость рук, – кивнул Тегол. – Пока у тебя в руках не окажутся алмазы. Тогда это что-то реальное. Если хотите знать, в чем главное жульничество этой игры, так вот оно, девочки. Даже если деньги только фикция, они обладают властью. Вернее, *обещанием* власти. И этого обещания достаточно, пока все делают вид, что власть реальна. Перестаньте делать вид – и все развалится.

– Если только у тебя в руках не алмазы, – сказала Шанд.

– Верно. Тогда власть *реальна*.

– Вот, значит, что ты заподозрил? Пошел и попробовал. И все оказалось на грани краха. Тегол улыбнулся.

– Представь, как я испугался.

– Ты не испугался, – ответила она. – Ты просто понял, к чему может привести идея, если попадет в недобрые руки.

– Все руки недобрые, Шанд. Включая мои.

– И ты отошел.

– И не вернусь. Делайте со мной что угодно. Сообщите Халлу. Уничтожьте все. То, что списано, можно вернуть обратно. На бирже такое бывает. Возможно, вы устроите бум. И все вздохнут с облегчением: обычная игра.

– Мы хотим не этого, – сказала Шанд. – Ты все еще не понимаешь. Когда мы выкупим оставшиеся острова, Тегол, мы поступим так же, как и ты. Десять пиксов... *исчезнут*.

– Вся экономика рухнет!

Три женщины разом кивнули.

– Вы фанатички!

– Хуже, – сказала Риссар. – Мы мстительницы.

– Вы все полукровки, так ведь? – Тегол не ждал ответа. Не обязательно быть полукровкой с виду. – Хеджун – из фараэдов. А вы две? Тартеналы?

– Тартеналы. Летери уничтожили нас. Теперь мы хотим уничтожить Летерас.

– А ты, – сказала Риссар, снова улыбаясь, – покажешь нам как.

– Потому что ты ненавидишь свой народ, – добавила Шанд. – Всех их – жадных и бесчувственных. Нам нужны эти острова, Тегол Беддикт. Мы знаем, что ты доставил остатки племен на острова, которые купил. Мы знаем, что они хоронятся там, пытаюсь отстроить все, что потеряли. Но это не все. Пройди по улицам этого города – правда сама выйдет наружу. Ты сделал это для Халла. Я понятия не имела, что он не знает, – ты удивил меня. Думаю, ты должен ему сказать.

– Зачем?

– Ему нужно исцеление, вот зачем.

– Не могу.

Шанд подошла и положила руку на плечо Теголу. У него подкосились колени, таким неожиданно сочувственным было прикосновение.

– Ты прав, не можешь. Мы оба знаем, что *этого недостаточно*.

– Расскажи ему, – сказала Хеджун. – Тегол Беддикт, сделай правильно на сей раз.

Он отошел и посмотрел на них. Три проклятушие женщины.

– Боюсь, то, что вас трудно сбить, – палка о двух концах.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, Шанд, что Летер скоро падет – и не с моей помощью. Найдите Халла и спросите его – я уверен, что он где-то недалеко. На севере. И знаете, даже забавно, как сильно он боролся за вас, за те племена, которые потом поглотил Летер. Ведь теперь, зная все, что знает, он намерен бороться снова. Только уже не за племя, не за тисте эдур. На сей раз – за Летер. Потому что он знает, милые мои, что мы столкнулись с ровней, с проклятыми ублюдками. На этот раз пировать будут эдур.

– С чего ты взял? – спросила Шанд, и на лице у нее читалось недоверие.

– Потому что они не играют.

– А если ты ошибаешься?

– Может, и ошибаюсь. В любом случае будет кровь.

– Что ж, облегчим задачу тисте эдур.

– Шанд, ты говоришь, как предатель.

Шанд поджала губы.

Риссар захохотала.

– Идиот. Мы профессиональные предатели.

Странник меня разрази, она права.

– Вряд ли кучка варварских повелителей эдур справится лучше.

– Мы говорим не о том, как лучше, – сказала Шанд. – Мы говорим о мести. Подумай о Халле, о том, что сделали с ним. Исправь все, Тегол.

Не думаю, что Халл согласился бы. Не согласится. И еще очень, очень долго.

– Вы же понимаете, я упорно культивировал вялость. И, похоже, с отличными результатами.

– Под юбкой не видно.

– Моя интуиция, наверное, притупилась...

– Лжешь. Она таилась и ждала. С чего начнем, Тегол Беддикт?

Он вздохнул.

– Прежде всего, мы сдадим внаем первый этаж. Бири требуется склад.

– А ты?

– Меня вполне устраивает мой дом, я не собираюсь съезжать. Для всех прочих я не в игре. Вы три – вкладчики. Так что отложите это дурацкое оружие; мы начинаем гораздо более опасную войну. У моего дома приютилась семья нерекон: мать и двое детей. Наймите их – кухаркой и посыльными. Потом отправляйтесь в Биржевую палату и зарегистрируйтесь. Вы занимаетесь недвижимостью, строительством и транспортировкой. Больше ничем. Пока. Далее, семь владений выставлены на продажу вокруг пятого крыла Вечного дома. Продаются дешево.

– Потому что тонут.

– Верно. Исправим. Сразу после этого ожидайте гостей из королевской инспекции и всевозможных подающих надежды архитекторов. Дамы, готовьтесь стать богатыми.

Хотите твердого основания? «Строители Бугга» – ваш ответ.

По крайней мере, пока потоп не смочит весь мир.

– Мы купим тебе одежду.

Тегол оторопел.

– Зачем?

Внизу протянулась долина, крутые склоны которой покрывал густой неподвижной зеленью лес. Прокладывая себе путь, сверкал стремительный поток. Кровь гор – так называли эту реку эдур. *Тис’форундал*. Воду окрашивала красным железная руда.

Дорога пересекала реку вновь и вновь.

Одинокий тисте эдур далеко внизу, казалось, появился прямо из этого малинового потока.

Как будто знал, что мы здесь.

Бурук Бледный не торопился, объявив привал вскоре после полудня. Фургоны не тронутся с места по каменистой скользкой дороге в долину до утра. Предосторожность или пьяное безразличие?

Халл стоял рядом с Сэрэн. Оба смотрели на приближающегося эдура.

– Ты плакала ночью...

– Я думала, ты спишь.

Он помолчал.

– Твой плач всегда будил меня.

И это все, на что ты осмелишься?

– Хотела бы я, чтобы твой будил меня.

– Так и было бы, Сэрэн, если бы я плакал.

Она кивнула в сторону эдура.

– Узнаешь его?

– Да.

– Будут проблемы?

– Вряд ли. Думаю, он доведет нас до земель хиротов.

– Благородных кровей?

Халл кивнул.

- Бинадас Сэнгар.
- Ты ради него резал плоть?
- Да. А он – ради меня.

Сэрен Педак плотнее завернулась в меха. Ветер не утихал, хотя теперь его порывы доносили из долины запахи сырости и гниения.

- Халл, ты боишься Большой Встречи?
- Мне достаточно оглянуться, чтобы увидеть, что ждет впереди.
- Ты уверен?
- Мы купим мир, но для тисте эдур этот мир станет смертельным.
- И все-таки мир, Халл.

– Аквитор, вот что тебе стоит знать, чтобы до конца понять меня: я намерен разнести это сорище. Я хочу втянуть эдур в войну с Летерасом.

Оцепенев, она смотрела на него.

Халл Беддикт отвернулся.

- Теперь поступай как знаешь, – сказал он.

Глава третья

*Лицом к Свету,
преданный Тьмой,
Отец Тень
лежит, истекая кровью,
невидимый и невидящий,
потерянный,
пока его дети
не выйдут на последнюю тропу
и, избавившись
от чужаков,
не возродятся вновь.*

Молитва тисте эдур

Тяжелое молчание казалось уместным в плотном, непроницаемом тумане. Весла из черного дерева с трудом выходили из плотной, как кровь, воды. Вода стекала струйками, потом каплями по полированному дереву и на прохладном воздухе высыхала патиной соли.

Дочь Менандор принесла наутро мрачное предвестие. Тело воина бенедов. Раздутое тело, спаленное чародейством, кожа ободрана вечно голодными обитателями моря. Негромко зажужжали мухи, взвившись в воздух из-за появления эдур, чьи рабы первыми обнаружили тело.

Летерийское чародейство.

У воина не было ни ножен, ни доспехов. Он собирался порыбачить.

Четыре баркаса к'орфан отправились из устья реки вскоре после находки. На первой были Ханнан Мосаг, его магический отряд к'риснан и еще семьдесят пять окропленных воинов. На трех других лодках плыли по сотне бойцов.

Какое-то время их нес отлив. Потом ветер с берега стих; пришлось свернуть треугольные паруса, и за дело взялись гребцы – по тридцать пять с каждого борта.

Пока колдун-король не просигналил остановку.

Туман окутал четыре рейдовых баркаса. Ничего нельзя было рассмотреть на расстоянии двадцати взмахов весла в любую сторону. Трулл Сэнгар сидел на банке рядом с Фиром. Он опустил весло и теперь крепко держал новое отделанное железом копьё, которое вручил ему отец.

Он знал, что летерийские корабли недалеко и дрейфуют, как и баркасы эдур. Но они рассчитывают только на паруса и ничего не могут поделать, пока не поднимется ветер.

А Ханнан Мосаг сделал так, чтобы ветра не было.

Тени-призраки мерцали, бесцельно бродя по палубе, то и дело становясь на четвереньки и упираясь когтистыми руками в палубу. Трулл никогда не видел их в таком количестве, а ведь он знал, что и на других баркасах их столько же. Но не они станут убийцами летери. Для этого колдун-король приготовил кое-что другое.

Что-то ждало внизу. Ждало терпеливо, прячась в глубине.

На носу лодки Ханнан Мосаг медленно поднял руку; за фигурой колдуна-короля Трулл разглядел громаду летерийского промыслового судна, медленно выползающего из тумана. Паруса убраны, лампы на концах мачт бросают тусклый желтый свет.

Потом – второй корабль, привязанный к первому толстым канатом.

Акульки плавники резали ровную поверхность воды вокруг кораблей.

И вдруг плавники пропали.

То, что ждало в глубине, поднималось.

Что-то невидимое, только рябь пошла по воде.

Тишина, мутная и неопределенная.

А потом – вопли.

Трулл уронил копьё и зажал руками уши – и не он один. Вопли становились громче, они вырывались из глоток беспомощных людей и срывались на визг. Чародейство коротко сверкнуло в тумане и исчезло.

Туман сгустился вокруг летерийских кораблей, словно дым, и из беспроглядного мрака прорывались крики. Они царапали мозг, как клочья ужаса, как извивающиеся души.

Звуки проникали в череп Трулла, как ни старался он заглушить их. Сотни голосов. Сотни и сотни.

И снова тишина. Густая и полная.

Ханнан Мосаг махнул рукой.

Белый саван тумана мгновенно исчез.

С ярко-голубого неба сияло солнце, спокойную поверхность моря поглаживал тихий ветерок.

– Весла на воду.

Голос Ханнана Мосага позвучал, казалось, над самым ухом Трулла. Вздрогнув, как и все, он уперся бедром в планшир и вонзил весло в воду.

Баркас рванулся вперед.

И вскоре остановился рядом с корпусом одного из кораблей.

Тени-призраки полезли на окровавленный борт.

И Трулл увидел, что ватерлиния поднялась, – трюмы опустели.

– Фир, – прошипел он. – Что происходит? Что это?

Брат повернулся, напугав Трулла необычайно бледным лицом.

– Это не для нас, – сказал он и отвернулся.

Это не для нас. Что он имеет в виду? О чем он?

Вокруг в волнах кувыркались дохлые акулы. Животы были вспороты, словно взорвались изнутри. Воду покрывали полосы вязкой пены.

– Возвращаемся, – велел Ханнан Мосаг. – Поднять паруса, мои воины. Мы видели. Теперь пора уходить.

Видели... Во имя Отца Тени, что именно?

На борту летерийских кораблей бились и хлопали паруса.

Духи их достанут. Во имя Сумерек, это не просто демонстрация силы. Это... это вызов. Вызов куда более высокомерный, чем все, что сделали охотники летери с их дурацким нападением на клыкастых тюленей. И тут Трулла, следящего, как воины поднимают паруса, посетила новая мысль. Кто же у летери сознательно послал команды девятнадцати кораблей на гибель? И как могли команды согласиться?

Говорят, что только золото что-то значит. Но кто в здравом уме будет алкать богатства, если оно означает верную смерть? Они же знали, что спасения не будет. *А если бы я не наткнулся на них? Если бы я пошел за нефритом не на берег Калача?* Впрочем, теперь уже он проявляет высокомерие. Не Трулл, так кто-то другой. Преступление не останется незамеченным. Преступление *не может* остаться незамеченным.

Он был в замешательстве, как и остальные воины. Что-то тут неправильно. И с летери, и... *И с Ханнаном Мосагом. С нашим колдуном-королем.*

Наши тени танцуют. Тени летери и эдур танцуют ритуальный танец – но я не узнаю движений. Прости, Отец Тень, я напуган.

Девятнадцать мертвых кораблей уплывали на юг, а четыре рейдовых баркаса к'орфан повернули на восток. Четыреста воинов эдур плыли в тяжелом молчании.

Приготовлениями занимались рабы. Труп бенеда лежал на песчаном полу большой каменной пристройки у цитадели и высыхал. Глазницы, уши, ноздри и распахнутый рот были очищены и заклеены мягким воском. Рваные раны на коже покрыли смесью глины с маслом.

Под присмотром шести вдов эдур установили железный поддон над ямой, наполненной углями. Медные монеты, уложенные на поддоне, подпрыгивали с треском, когда капли влаги шумели и испарялись.

Удинаас согнулся у ямы, держась достаточно далеко, чтобы ни капли его пота не попало на монеты – такое святотатство означало бы немедленную смерть для безалаберного раба, – и смотрел, как монеты темнеют, покрываясь черной дымкой. Когда в центре каждой монеты начали появляться светящиеся точки, он стал щипцами брать по одной с поддона и класть на тарелки из обожженной глины – по тарелке для каждой вдовы.

Вдова, встав на колени, брала маленькими щипчиками монету и поворачивалась к трупу.

Первая монета легла на левую глазницу. Раздалось шипение; взвились струйки дыма, когда женщина прижала монету щипчиками, пока она не прикипела к плоти. Настала очередь правой глазницы. Нос, лоб и щеки – монета к монете.

Когда монетами покроется передняя часть тела и бока, включая руки и ноги, на монетную кольчугу выльют расплавленный воск. Когда он остынет, тело перевернут. И снова монеты – пока не будет покрыто все тело, кроме подошв ног и ладоней. И снова слой расплавленного воска.

Процесс укладывания монет занял почти весь день; уже начало смеркаться, когда Удинаас наконец выбрался из пристройки и остановился, склонив голову, чтобы свежий ветер сдул капли пота. Удинаас плюнул, пытаясь избавиться от гадкого привкуса во рту. Жженая гниющая плоть, распухшая в жаркой тесной пристройке, запах паленых волос... Никаким количеством ароматного масла и никаким скоблением кожи не избавиться от того, что ввелось в поры. Ему еще долго избавляться от густого ужасного привкуса.

Удинаас устался на землю под ногами. Плечо болело после жесткого лечения Урут. И с того времени у него так и не было случая поговорить с Пернатой Ведьмой.

Хозяевам он ничего не объяснил. Да они, правду сказать, особенно не настаивали. Задали несколько вопросов и удовлетворились неуклюжими ответами. Интересно, с таким же безразличием расспрашивала Урут Пернатую Ведьму? Тисте эдур редко обращали внимание на рабов и почти совсем не понимали их обычаев. Конечно, завоеватель имеет право на такое поведение, и порабощенные народы всегда страдают от невнимания.

Свобода – всего лишь рваная сеть, заброшенная на кучку мелких обязательств. Сдерни эту сеть – и ничего не изменится. *Мысль привязана к личности, личность к плоти, плоть к костям. По воле Странника мы решетки, и то, что трепещет внутри, знает только одну свободу – смерть.*

Захватчики всегда полагают, что завоевали личность. На самом деле личность можно уничтожить только изнутри, и даже это – химера.

В пристройке за спиной Удинааса завели скорбную песню, принятую у эдур. «Ханн, ханн, ханн, ханн...» От этих звуков Удинааса всегда охватывал озноб. *Словно чувство бьется в одну и ту же стену, снова, снова и снова. Голос пойманного, запертого. Голос ошеломленного правдами мира. Эдур горевали не столько о потере, сколько о потерянности.*

Так бывает, когда проживешь сотню тысяч лет?

Появились вдовы, окружившие труп, который несли по воздуху на высоте пояса густые, бурлящие тени. Фигура из медных монет. Только в этих целях эдур использовали монеты. Медные, оловянные, бронзовые, железные, серебряные, золотые... Доспехи мертвых.

По крайней мере, честно. Летери на деньги покупают непохожесть. Нет, не совсем так. Скорее, иллюзию непохожести. Богатство как доспехи жизни. Как подземелье, крепость, цитадель, вечно бодрствующая армия. Но врагу это нипочем, враг знает, что вы беззащитны.

«Ханн, ханн, ханн, ханн...»

Настал час Дочери Шелтаты Лор, когда реальные предметы становятся зыбкими. Их смазывает отступление света, когда воздух теряет ясность и в нем плавают пылинки и гранулы, когда проявляется несовершенство и света, и тьмы, скрытое в другие часы. Становится видно, что трон пуст.

А почему не поклоняться деньгам? По крайней мере, награда очевидна и незамедлительна... Нет, это упрощение. Вера летери тоньше, их этика поощряет те черты и привычки, которые помогают копить. Прилежание, дисциплина, упорный труд, оптимизм, личная слава. И наоборот, главное зло – лень, отчаяние и безвестность неудачи. Суровый мир отделяет одно от другого, не оставляя места для сомнений и безвольного уклонизма. Таким образом, поклонение превращалось в прагматизм, а прагматизм – холодный бог.

Странник сотворил нам холодного бога, и мы действуем без принуждения. Годится для летери, как молитва, хотя вслух такого никто не произнесет. Пернатая Ведьма сказала, что любой поступок становится молитвой, так что в течение дня мы служим многим богам. Вино, нектар и растабак, все злоупотребления – молитва смерти, говорила она. Любовь – молитва жизни. Месть – молитва демонам справедливости. Заключение делового договора, говорила она с легкой улыбкой, – молитва мастеру иллюзий. В конце концов, что одному – достижение, то другому – потеря. В игре участвуют две руки.

«Ханн, ханн, ханн, ханн...»

Удинаас встряхнулся. Взмокшая накидка теперь холодила тело.

Со стороны моря донесся крик. Возвращались воины на к'орфан. Удинаас двинулся по площади к дому Сэнгаров. Увидев Томада Сэнгара и его жену Урут, он упал на колени и прижимался головой к земле, пока они не прошли. Затем встал и поспешил в большой дом.

Одетый медью труп положат в выдолбленный ствол черного дерева и запечатают с двух концов кедровыми дисками. Через шесть дней ствол предадут земле в одной из дюжины святых рощ. До тех пор погребальная песнь будет продолжаться – вдовы будут сменять друг друга в этом тягостном, ужасном труде.

Удинаас пробрался в свою маленькую спальную нишу. Баркасы войдут в канал, один за другим, в тусклом полусвете. Они не могли потерпеть неудачу, они всегда справлялись. Команды девятнадцати кораблей летери теперь мертвы – рабов в этот раз не брали. По обоим берегам канала благородные жены и отцы молча приветствовали своих воинов.

Молча.

Потому что случилось нечто ужасное.

Удинаас лег на спину, глядя на косой потолок; он чувствовал в горле непривычный предательский комок и слышал, в собственных жилах, неясное эхо сердцебиения. «Ханн-ханн. Ха-ха. Ханн-ханн. Ха-ха...»

Кто ты? Чего ты ждешь? Чего ты хочешь от меня?

Трулл выбрался на причал, держа в правой руке копьё, и остановился рядом с Фиром. Напротив них стояли Томад и Урут. Рулада не было видно.

Не видно, понял Трулл, и Майен.

Краем глаза он заметил, как Фир оглядел толпу встречающих и с невозмутимым лицом шагнул к Томаду.

– Майен в лесу с другими девушками, – сказал Томад. – Собирают листья морока. Их охраняют Терадас, Мидик и Рулад.

– Сын... – Урут подошла ближе, всматриваясь в лицо Фира. – *Что он сделал?*

Фир покачал головой.

– Они умерли позорной смертью, – сказал Трулл. – Мы не могли видеть, чья рука принесла им смерть, но это было... чудовищно.

– А тюлени? – спросил Томад.

– Их забрали, отец. Та же рука.

Гнев сверкнул в глазах Урут.

– Это не полное раскрытие. Это вызов демонов.

Трулл нахмурился.

– Я не понимаю, мать. Там были тени...

– И тьма, – вмешался Фир. – Из глубин... *тьма*.

Урут сложила руки и отвела взгляд. Трулл никогда не видел ее такой опустошенной.

И сам он ощущал все большее беспокойство. Не меньше трех пятых из тисте эдур занимались чародейством. Пользовались множеством фрагментов из расколотого пути Куральд Эмурланна. Сила Тени обладала мириадами оттенков. Из сынов Урут только Бинадас пошел тропой чародейства. И все же слова Фира вызвали понимание у Трулла.

– Выходит, чародейство Ханнана Мосага – не Куральд Эмурланн. – Даже не глядя на их лица, Трулл понял, что последним понял правду. Он поморщился. – Простите меня за глупые слова...

– Глупые, только если произносить их вслух, – ответила Урут. – Фир, возьми Трулла и Рулада. Отправляйтесь к Каменной Чаше...

– Прекрати, – твердо сказал Томад, потемнев лицом. – Фир, Трулл, возвращайтесь в дом и ждите меня там. Урут, посмотри, что нужно вдовам. Павший воин встречает первые сумерки среди родни. Нужна искупительная жертва.

Сперва Трулл решил, что мать откажется. Однако Урут, плотно сжав губы, кивнула и пошла прочь.

Фир махнул Трулле, и они отправились в большой дом, оставив отца на берегу канала.

– Тяжелые времена, – сказал Трулл.

– А очень нужно, – спросил Фир, – стоять между Руладом и Майен?

Трулл захлопнул рот. Вопрос застал его врасплох, уже не отделаешься легкомысленным ответом.

Фир счел молчание ответом.

– И когда стоишь между ними, за кем ты следишь?

– Я... Извини, Фир. Просто не ждал такого вопроса. Очень нужно, ты спросил. Я отвечаю: не знаю.

– Понятно.

– Его напыщенность... раздражает меня.

Они подошли к двери. Трулл смотрел на брата.

– Фир, а что это за Каменная Чаша? Я никогда не слышал...

– Неважно, – ответил Фир и вошел в дом.

Трулл остался на пороге. Он провел рукой по волосам, повернулся и посмотрел через площадь. Все, кто встречал воинов, разошлись, как и сами воины. Не было видно и Ханнана Мосага с его магическим отрядом к'риснан. На берегу осталась одинокая фигура. Томад.

Мы настолько отличаемся от других?

Да. Потому что колдун-король позвал сынов Томада. Чтобы мы стали свидетелями.

Он сделал нас своими слугами. Вот только... он ли хозяин?

Во сне Удинаас стоял на коленях в пепле. Из ран на руках и ногах текла кровь. Сдавленное горло не давало дышать. Он выпрямился, хватаясь руками за воздух, – а небо ревело и набрасывалось со всех сторон.

Огонь. Огненная буря.

Он закричал.

И вновь оказался на коленях.

Все стихло, кроме его судорожного дыхания. Удинаас поднял голову. Буря прошла.

Силуэты на равнине. Они бредут и поднимают пыль, взвихривающуюся разодранным саваном. Их буквально искромсали каким-то оружием; конечности держатся на остатках сухожилий и мышц. Невидящие глаза; лица, искаженные страхом, лица, видевшие собственную смерть. Не заметив его, они проходят мимо.

Внутри растет чувство громадной потери. Горе, а потом едкий привкус предательства.

Кто-то заплатит за это. Кто-то заплатит.

Кто-то.

Кто-то.

Это не его слова, это не его мысли, но голос, звучащий в центре черепа, его собственный.

Рядом прошел мертвый воин. Высокий, чернокожий. Меч отсек ему большую часть лица; белеет кость, покрытая красными трещинами от свирепого удара.

Что-то мелькнуло.

Рука в железной перчатке обрушилась сбоку на голову Удинааса. Брызнула кровь, и он рухнул на землю в туче серого пепла.

Рука в перчатке ухватила его за левую лодыжку. Ногу безжалостно дернули вверх.

Удинааса потащили.

Куда мы?

– Дама жестока.

Дама?

– Жестока.

Она ждет нас в конце?

– Ждет не только она.

Он изловчился повернуть голову и посмотрел на борозду, которую прочертил в пепле. След тянулся до горизонта, и черная кровь наполняла этот неровный желоб. *Сколько уже меня тащат? Кому я наношу рану?*

Гром копыт.

– Это она.

Удинаас повернулся на спину и постарался приподнять голову.

Пронзительный крик.

Меч опустил на воина, тащившего Удинааса, и разрубил его пополам. Рука отпустила лодыжку Удинааса, и он откатился в сторону, а рядом протопали подкованные копыта.

Она сияла ослепительно белым светом. В одной руке – меч, сверкавший подобно молнии, в другой – топор с двумя лезвиями, с которых что-то капало. А конь...

Только кости, охваченные пламенем.

Громадный конь-скелет мотнул головой. Лицо женщины было скрыто ровной золотой маской. Шлем из гнутых позолоченных пластин вздымался султаном. Оружие взметнулось.

Удинаас взглянул женщине в глаза.

Он отскочил, поднялся на ноги и побежал.

Копыта зазвенели за спиной.

Дочь Рассвет. Менандор...

Впереди валялись воины, шедшие рядом с тем, что тащил Удинааса. Пламя лизало их раны, дымилась разорванная плоть. Никто не шевелился. *Они снова умирают? Опять и опять. Снова умирают...*

Он побежал.

А потом – удар. Острая кость ударила его в правое плечо, подкинув в воздух. Удинаас покатился по земле, колотя руками и ногами.

Возникла фигура, в грудь уперся сапог.

Она заговорила – словно зашипела тысяча змей:

– Кровь локи вивала... в теле раба. Чье сердце, смертный, ты выберешь?

Сапог давил на грудь, не позволяя ответить. Он вцепился в сапог руками.

– Пусть ответит твоя душа. Прежде чем ты умрешь.

Я выберу... то, которое всегда было во мне.

– Ответ труса.

Да.

– Осталось мгновение. Можешь передумать.

Вокруг смыкалась тьма. Он чувствовал, как рот наполняется кровью. *Вивал! Я выбираю вивала!*

Сапог скользнул в сторону.

Рука в перчатке потянулась к веревке, которую он повязывал вместо пояса. Пальцы сомкнулись, и Удинаас взмыл над землей, изогнувшись и свесив голову. Мир перевернулся вверх ногами. Его поднимали, пока бедра не прижались к бедрам женщины.

Тунику задрали на живот. Рука сорвала набедренную повязку. Холодные железные пальцы обхватили его.

Удинаас застонал и задергался в судорогах.

Рука отпустила, и он упал спиной на землю.

Ухода женщины он не слышал.

Не слышал вообще ничего. Кроме биения двух сердец внутри. Стук приближался и приближался.

Потом кто-то сел рядом с Удинаасом.

– Должник.

Кто-то заплатит. Он готов был рассмеяться.

Рука тронула его за плечо.

– Удинаас. Где мы?

– Не знаю. – Он повернул голову и посмотрел в испуганные глаза Пернатой Ведьмы. –

Что говорят плитки?

– У меня их нет.

– Представь. Брось их в уме.

– Да что ты в этом понимаешь, Удинаас?

Он медленно сел. Боль ушла. Ни синяков, ни царапин под слоем пепла, осевшего на кожу. Удинаас одернул накидку, чтобы прикрыть пах.

– Ничего, – ответил он Пернатой Ведьме.

– Тебе не нужно гадание, – сказала она, – чтобы знать, что тут произошло.

– Нужно. – Удинаас горько улыбнулся. – Рассвет. Самая страшная для эдур Дочь.

Менандор. Она была здесь.

– К летери не приходят боги тисте эдур...

– Ко мне пришла. – Удинаас отвел взгляд. – Она меня... э-э... использовала.

Пернатая Ведьма поднялась.

– В тебя попала кровь вивала. Ты отравлен видениями, должник. Это безумие. Во сне ты не таков, каким тебя видят все.

– Посмотри на тела вокруг, Пернатая Ведьма. Это она их зарезала.

– Они мертвы уже давно.

– Да, но они *ходили*. Посмотри на эту борозду – один из них волок меня, вот след. А вот следы копыт ее коня.

Но она, не отводя взгляда, смотрела на Удинааса.

– Это мир твоих собственных фантазий. Твой ум захвачен фальшивыми видениями.

– Брось плитки.

– Нет.

– Пернатая Ведьма, кровь вивала жива. Эта кровь связывает нас с тисте эдур.

– Невозможно. Вивалы – порождение элейнтов, отпрыски драконов, и даже драконы ими не управляют. Они из Обители, но злобной.

– Я видел Белого Ворона. На берегу. Об этом я и хотел сказать тебе и спешил, чтобы успеть до того, как ты метнешь плитки. Я пытался прогнать его, а он только посмеялся надо мной. Когда на тебя напали, я думал, это Белый Ворон. Как ты не понимаешь? Белый, как лицо Менандор, Рассвета. Вот что Опоры показывали нам.

– Я не поддамся твоему безумию, должник.

– Ты просила меня солгать Урут и другим эдур. Я сделал, как ты сказала, Пернатая Ведьма.

– Но теперь тобой завладел вивал. И скоро убьет тебя – даже эдур ничего не смогут поделать. Поняв, что ты в самом деле отравлен, они вырвут твое сердце.

– Ты боишься, что я превращусь в вивала? Это моя судьба?

Она покачала головой.

– Болезнь атакует твой разум. Отравляет чистую кровь твоих мыслей.

– Ты в самом деле здесь, Пернатая Ведьма? В моем сне?

Ее очертания стали прозрачными, зыбкими, и их, словно песок, унес ветер.

Удинаас вновь остался один.

Я никогда не проснусь?

Почувствовав движение в небе, он повернул голову вправо.

Драконы. Десятки драконов в воздушных потоках над мутным горизонтом. Вокруг сновали, как мошкара, вивалы.

И тут Удинаас кое-что понял.

Они летят воевать.

Тело покрывали листья морока. В последующие дни листья начнут гнить, янтарный воск пойдет синеватыми пятнами, и одетое в монеты тело превратится в смутную фигуру, будто закованную в лед.

Тень в воске, замкнувшая воина бенедов навечно. Прибежище для блуждающих теней внутри пустого ствола.

Трулл стоял у трупа. Ствол черного дерева еще готовили в неосвященном здании рядом с цитаделью. Живое дерево сопротивлялось рукам, которые хотели его преобразовать. Но оно любило смерть, и его можно было уговорить.

Из деревни донесся отдаленный плач – голоса возносились в последней молитве сумеречной Дочери. До наступления ночи остались мгновения. Наступали пустые часы, когда даже саму веру следовало сдерживать. Ночь принадлежит Предателю. Он пытался убить Отца Тень в момент высшего торжества и почти преуспел.

Любые серьезные разговоры в это время были запрещены. Во тьме крадется обман, бурлит невидимая жизнь, которую можно вдохнуть – и заразиться.

Не зарывались мечи у порога домов, где обитают девы. Скрепить брак в этот час значит обречь его. Дитя рожденное умрет. Любовники не коснутся друг друга. День умер.

Вскоре, однако, появится луна, вернуться тени. Как Скабандари Кровавый глаз вернулся из тьмы, так вернется и мир. *Предателя ждет поражение.* По-другому и быть не может, иначе царства поглотит хаос.

Трулл сам вызвался дежурить в первую ночь. Труп эдур не оставляли без охраны, когда подкрадывалась тьма – она ведь не разбирает, течет ее дыхание в теплую плоть или холодную. Мертвец мог дать начало страшным событиям так же, как и живой. Неважно, что у него нет голоса и он не может поднять руку. Другие готовы говорить за него и выхватить меч или кинжал.

Ханнан Мосаг объявил это главным пороком среди эдур. Старики и мертвецы первыми готовы прошептать слово *месть*. Старики и мертвецы стоят у одной стены, только мертвые стоят к ней лицом, а старики отвернулись. За этой стеной – забвение.

Междоусобицы теперь были запрещены. За преступление мести наказывался весь род – бесчестной казнью.

Трулл Сэнгар заметил со своего места во мраке под деревом – рядом с телом, – как его брат Рулад идет по лесу. В этот темный час он осторожно крался, словно тень, от края деревни.

В лес, на северную тропу.

Тропа вела на кладбище, где было решено похоронить воина бенедов.

Где бодрствует одинокая женщина.

Может, это первый раз... и ничего не выйдет. Или это очередное свидание из многих. Она непостижима. Все женщины непостижимы. Но вот он вполне ясен. Рулад поздно родился и не успел на войну, так что на его поясе нет отметин. Он пустит кровь иначе.

Потому что Рулад должен побеждать. Побеждать во всем. Такова его жизнь, узкий берег, который он сам сочинил после всех случаев пренебрежения – неважно, настоящего или им самим придуманного, – после всех моментов, которые, по его мнению, вопиют об отсутствии достижений.

Это первый раз. И она откажется с отвращением.

Или их руки сплетутся, и тьма породит жар и пот. И предательство.

А он не может двинуться, не может оставить пост над безымянным воином бенедов.

Фир изготовил меч, как велел обычай. Он стоял перед Майен, и клинок лежал на тыльных сторонах ладоней. На глазах у всех она сделала шаг и приняла оружие. И унесла его домой.

Они обручены.

Через год – теперь уже осталось пять недель – она выйдет из дверей с этим мечом, выроет им канавку у порога, положит туда меч и закопает. Железо и земля, оружие и дом. Мужчина и женщина.

Брак.

До того дня, когда Фир подарил меч, Рулад и не смотрел на Майен. Равнодушие юности? Нет, эдур не такие, как летери. Год у летери, как день у эдур. Были девушек прекраснее в благородных домах. Но он обратил на нее внимание только потом.

Бросить пост? В конце концов, воин бенедов – не хирот. И обглоданное морем тело покрыто медью, а не золотом. Можно ступить на тропу и пройти по следу в темноте.

И найти что? Определенность, острыми зубами грызущую его мысли.

Зачем?

Это все темные часы...

Глаза Трулла Сэнгара вдруг распахнулись. Из леса вышла фигура.

Фигура шагнула вперед. Губы в черной крови. Бледная в слабом свете луны кожа, грязная и будто покрытая плесенью. Пустые ножны из полированного дерева справа и слева на поясе. Остатки доспехов. Высокая, но с поникшими плечами.

Глаза как гаснущие угольки.

– Ага, – пробормотал призрак, глядя на кучу листьев. – И что у нас здесь?

Он говорил на языке ночи, родственном языку эдур.

Дрожащий Трулл заставил себя шагнуть вперед, ухватив копьё двумя руками и выставив острие над трупом.

– Он не для тебя. – Горло внезапно сдавило.

Глаза на мгновение вспыхнули, когда бледный призрак взглянул на Трулла.

– Тисте эдур, ты знаешь меня?

– Призрак тьмы, – кивнул Трулл. – Предатель.

Желто-черная улыбка.

Трулл вздрогнул, – призрак сделал еще шаг и пригнулся с другой стороны кучи листьев.

– Прочь отсюда, дух!

– А иначе что ты сделаешь?

– Подниму тревогу.

– Как? Ты теперь можешь только шептать. Горло перехватило. Даже дышать трудно. Это предательство так давит на тебя, эдур? Неважно. Я много путешествовал, и мне не нужны доспехи этого воина. – Призрак выпрямился. – Отступи, если хочешь дышать.

Трулл не тронулся с места. Воздух с шипением протискивался в сдавленное горло, руки и ноги слабели.

– Да, трусость никогда не значилась среди пороков эдур. Ладно, как знаешь.

Призрак повернулся и направился в лес.

Трулл с облегчением набрал полные легкие воздуха, потом еще. Голова кружилась.

– Погоди!

Предатель остановился и снова повернулся лицом.

– Такого никогда не было. Пост...

– Интересовал только голодных подземных духов, – кивнул Предатель. – Или даже еще печальнее: духов выкорчеванных черных деревьев, впивающихся в плоть, чтобы... ну, что они сделают? Ничего, как и при жизни. В мире есть мириады сил, тисте эдур, и большинство из них слабы.

– Отец Тень заключил тебя...

– Да, там я и остаюсь. – Снова жуткая улыбка. – Если только не сплю. Неохотный подарок Матери Тьмы, напоминание о том, что она не забывает. Напоминание о том, что и я не должен забывать.

– Это не сон, – сказал Трулл.

– Они были разбиты, – сказал Предатель. – Давно. Осколки рассыпались по полю битвы. Кому они нужны? Разбитые осколки не воссоединить. Но теперь они складываются сами по себе. Вот мне интересно: *что он сделал с ними?*

Фигура исчезла среди деревьев.

– Это, – прошептал Трулл, – не сон.

Удинаас открыл глаза. Вонь обожженного трупа ощущалась в носу и во рту, застряла в горле. Над ним нависал низкий косой потолок – грубая черная кора и желтоватые трещины. Он неподвижно лежал под одеялом.

Уже близок рассвет?

Он ничего не слышал – никаких голосов из соседних каморок. Впрочем, часы перед восходом луны – тихие. Как и часы, когда все спят. С утра ему опять чинить сети. И вить канаты.

Возможно, это правда безумия, когда разум только и может, что бесконечно составлять списки будничных забот и доказывать свою нормальность. Починить сети. Сплести канаты. Видишь? Я не потерял смысл жизни.

Кровь вивала ни горяча, ни холодна. Она не бурлит. Удинаас не ощущал какой-то разницы в теле. *Но чистая кровь моих мыслей – да, загрязнена.* Он откинул одеяла и сел. *Таков путь, и мне придется оставаться на нем, пока не придет момент.*

Чинить сети. Вить канаты.

Выкопать могилу для воина бенедов, который только что открыл бы глаза, если бы они у него были. И увидел бы не черноту облепивших его монет. Увидел бы не синий воск, не листья морока, становящиеся от воска мокрыми и черными. Увидел бы лицо... кого-то другого.

Вивалы окружали драконов в полете. Он видел это. Как гончие вокруг хозяина перед самым началом охоты. *Я знаю, почему я там, где оказался. И когда ночь прошепчет ответ – нет, не прошепчет, провоеет, сама Тьма подаст сигнал к погоне.*

Удинаас понял, что он среди врагов. Не как летери, обреченный на рабство. Гораздо большую опасность ощущала его новая кровь, оказавшись посреди эдур и Куральд Эмурланна.

Пернатая Ведьма, полагаю, могла бы поступить иначе, но Мать Тьма даже в таких вещах остается невидимой.

Он вышел в главный зал.

И оказался лицом к лицу с Урут.

– Незачем бродить в такой час, раб, – сказала она.

Но он видел, что она дрожит.

Удинаас упал на пол и уперся лбом в потертые доски.

– Приготовь плащи Фиру, Руладу и Труллу – они отправляются сегодня ночью. До восхода луны. И еду и питье для утренней трапезы.

Он быстро поднялся на ноги, чтобы выполнять, но его остановила протянутая рука.

– Удинаас, – сказала Урут. – Сделай все сам и не говори никому.

Он кивнул.

Из леса выползали тени. Взошла Луна, место заключения настоящего отца Менандор. Древние битвы Отца Тени создали и сформировали этот мир. Скабандари Кровавый глаз, стойкий борец со слугами неумолимой убежденности – хоть ослепительно белой, хоть всепоглощающе черной, – одержал победы, среди которых погребение Брата Тьмы и пленение Брата Света в далеком небесном мире. Эти победы – дары не только для эдур, но для всех рожденных и живущих, чтобы однажды умереть.

Дары свободы, воли, лишённой цепей, пока человек сам на себя не накинёт эти цепи и будет носить их, как доспехи.

Трулл Сэнгар видел цепи на летери. Он видел окутывающую их непроницаемую сеть логических обоснований, где не найдешь ни начала, ни конца. Он понимал, почему летери поклонялись Пустому трону. И знал, каким образом они оправдывают все свои дела. Прогресс – необходимость, рост – преимущество. Взаимовыгодность – для дураков, а долг – движущая сила природы, любого человека и любой цивилизации. У долга свой язык, в котором есть такие слова, как переговоры, возмещение и поручительство, а закон – лживый запутанный клубок, который застит глаза справедливости.

Пустой трон. На вершине горы золотых монет.

Отец Тень искал мир, где изменчивость могла бы применить свой коварный яд против тех, кто избрал своим оружием непримиримость – в ней они черпали мудрость. Где любая крепость в итоге рушилась бы изнутри от веса цепей, жестко ее опутывающих.

Мысленно он спорил с призраком – с Предателем. Тем, кто пытался убить Скабандари Кровавого глаза многие тысячи лет назад. Он доказывал, что сама определенность и есть Пустой трон. Что те, кто знает лишь один путь, начинают боготворить его, даже если путь ведет к пропасти. Он спорил, и по молчаливому безразличию призрака начал понимать, что сам вещает – с яростной горячностью – от подножия Пустого трона.

Скабандари Кровавый глаз не сотворил тот мир. Он исчез там, пропал на пути, по которому не пройти никому другому.

Трулл Сэнгар стоял перед трупом в куче гниющих листьев и чувствовал опустошенность. Множество путей открыто ему – и все они грязные, пропитанные отчаянием.

Звук шагов на тропе. Трулл повернулся.

Приближались Фир и Рулад – в плащах. Плащ Трулла Фир нес в руках, а за плечами висел небольшой походный мешок.

Лицо Рулада разумянилось – то ли от тревоги, то ли от возбуждения.

– Приветствую тебя, Трулл. – Фир протянул плащ.

– Куда мы отправляемся?

– Отец проводит эту ночь в храме. Молится об указании.

– Каменная чаша, – сказал Рулад, и глаза его блеснули. – Мать отправляет нас к Каменной чаше.

– Зачем?

Рулад пожал плечами.

Трулл повернулся к Фиру.

– Что за Каменная чаша? Никогда не слышал.

– Старое место. В Кащанской котловине.

– Ты слышал про него, Рулад?

Младший брат покачал головой.

– До сегодняшнего вечера понятия не имел – мать описала. Мы все ходили по краю котловины. Разумеется, тьма в ее сердце непроницаема; как нам было догадаться, что там сокрыто священное место?

– Священное место? В абсолютной тьме?

– Смысл этого, – сказал Фир, – станет очевидным очень скоро, Трулл.

Братья тронулись в путь, старший впереди, встали на тропу, ведущую на северо-запад.

– Фир, – позвал Трулл, – Урут говорила с тобой о Каменной чаше прежде?

– Я оружейник, – ответил Фир. – Я видел обряды...

Трулл знал, что среди обрядов была церемония в память всех битв, в которых участвовали эдур. Он сам удивился, что эта мысль пришла ему в голову в ответ на слова Фира. Какие скрытые связи хочет открыть его собственный разум и почему он их не видит?

– Томад запретил нам это путешествие, – сказал немного погодя Трулл.

– В делах чародейства, – сказал Фир, – Урут выше Томада.

– А это касается чародейства?

Рулад фыркнул за спиной Трулла.

– Ты стоял рядом с нами в баркасе колдуна-короля.

– Стоял, – согласился Трулл. – Фир, а Ханнан Мосаг одобрит то, что мы делаем? То, что командует Урут?

Фир промолчал.

– Брат, – сказал Рулад, – ты слишком наполнен сомнениями. Они тебе мешают.

– Я видел, как ты шел по тропе к избранному кладбищу, Рулад. После того, как ушли сумерки, и до восхода луны.

Если Фир и слышал, то не повернул головы.

– И что с того? – спросил Рулад беспечным тоном.

– Не надо легкомысленно относиться к моим словам, брат.

– Я знал, что Фир занят – следит, как убирают оружие в арсенал, – сказал Рулад. – И чувствовал в ночи враждебность. Поэтому я встал на скрытый пост рядом с его нареченной, которая была одна на кладбище. Может, я и неокропленный, но не трус, брат. Я знаю: ты считаешь, что неопытность – почва, на которой вырастает ложная храбрость. Но для меня неопытность – невозделанная почва, не готовая для корней. Я занял место брата.

– Враждебность в ночи, Рулад? Чья?

– Я не разобрал.

– Фир, – сказал Трулл. – Ты не хочешь ни о чем спросить Рулада?

– Нет, – сухо отозвался Фир. – Это ни к чему... когда ты рядом.

Трулл захлопнул рот, радуясь, что ночь скрывает его покрасневшее лицо.

После этого долго шли молча.

Тропа пошла вверх, петляя между покрытыми лишайником гранитными скалами. То и дело приходилось перебираться через поваленные деревья, осторожно преодолевать скользкие участки. Свет луны поблек, и когда братья достигли верхней точки тропы, Трулл почувствовал, что близок рассвет.

Тропа повернула на восток – мимо поваленных деревьев и разбитых валунов. Вода, накопившаяся во впадинах, образовала непроходимые черные лужи поперек тропы. Небо впереди начало светлеть.

Фир повел братьев прочь от тропы – через каменную осыпь, между кривыми деревьями. И вскоре перед ними предстала Кащанская котловина.

Громадная глотка, словно рана от удара ножа в камень, по отвесным стенам струится вода; рана тянется зазубренной линией, начинаясь от залива Хэсан и теряясь в скалах – в дне пути на восток. Братья очутились у самого широкого места, в две сотни шагов шириной; пейзаж на той стороне был точно такой же, только чуть повыше – разбросанные валуны, казалось, кто-то вышвырнул из глотки, а искалеченные деревья словно были отравлены дыханием из глубины.

Фир расстегнул плащ, снял мешок и подошел к бесформенной куче камней. Он убрал мертвые ветви, и Трулл увидел, что камни сложены в своего рода пирамиду. Фир снял верхний камень, сунул руку в отверстие и вытащил связку каната с узлами.

– Снимайте плащи и оружие, – сказал он, неся канат к обрыву.

Найдя конец, он привязал к нему мешок, плащ и копьё. Трулл и Рулад поднесли свои вещи; их тоже привязали к веревке, и Фир начал опускать канат за край обрыва.

– Трулл, возьми второй конец и отнеси его туда, где тень.

Трулл подобрал конец каната и пошел к большому наклонному камню. Положив конец каната в тень у камня, он почувствовал, как в него вцепились бесчисленные руки. Канат натянулся, и Трулл отступил назад.

Вернувшись к обрыву, он увидел, что Фир уже начал спускаться. Рулад смотрел вниз.

– Нужно ждать, пока он спустится до дна, – сказал Рулад. – Он три раза дернет за веревку. Велел, чтобы я спускался следующим.

– Хорошо.

– У нее такие сладкие губы... – пробормотал Рулад, потом поднял взгляд и посмотрел Труллу в глаза. – Этих слов ты ждешь? Хочешь подтвердить свои подозрения?

– У меня разные подозрения, брат, – ответил Трулл. – У нас есть мысли, выжженные солнцем, и есть мысли, поглощенные тьмой. Но мысли тени движутся скрытно, подбираясь к самому краю вражеских владений, чтобы увидеть то, что можно видеть.

– А если видеть нечего?

– Такого не бывает, Рулад.

– А иллюзии? Вдруг ты видишь то, что предлагает воображение? Фальшивые игры света? Фигуры в темноте? Разве не так подозрения превращаются в яд? А ведь яд вроде белого нектара – каждый глоток усиливает жажду.

Трулл долго молчал.

– Фир недавно говорил со мной. О том, как человек выглядит, и о том, каков он на самом деле. О том, что первое может скрывать второе. Что восприятие подтачивает правду, подобно тому, как вода подтачивает камень.

– О чем ты хочешь попросить?

Трулл взглянул прямо в лицо Руладу.

– Перестань распускать хвост перед Майен.

Рулад криво улыбнулся.

– Хорошо, брат.

Глаза Трулла чуть расширились.

Канат три раза дернулся.

– Моя очередь. – Рулад ухватился за веревку и быстро исчез из виду.

Узлы этих слов слишком свободны. Трулл глубоко вздохнул, продолжая думать об улыбке Рулада. Странной улыбке. Улыбке как будто от боли, от раны.

Потом Трулл обратился к себе и попытался разобраться, что чувствует сам. Трудно понять... *Отец Тень, прости меня. Я словно... запачкан.*

Канат трижды дернулся.

Трулл ухватился за тяжелый канат, ощущая воск, пропитавший волокна, чтобы предотвратить гниение. Без узлов для рук и ног спуск был бы опасным. Трулл встал на край обрыва, лицом к стене, откинулся назад. И начал спуск.

По грубому камню текли сверкающие потоки. На поверхности тут и там виднелись рыжеватые пятна. По стене скакали похожие на блох насекомые. Царапины, оставленные при спуске Руладом и Фиром, блестели в угасающем свете, как рваные борозды, как раны на камне.

Узел за узлом, Трулл спускался, а вокруг сгущалась тьма. Воздух стал прохладным и сырым. Наконец нога уперлась в поросшие мхом валуны, и его подхватили руки.

Он напрягал глаза, пытаясь рассмотреть силуэты братьев.

– Надо было взять лампу.

– Каменная чаша дает свет, – сказал Фир. – Старший Путь. Кащан.

– Этот путь мертв, – возразил Трулл. – Его своей рукой уничтожил Отец Тень.

– Дети его мертвы, брат, но чародейство продолжается. Глаза привыкли? Землю перед собой видишь?

Разбросанные камни, между ними течет вода.

– Вижу.

– Тогда за мной.

Они пошли прочь от стены. Выбирать дорогу было непросто, шли медленно. Мертвые ветви, поросшие грибами и мхом; какой-то бледный безволосый грызун нырнул в щель между камней, втянув за собой хвост.

– Это царство Предателя, – произнес он.

Фир хмыкнул.

– Много ты знаешь.

– Там что-то впереди, – шепотом сказал Рулад.

Странная поверхность огромных камней, без мха или лишайника, напомнила Труллу, когда он подошел ближе, кору черного дерева. Толстые корни тянулись от основания каждого обелиска, переплетаясь с корнями от соседних камней. Дальше земля уходила в широкую впадину, из которой пробивался туманный свет.

Фир провел братьев между торчащими камнями и остановился на краю ямы.

Сплетенные корни тянулись вниз, и в них были вплетены кости. Тысячи и тысячи костей. Трулл видел кашан – ужасных древних врагов эдур, с мордами рептилий и блестящими клыками. А кости явно принадлежали тисте. Встречались и изящно изогнутые кости крыла вивала, а в самом низу сидел массивный череп элейнта: широкая плоская лобная кость вдавлена внутрь, словно ударом гигантского, облаченного в боевую перчатку кулака.

Из хаотичного ковра на склонах вырос кустарник без листьев с серыми колючими ветвями. Трулл выдохнул сквозь зубы: куст был каменным, но рос не как кристалл, а как живое дерево.

– Кащанское чародейство, – сказал, помолчав, Фир, – рождается из звуков, недоступных нашему уху. Звуки формируются в слова, которые ослабляют скрепы, соединяющие сущее и прикрепляющие все к земле. Эти звуки сгибают и растягивают свет, как приливная волна. С этим чародейством они создали крепости, летающие по небу, словно облака. С этим чародейством они обернули Тьму против самой себя, наделив ее голодом, которого не может отрицать подобравшийся слишком близко, всепоглощающим голодом, который питается прежде всего сам собой.

Голос Фира странно изменился.

– Кащанское чародейство эпидемией налетело на Путь матери Тьмы. Так были заперты врата из Куральд Галейна в другие владения. Так мать Тьма была сослана в самое сердце Бездны, наблюдать бесконечный водоворот окружающего света. Так кашаны, давно мертвые, свершили над матерью Тьмой ритуал, который кончится ее гибелью. Когда исчезнет весь свет. Когда некому и нечему будет отбрасывать Тень.

Когда Скабандари Кровавый глаз обнаружил, что они наделали, было уже поздно. Конец Бездны неизбежен. На всех уровнях одно и то же, братья. От царств, что мы и разглядеть не способны, до самой Бездны. Кашаны обрекли всех на смертность, на беспощадный прыжок к исчезновению. Такова была их месть. Возможно, причиной стало отчаяние. Или наивысшая ненависть. Глядя на собственное исчезновение, они обрекли на ту же судьбу все сущее.

Братья молчали. Глухое эхо последних слов Фира затихло.

Потом Рулад хмыкнул.

– Я не вижу признаков последнего схождения, Фир.

– Отдаленная смерть, точно. Даже более отдаленная, чем можно представить. Но она придет.

– И что нам до этого?

– Нашествие тисте подвигло кашан на этот последний акт. Отец Тень заслужил вражду всех Старших богов, всех предков. Из-за ритуала кашан вечная игра Тьмы, Света и Тени однажды завершится. И с ней – всяческое существование. – Фир повернулся к братьям. – Я открыл вам тайное знание, чтобы вы лучше представляли, что здесь произошло. И почему Ханнан Мосаг говорит о врагах гораздо могущественнее смертных летери.

Лучик понимания блеснул перед Труллом. Он отвел глаза от чарующего взгляда темных глаз Фира и посмотрел вниз, в яму – глубоко, до самого черепа убитого дракона.

– Они его убили.

– Уничтожили его телесную суть, да. И пленили душу.

– Скабандари Кровавый глаз. – Рулад затряс головой, словно не веря своим глазам. – Он не мог умереть. Этот череп не...

– Его, – сказал Фир. – Они убили нашего бога.

– Кто? – резко спросил Трулл.

– Все они. Старшие боги. И элейнты. Старшие боги разжижили кровь в жилах элейнтов. Драконы произвели отпрыска неопишимо ужасного, чтобы выследить и затравить Скабандари Кровавого глаза. И Отец Тень был повержен. Старшая богиня по имени Кильмандарос разбила его череп. А для духа Кровавого глаза создали тюрьму вечной боли, безмерных мучений, которые будут длиться, пока не исчезнет сама Бездна. Ханнан Мосаг хочет отомстить за нашего бога.

Трулл нахмурился.

– Старшие боги ушли, Фир. Как и элейнты. У Ханнана Мосага в руках шесть племен тисте эдур и фрагменты пути.

– Четыреста двадцать с лишним тысяч эдур, – сказал Рулад. – При всех наших бесконечных поисках мы не обнаружили родичей среди фрагментов Куральд Эмурланн. Фир, Ханнан Мосаг видит темные мысли насквозь. Одно дело потрясти летери, вызвав демонов, а если надо, то и с помощью железных клинков. Но теперь мы начнем войну против всех богов этого мира?

Фир медленно кивнул.

– Вы здесь, – сказал он братьям, – и вы слышали то, что известно. Я рассказал не для того, чтобы вы встали на колени и превозносили имя колдуна-короля. Он жаждет силы, братья. Ему нужна сила – и не важны ни ее источник, ни оборотные стороны.

– Ты говоришь, как изменник, – сказал Рулад, и Трулл расслышал странный восторг в голосе брата.

– Правда? – спросил Фир. – Ханнан Мосаг поручил нам совершить опасное путешествие. Добыть дар. И доставить ему. Чей дар, братья?

– Мы не можем отказаться, – покачал головой Трулл. – Он просто пошлет других вместо нас. А нас ждет ссылка или что похуже.

– Конечно, мы не откажемся, Трулл. Но мы не пойдем, как слепые старцы.

– А Бинадас? – спросил Рулад. – Что ему известно об этом?

– Все, – ответил Фир. – Может быть, даже больше, чем известно Урут.

Трулл снова взглянул на заплесневелый череп дракона на дне ямы.

– Почему ты уверен, что это Скабандари Кровавый глаз?

– Потому что череп принесли сюда вдовы. Знание передается из поколения в поколение женщинами.

– А Ханнан Мосаг?

– Урут знает, что он был здесь. Как он обнаружил правду, остается загадкой. Урут никогда не рассказала бы обо всем мне и Бинадасу, если бы не отчаяние. Колдун-король стремится к смертельной силе. Грязны ли его помыслы? Если не были грязны раньше, то сейчас – да.

Трулл продолжал смотреть на череп. Тупая, жестокая казнь – бронированным кулаком.

– Будем надеяться, – прошептал он, – что Старшие боги действительно ушли.

Глава четвертая

*Есть приливы под каждым приливом,
И морская поверхность
Не держит вес.*

Поговорка тисте эдур

Нереки считали тисте эдур потомками демонов. В крови у них пепел, пятнающий кожу, а в глазах можно увидеть старость мира, угасание солнца и грубую кожу самой ночи.

Когда воин хиротов по имени Бинадас подошел к нерекам, они запричитали, принялись колотить себя по лицу и груди и повалились на колени.

Бурук Бледный подскочил к ним и начал осыпать проклятиями, но нереки словно оглохли. В конце концов торговец повернулся к Сэрэн Педак и Халлу Беддикту и захохотал. Халл нахмурился.

– Это пройдет, Бурук.

– Правда? А весь мир – тоже пройдет? Как смертельный ветер, уносящий наши жизни, словно пыль? Только чтобы застыть, мертво и бессмысленно – и унять весь это безумный галоп, лишенный смысла? Ха! Надо было нанимать фараэдов!

Сэрэн Педак внимательно смотрела на приближающегося тисте эдур. Охотник. Убийца. Видимо, из тех, кто умеет подолгу молчать. Бинадаса вполне можно представить у костра в глуши рядом с Халлом Беддиктом. За весь вечер, ночь и следующее утро они обменяются лишь полудюжиной слов. Что лишь скрепит, подозревала Сэрэн, бездонную дружбу. Эта мужская загадка всегда сложна для женщин. Когда молчание соединяет пути. Когда несколько незначительных слов связывают души невыразимым пониманием. Эти связи она чувствовала, даже видела сама, но всегда оставалась вонне. Озадаченная, расстроенная и почти неверящая.

Связь между женщинами строится словами. Жесты, выражение лица – все помогает соткать гобелен, который, как ясно любой женщине, может быть порван только одним способом – злобным усилием. Дружба между женщинами знает лишь одного врага – злобу.

Поэтому чем больше слов, тем крепче ткань дружбы.

Сэрэн Педак большую часть жизни прожила в обществе мужчин, и теперь, появляясь изредка в своем доме в Летерасе, она ловила на себе тяжелые взгляды знакомых женщин. Как будто ее выбор ставил под сомнение ее верность, вызывал подозрение. И в обществе женщин она начала ощущать какую-то неловкость. Они ткали другими нитками, на других станках, не в ее ритме. Среди них она ощущала себя неуклюжей и грубой, в западне собственной тишины.

И вот ответ – бегство от города, от своего прошлого. От женщин.

Сейчас, в краткий миг, при встрече двух мужчин, небрежно приветствовавших друг друга, ее откинули – почти буквально – и отвергли. Они были здесь, на этой земле, на той же тропе с камнями и деревьями, но словно в ином мире.

Можно, конечно, презрительно фыркнуть и сделать вывод, что мужчины примитивны. Можно поспорить: будь они незнакомцами, уже ходили бы кругами, обнюхивая друг друга под хвостом. Заманчивый вывод – он отменяет все сложности, предлагает удобные обобщения. Но встреча двух мужчин, которые дружат, разрушает обобщения, неизбежно вызывая у женщины гнев.

И, как ни странно, злобное желание встать между ними.

На галечном берегу мужчина смотрит и видит камень, потом другой, потом третий. А женщина смотрит и видит... камни. И даже это упрощение: мужчина – число единственное, женщины – множественное. Наверное, в каждом из нас есть и то и другое.

Мы только не хотим в этом сознаться.

Эдур был выше Халла. Коричневые волосы заплетены косичками в палец длиной. Глаза цвета мокрого песка. Кожа цвета грязного пепла. Юные черты узкого лица, большой рот.

Сэрен Педак знала имя Сэнгара. И, похоже, видела его родственников в делегациях, с которыми общалась при трех официальных визитах в племя Ханнана Мосага.

– Воин хиротов! – Буруку Бледному пришлось повысить голос, чтобы перекричать вой нереков. – Приветствую тебя как гостя. Я...

– Я знаю, кто ты, – ответил Бинадас.

Голоса нереков стихли; слышны были только стон ветра над тропой и несмолкаемое журчание воды, текущей с ледников.

– Я везу хиротам, – продолжил Бурук, – железные заготовки...

– Он хочет проверить, – прервал Халл Беддикт, – крепок ли лед.

– Сезон сменился, – ответил Бинадас Халлу. – Лед покрылся трещинами. На лежбище тюленей напали браконьеры. Ханнан Мосаг ждет ответа.

Сэрен Педак подошла к торговцу, изучила лицо Бурука Бледного. От алкоголя, белого нектара и резкого ветра на бледной коже носа и щек набухли кровеносные сосуды. Затуманенные глаза покраснели. Он даже не отреагировал на слова эдур.

– Печально. К сожалению, среди моих собратьев-торговцев есть такие, кто предпочитает забыть о договорах. Золото манит. Такому зову никто не в силах противостоять.

– Как и жажде мести, – сказал Бинадас.

Бурук кивнул.

– Верно, все долги должны быть оплачены.

Халл Беддикт фыркнул.

– Золото и кровь – не одно и то же.

– Разве? – удивился Бурук. – Воин хиротов, я представляю тех, кто придерживается и намерен придерживаться заключенных договоров. Увы, Летер – зверь о многих головах. И за наиболее жадными будет обеспечен строгий контроль в союзе – между эдур и теми летерийцами, кто держит слово, объединяющее наши народы.

Бинадас отвернулся.

– Прибереги речи для колдуна-короля, – сказал он. – Я провожу вас до деревни. Это все, что нам нужно знать.

Пожав плечами, Бурук Бледный направился в свой фургон.

– Подъем, нереки! Теперь дорога только под уклон!

Оглянувшись, Сэрен увидела, что Халл и Бинадас снова повернулись друг к другу. Ветер донес до нее их слова.

– Бурук врет, – сказал Халл Беддикт. – Он хочет обмануть вас гладкими речами и посулами, которые не стоят и докса.

Бинадас пожал плечами.

– Мы видели, какие ловушки вы расставляли перед нереками и тартеналами. Каждое слово – узел невидимой сети. Против нее мечи нереков слишком тупы. Тартеналы слишком медленны для гнева. Фараэды лишь улыбаются от смущения. Но мы не такие.

– Знаю, – ответил Халл. – Друг, мой народ верит в столбики монет. Одна на другую – выше и выше, к славным вершинам. Вверх – значит прогресс, а прогресс – естественное стремление цивилизации. Прогресс, Бинадас, – это верование, из которого произрастает

понятие судьбы. Летери верят в судьбу – в свою судьбу. Они приходят на свет с врожденными достоинствами, и пустой трон по праву их.

Бинадас улыбнулся словам Халла, но улыбка вышла сухой. Он вдруг повернулся к Сэрэн Педак.

– Аквитор, скажите, пожалуйста, это старые раны омрачают взгляд Халла Беддикта на летерийцев?

– Судьба наносит раны нам всем, – ответила она. – И мы, летери, гордимся шрамами. Большинство из нас, – поправились она, бросив виноватый взгляд на Халла.

– Это одно из ваших достоинств?

– Пожалуй, да. Мы умеем прятать жадность под личиной свободы. А прошлых порочных поступков предпочитаем не замечать. Прогресс, в конце концов, заставляет глядеть вперед, а то, что мы натворили в прошлом, лучше забыть.

– Значит, прогрессу, – сказал Бинадас, все еще улыбаясь, – нет конца.

– Наши фургоны катятся под гору, хирот. Все быстрее и быстрее.

– Пока не врежутся в стену.

– Обычно мы пробиваем стены.

Улыбка угасла, и, прежде чем эдур отвернулся, Сэрэн заметила в его глазах печаль.

– Мы живем в разных мирах.

– Я бы выбрал ваш, – сказал Халл Беддикт.

Бинадас взглянул на него насмешливо.

– В самом деле, брат?

Что-то в тоне хирота было такое, что у Сэрэн Педак волосы на загривке стали дыбом.

Халл нахмурился – ему тоже послышался в вопросе подвох.

Больше не было сказано ни слова; Сэрэн Педак отошла в сторону, предоставив Халлу и Бинадасу возглавить караван. Она смотрела, как они шагают рядом в ногу. Молча.

Халл был явно растерян. Он хотел сделать тисте эдур орудием своей мести и был готов втянуть их в войну, если потребуется. Но разрушение приводит только к раздорам. Его мечта обрести душевный покой в крови и пепле вызывала у Сэрэн жалость. Однако нельзя допустить, чтобы жалость заслонила опасность, которую он представляет.

Сэрэн Педак не испытывала любви к своему народу. Ненасытная алчность и неспособность смотреть на мир иначе как с точки зрения выгоды приводили к кровавым столкновениям с любой чужой державой. Когда-нибудь они столкнутся с ровней. *Фургоны разобьются о стену, более прочную, чем встречались раньше. Тисте эдур?* Вряд ли. Они обладают грозным чародейством, и у летери не было таких яростных соперников, но все вместе племена насчитывают меньше четверти миллиона. В одной только столице короля Дисканара жителей более ста тысяч, а есть еще полдюжины городов почти таких же крупных. С протекторатами – за Драконийским морем и на востоке – метрополия может собрать и выставить шестьсот тысяч солдат, а то и больше. При каждом легионе будет мастер-чародей, обученный самим седой, Куру Кваном. Эдур будут разбиты. Уничтожены.

А Халл Беддикт...

Она заставила себя не думать о нем. В конце концов, пусть делает выбор. Да и вряд ли он захочет слушать ее предупреждения.

Сэрэн Педак и сама ощущала неопределенность и смущение. Будет ли она бороться за мир любой ценой? Какова цена капитуляции? Доступ летери к ресурсам, которые считают своими эдур. Дары моря. *И черное дерево...*

Разумеется. Нам отчаянно нужно это живое дерево, материал для кораблей, которые чинят сами себя, которые режут волны быстрее наших самых лучших галер, которые противостоят насылаемой магии. Вот что главное.

Но король Дисканар не дурак – он не из тех, кто мог бы лелеять такие устремления. Куру Кван позаботился бы об этом. Нет, план замыслила королева. Какое самомнение – считать, что летери смогут справиться с живым деревом. Что эдур так просто выдадут свои секреты, свое скрытое искусство уговаривать черное дерево, подчинять себе его волю.

Кража тюленей – ложный выпад. Денежные потери – часть более сложного плана, вложение в надежде на политические дивиденды, которые затем покроют затраты стократно. И только кто-то, столь же богатый, как королева или канцлер Трибан Гнол, мог бы позволить себе такие потери. Корабли с экипажами из должников, которым обещано, что долги прощаются в случае смерти. Жизни, отданные во имя детей и внуков. Набрать экипаж несложно. Кровь и золото...

Сэрен сомневалась в своих подозрениях, но все было похоже на правду; и столь же неприятно для нее, как и, видимо, для Бурука Бледного. Тисте эдур не отдадут черного дерева. Вывод очевиден. Будет война. *И Халл Беддикт – ее самый горячий сторонник. Невольный пособник королевы. Неудивительно, что Бурук терпит его присутствие.*

А какая роль уготована ей? *Я всего лишь сопровождаю это многоходовое безумие. Держись в стороне, Сэрен Педак.*

Она – аквитор. Она делает то, для чего ее наняли. Провожает Бурука Бледного.

И выбирать нечего. Нам – нечего. Все решится на Большой Встрече.

Только эта мысль не утешала.

Впереди, шагах в двадцати, лес поглотил Халла Беддикта и Бинадаса Сэнгара. Тьма и тени становились ближе с каждым шагом.

Любой преступник, который переплывет канал с притороченным на спину мешком денег, получит свободу. Количество монет зависит от тяжести правонарушения. Кража, похищение, невыплата долга, нанесение ущерба собственности и убийство наказываются максимальным штрафом в пятьсот доксов. Штраф за растрату, немотивированное нападение, публичное сквернословие с оскорблением Пустого трона, короля или королевы составляет триста доксов. Самый маленький штраф, сотня доксов, налагается за праздничатание, публичное мочеиспускание или проявление неуважения.

Эти штрафы назначались мужчинам. Для женщин сумма уменьшалась вдвое.

Тот, кто мог, выплачивал штраф и удалялся из криминального списка.

Канал ждал тех, кто не мог заплатить.

Утопалки были не просто публичным зрелищем, они являлись главным среди событий, во время которых в Летерасе ставились на кон целые состояния. Поскольку мало кто из нагруженных преступников ухитрялся переплыть канал, ставки делались на дистанцию и число гребков. А также на выныривание, барахтание и «бульки».

К преступнику привязывали веревку, чтобы вытащить монеты, когда подтвердится факт утопления. А тело сбрасывали обратно в реку. *Предавали илу.*

Брис Беддикт нашел финадда Геруна Эберикта на Втором ярусе, выходящем на канал, в толпе таких же привилегированных зрителей на утренних Утопалках. Букмекеры раздавали плитки с котировками и принимали ставки. Гудели возбужденные голоса. Неподалеку взвизгнула женщина, потом засмеялась.

– Финадд.

Покрытое шрамами лицо, известное, пожалуй, каждому горожанину, повернулось к Брису, тонкие брови поднялись в приветствии.

– Королевский поборник! Вы вовремя. Ублала Панг сейчас поплывет. Я поставил на ублюдка восемьсот доксов.

Брис Беддикт склонился над перилами, рассматривая охрану и служителей на пристани внизу.

– Это имя я слышал, но не помню, в чем его преступление. Ублала – вон тот? Он показал на возвышающуюся над всеми фигуру в плаще.

– Да. Тартенал-полукровка. Так что ему добавили двести доксов к штрафу.

– И что же он сделал?

– Лучше спросить – чего не сделал? Три убийства, уничтожение имущества, нападение, похищение, сквернословие, мошенничество, невыплата долга и публичное мочеиспускание. И все за один вечер.

– Скандал в судной кассе Урума?

Преступник сбросил плащ и остался в одной набедренной повязке. Его гладкая кожа была исполосована кнутом. Мышцы казались огромными.

– Именно так.

– И сколько же на него повесят?

– Четыре тысячи триста.

Брис увидел, как на спину мужчине вешают громадный прочный мешок.

– Странник спаси, он же ни гребка не сделает!

– Никто и не спорит, – сказал Герун. – Ставят на бульки, барахтанье и исчезновение.

Ни гребков, ни выныриваний.

– А выплаты?

– Семьдесят к одному.

Брис нахмурился. Это может означать только одно.

– Вы уверены, что ему удастся!

На его восклицание начали оборачиваться, шум разговоров усиливался.

Герун склонился над перилами и шумно выдохнул сквозь зубы – вышел печально известный присвист.

– Обычно полукровки тартеналов наследуют худшие качества, – тихо пробормотал он с улыбкой. – Но не Ублала Панг.

Над толпой, забившей мостки и ярусы, и с другого берега взвился рев. Охранники повели преступника по пристани. Ублала горбился, сгибаясь под тяжестью мешка. У самой воды он отпихнул стражников и повернулся.

Стянул набедренную повязку. И выпустил высокую струю мочи.

Где-то запричитала женщина.

– Это тело не пропадет, – благоговейно сказал один торговец, – подберут на Водоворотах. Я слышал, есть хирурги, которые могут...

– Ну, уж ты бы точно и пикс заплатил, Инчерс! – хмыкнул его спутник.

– Мне не требуется, Хулбат, за собой следи! Я просто *сказал*...

– А десять тысяч женщин просто *мечтают*!

Внезапно наступила тишина – Ублала Панг повернулся к каналу.

И вошел в воду. По бедра. По грудь. По плечи.

Через миг его голова исчезла в мутной воде.

Он не барахтался, не молотил руками. Те, кто ставил на исчезновение, заулюлюкали.

Толпа расступилась, игроки наседали на букмекеров.

– Брис Беддикт, какова тут ширина?

– Сотня шагов.

Собеседники стояли, опираясь на перила. Через мгновение Брис вопросительно посмотрел на финадда. Герун кивком указал на пристань.

– Следите за веревкой, приятель.

У страховочной веревки царило непонятное оживление, и Брис увидел – как и все остальные, судя по шуму голосов, – что веревка еще движется.

– Он идет по дну!

Брис не мог отвести глаза от веревки, которая продолжала раскручиваться. Дюжина ударов сердца. Две дюжины. Полсотни. А веревка все скользила в воду.

Шум поднялся оглушительный. Голуби испуганно взвились в воздух с окрестных крыш. Игроки боролись с букмекерами из-за плиток с котировками. Кто-то упал с третьего яруса и, к несчастью, не долетел до канала пару шагов. Бедняга ударился о землю и замер; вокруг него начали собираться зеваки.

– Вот и все, – выдохнул Герун Эберикт.

У пристани на том берегу появилась фигура. С нее стекала грязь.

– Две пары легких, приятель.

Восемьсот доксов. И семьдесят к одному.

– Вы богатый человек, финадд, и только что стали еще богаче.

– А Ублала Панг свободен. Между прочим, я видел вашего брата. Тегола. На том берегу канала. На нем юбка.

– Не стой ко мне близко... Да нет же, Шанд, ближе, чтобы слышать, но не слишком. Как будто мы незнакомы.

– Ты с ума сошел?

– Неважно. Видишь того человека?

– Какого?

– Преступника, конечно.

– У таргенолов две пары легких.

– У него тоже. Я так понимаю, ты не делала ставку?

– Ненавижу игры.

– Очень смешно, подруга.

– Так что с ним?

– Найми его.

– С удовольствием.

– И купи ему какую-нибудь одежду.

– Обязательно?

– Он ценен не физическими кондициями – во всяком случае, не теми. Вам нужен телохранитель.

– Мое тело он может хранить в любое время.

– Все, Шанд, на сегодня я закончил разговоры с тобой.

– Вот и нет, Тегол. Вечером. В мастерской. И приведи Бугга.

– Все идет по плану. Нет никакой необходимости...

– Приходи.

Четыре года назад финадд Герун Эберикт в одиночку предотвратил покушение на короля Дисканара. Возвращаясь однажды ночью во дворец, он обнаружил у дверей покоев короля тела двух стражников. Чародейская атака наполнила их легкие песком, и они задохнулись. Тела были еще теплые.

Дворцовый финадд выхватил меч и, ворвавшись в королевскую опочивальню, обнаружил три фигуры, склонившиеся над спящим Эзгарой Дисканаром. Маг и двое убийц. Первым Герун убил чародея, ударом меча по шее перерубив позвоночник. Парировав атаку ближайшего убийцы, он погрузил острие меча в грудь противника под левой ключицей. Рана оказалась смертельной. Второй убийца ударил финадда кинжалом в лицо. Вероятно, он метил в глаз, но Герун отклонил голову, и острие кинжала попало в рот, порезав обе губы и воткнувшись между передними зубами, раздвинув их и застряв.

Меч Геруна опустился и отсек протянутую руку с кинжалом. Еще три жестоких удара – и убийца скончался.

За последней схваткой наблюдал широко распахнутыми глазами король.

Через две недели финадд Герун Эберикт (теперь он дышал с присвистом из-за новой щели в передних зубах) преклонил колени перед Эзгарой Дисканаром в тронном зале и в присутствии многочисленных зрителей получил звание королевского Вольника. На всю оставшуюся солдатскую жизнь он был освобожден от уголовного преследования. Короче говоря, он теперь мог делать что угодно и с кем угодно, исключая родственников короля.

Кто затевал покушение, так и осталось неизвестным.

С тех пор Герун Эберикт начал свой личный крестовый поход. Было известно, что он собственными руками убил тридцать одного горожанина, включая двух состоятельных, весьма уважаемых и влиятельных торговцев; и еще ему обычно приписывали с десятков загадочных смертей. В общем, он стал самым страшным человеком в Летерасе.

И богатым.

При всем этом он оставался финаддом королевской гвардии и выполнял обычные обязанности. Брис Беддикт подозревал, что решение послать Геруна Эберикта с делегацией было продиктовано и желанием ослабить напряжение от его присутствия в городе, а не только велением королевы и принца. И еще Брису было интересно: не жалеет ли уже король о своем решении.

Два дворцовых гвардейца прошли рядом по мосту Сулан в район Казначеев. Стояла жаркая погода, по белесому небу плыли тонкие легкие облака. Гвардейцы зашли в ресторан к Рильду; тот славился рыбной кухней и алкогольным напитком, который готовили на шкурках апельсина, меде и сперме тюленей. И уселись во дворе за личный столик Геруна.

Заказав выпивку и обед, Герун Эберикт откинулся на стуле и с любопытством посмотрел на Бриса.

– У меня в гостях сегодня королевский поборник?

– В каком-то роде, – согласился Брис. – Мой брат Халл сопровождает Бурука Бледного. Считается, что Бурук останется у эдур до Большой Встречи. И по поводу Халла есть некоторое беспокойство.

– Какого рода беспокойство?

– Ну, когда-то вы его знали...

– Да, знал, и довольно близко. Он был моим финаддом. Когда меня повысили, мы устроили шумную попойку в заведении Порула и, кажется, оплодотворили по дюжине цветочных танцовщиц заезжей труппы из Трейта. Во всяком случае, ансамбль вскоре распался – так мы слышали.

– Ага, понятно. Но он уже не тот.

– Правда?

Принесли выпивку – янтарное вино для Бриса и «моржовое молочко» для Геруна.

– Правда, – ответил Брис на вопрос финадда. – Я так считаю.

– Халл верит в одно – в верность. Его жестоко обманули, и в результате в голове вашего брата появился новый список – из предателей. – Герун допил стакан и махнул, чтобы принесли еще. – Единственная разница между ним и мной в том, что я способен вычеркивать имена из *моего* списка.

– А если, – тихо спросил Брис, – в списке Халла есть имя короля?

Герун смотрел пустыми глазами.

– Я уже сказал, что только я вычеркиваю имена.

– Тогда почему Халл с Буруком Бледным?

– Бурук – не человек короля, Брис. Даже совсем наоборот. Не дождусь встречи с ним. Холодок пробежал по коже Бриса.

– В любом случае, – продолжал Герун, – меня интересует другой ваш брат.
– Тегол? Только не говорите, что он в вашем списке.

Герун улыбнулся, чуть приоткрыв зубы.

– А если есть?.. Успокойтесь, его нет. Во всяком случае, пока. Но он что-то затевает.

– Верится с трудом. Тегол давным-давно перестал что-либо затевать.

– Вы так считаете?

– У меня нет оснований думать иначе. А у вас есть?

Геруну подали второй напиток.

– Вы знаете, – спросил финадд, опустив палец в густую, вязкую жидкость, – что у Тегола по-прежнему множество интересов – в недвижимости, лицензиях, коммерческих инвестициях и перевозках? Он умело скрывает свое участие в деле.

– Выходит, не так уж умело.

Герун пожал плечами.

– Во многом Тегол прошел дорогой королевского Вольника задолго до меня – и без официального разрешения.

– Тегол никого не убивал...

Улыбка Геруна поблекла.

– В день, когда рухнула биржа, Брис, ровно двенадцать финансистов покончили с собой. Обрушение целиком и полностью дело рук Тегола. Идеальный расчет. У него был свой список, только он не резал ножом горло; он всех взял в деловые партнеры. И со всеми покончил...

– Он и сам разорился.

– Но не покончил с собой, правда? Это говорит о чем-нибудь? По-моему, да.

– Только о том, что ему все равно.

– Именно. Брис, скажите, кто восхищается Теголом больше всех?

– Вы?

– Нет. То есть я, конечно, впечатлен. Достаточно, чтобы заподозрить, что он, во имя Странника, опять что-то мутит. Нет, восхищаюсь не я. Кое-кто другой.

Брис отвел глаза. Он пытался решить, насколько ему приятен человек, сидящий напротив. Достаточно ли, чтобы продолжать беседу? Тема разговора ему не нравилась совершенно.

Подали обед.

Герун Эберикт занялся принесенной жареной рыбой на серебряной тарелке – заказав третью порцию «моржового молочка».

– Я не общаюсь с Теголом, – сказал наконец Брис, не отрывая глаз от собственной тарелки, где неторопливо отделял белое мясо от хребта.

– Вы презираете то, что он сделал?

Брис нахмурился, потом покачал головой.

– Нет. Только то, что он делал потом.

– А именно?

– Ничего.

– Муть должна была осесть. Чтобы оглядеться и понять, что осталось.

– Вы подозреваете в нем демонический ум, Герун.

– Подозреваю. У Тегола есть то, чего не хватает Халлу. Одних знаний недостаточно. Требуется еще умение применять знания. Применять идеально. Точно рассчитывать время. С разрушительными последствиями. Вот что есть у Тегола. А у Халла, спаси его Странник, нет.

Брис поднял глаза и встретился с холодным взглядом финадда.

– Вы полагаете, что Халл – главный поклонник Тегола?

- Тегол его вдохновляет. Именно поэтому он сейчас с Буруком Бледным.
- Вы намерены помешать ему на Большой Встрече?
- Возможно, там будет уже поздно, Брис. Это если я намерен.
- А нет?..
- Пока не решил.
- Вы хотите войны?
- Прилив взбаламучивает ил. В такой мути человек целеустремленный может сделать многое. А потом муть оседает.
- И смотришь, – Брис не мог скрыть горечи, – а мир изменился.
- Возможно.
- Война как средство...
- Достижения мира...
- Который вас устроит?
- Герун отодвинул тарелку и откинулся на стуле.
- Зачем нужна жизнь без устремлений?
- Брис поднялся, оставив размазанную по тарелке еду.
- Тегол ответил бы лучше меня, финадд.
- Герун улыбнулся.
- Сообщите Нифадасу и Куру Квану, что мимо меня не прошли сложности, связанные с приближающейся Большой Встречей. Кроме того, я понимаю необходимость удалиться на время из города. Конечно, компенсацией моего отсутствия станет триумфальное возвращение.
- Я передам ваши слова, финадд.
- Очень жаль, что вы потеряли аппетит, Брис. Рыба просто великолепна. Нам с вами непременно надо еще как-нибудь поболтать. Примите мое уважение и восхищение, поборник.
- Ага, значит, меня нет в вашем списке.
- Пока нет. Шучу, Брис! – поспешил он добавить, увидев выражение лица поборника. – Кроме того, вы бы покромсали меня на куски. Как же мне не восхищаться? По-моему, историю этого десятилетия, что касается нашего родного Летераса, можно коротко изложить, рассказав правду о трех братьях Беддикт. И рассказ, разумеется, еще не завершен.
- Хорошо бы.*
- Благодарю вас, финадд, за компанию и угощение.
- Герун наклонился вперед и взял тарелку поборника.
- Идите, пожалуйста, через черный выход. – Он протянул тарелку Брису. – Там в переулке живет голодный бродяга. Только пусть вернет серебро – объясните ему доходчиво. Скажите, что были моим гостем.
- Хорошо, финадд.

- Примерьте.
- Тегол уставился на шерстяные штаны, потом протянул руку.
- Скажи, Бугг, есть ли смысл продолжать?
- Вы про штаны или про мое бессмысленное существование?
- Ты набрал команду? – Тегол сбросил юбку и принялся натягивать штаны.
- Двадцать самых жалких недовольных, каких смог найти.
- Обиженные?
- Все как один, и уверен, что все по закону. Некоторых точно нужно было гнать из профессии.

– Обычно сертификата лишают по идейным соображениям. Главное, убедись, что среди них нет неумех. Важно хранить секрет, а тут лучшая мотивация – ненависть к гильдии.

– Я не совсем уверен. Кроме того, мы получили несколько предупреждений от гильдии.

– Персонально?

– Письма приходят. Пока. Ваше левое колено будет в тепле.

– В тепле? Тут жарыща, Бугг, что бы ни говорил твой ревматизм.

– Значит, штаны на все времена года.

– Да ну? Объясни гильдиям, что мы не собираемся сбивать цену, совсем наоборот. И команде переплачивать не будем. Никаких премий...

– Не считая доли в предприятии.

– Об этом не говори, Бугг. Посмотри – волосы у меня на правом бедре встали дыбом.

– Они не любят контраста.

– Гильдии?

– Нет, ваши волосы. Гильдии просто хотят знать, откуда я, во имя Странника, взялся.

И как осмелился зарегистрировать компанию.

– Не беспокойся, Бугг. Как только они узнают, на что ты замахиваешься, они решат, что тебя ждет провал, и перестанут замечать. Разумеется, пока ты не добьешься успеха.

– Что-то я сомневаюсь.

– В чем дело?

– Наденьте лучше юбку.

– Пожалуй, ты прав. Найди еще шерсти. Хорошо бы того же цвета, хотя, пожалуй, не обязательно. В любом случае у нас вечером свидание с тремя милашками.

– Рискованно.

– Мы будем осмотрительны.

– Во всех отношениях. Я украл эту шерсть.

Тегол снова обернул простыню вокруг талии.

– Приберись тут, ладно?

– Если будет время.

Тегол полез по лестнице на крышу.

Спускаясь к горизонту, солнце заливало окрестные здания теплым свечением. Два художника поставили мольберты на третьем ярусе, соревнуясь, кто лучше увековечит Тегола и его постель. Он помахал художникам рукой, чем вызвал, похоже, громкий спор, и, улегшись на прогретый солнцем матрас, стал смотреть в темнеющее небо.

Он видел своего брата Бриса на Утопалках. На другом берегу канала тот беседовал с Геруном Эбериктом. Ходили слухи, что Герун будет сопровождать делегацию к тисте эдур. Ничего удивительного. Король хочет убрать этого зверя из города.

С золотом главная проблема в том, как оно проползает – туда, куда ничто больше не протиснется. Оно просачивается из тайников, расцветает в безжизненных, казалось бы, трещинах. Красуется, когда должно бы таиться. Нахально лезет, как сорняк между булыжниками, и, если захотеть, можно отследить его до самых корней. Внезапные траты родственников мертвого наемника, и за ними быстрая – хотя и недостаточно быстрая – необъяснимая смерть. Странная бойня, после которой королевским следователям некого допрашивать, не у кого выпытывать имя главного заговорщика. Покушение – не шутка, особенно если мишенью выбран сам король. Потрясающая, почти невероятная удача – проникнуть в опочивальню Десканара и склониться над жертвой за мгновение до смерти. Тот чародей прежде не демонстрировал высоких умений в своем искусстве. А забить песком легкие двух человек – высшее чародейство.

Теголом двигали естественное любопытство и возможные выгоды, и он соображал быстрее королевских следователей. Он понял, что на заговор потрачено целое состояние, которое нужно было копить всю жизнь.

Ясно, что только Герун Эберикт знал весь план целиком. Наемники не могли ожидать, что их наниматель нападет на них. И убьет. Они сражались, и один был близок к успеху. У финадда остались шрамы на губах и дырка в зубах – все висело на волоске.

Неприкосновенность. Герун Эберикт может замыслить и исполнить все, что пожелает. Судья и палач, по преступлениям реальным и мнимым, по проступкам большим и малым.

Тегол даже восхищался этим человеком. Не методами – напором. И умением разработать отчаянный план, от которого дух захватывает, и поставить на кон все...

Конечно, у Бриса как у королевского поборника могут быть какие-то дела с этим человеком. И все равно неприятно. Нехорошо, когда твой младший брат так близок с Геруном Эбериктом.

Ведь если у Тегола и есть настоящий противник, равный по уму и превосходящий по жестокости, то это финадд Герун Эберикт, королевский Вольник.

И он что-то вынюхивает, выискивает... Значит, безопаснее полагать: Герун знает, что Тегол вовсе не так беспомощен, как считает большинство. Что он не совсем... бездействует.

Это новая нить в сложном, запутанном гобелене.

Наличие неприкосновенности не означает отсутствие врагов. Впрочем, Герун безукоризненно владеет мечом, а двенадцать присягнувших ему, повязанных кровью телохранителей охраняют его даже во время сна. В поместье Геруна, считающемся неприступным, собственный арсенал, особая аптека, где постоянно проживет алхимик, сведущий в ядах и противоядиях, просторные хранилища и независимый источник воды. В целом Герун готов к любым неожиданностям.

Только не к необычайной сосредоточенности ума некоего Тегола Беддикта.

Иногда единственное решение – самое простое и очевидное. *Увидел сорняк между бульжниками – вырви его.*

– Бугг!

– Что? – отозвался снизу тихий голос.

– Кто сегодня принимал ставки Геруна?

Седая голова слуги появилась в люке.

– Да вы сами хозяин этого ублюдка! Тербл. Если только он не умер от разрыва сердца... или не покончил с собой.

– Тербл? Вот уж не думаю. Скорее всего, он пакует пожитки. Внезапная поездка на Внешние острова.

– Ему не добраться и до городских ворот.

– Это если Герун охотится за беднягой.

– А вы бы не стали? С такой выплатой?

Тегол нахмурился.

– А самоубийство? Вот теперь я думаю, что Тербл мог решиться – из-за плачевного состояния дел. Неожиданно, конечно. У него, насколько я помню, нет родни. Значит, его долг умер вместе с ним.

– А Герун потерял восемьсот доксов.

– Мелочь. Он стоит пикса, а то и больше.

– А то вы не знаете точно?

– Я образно. Конечно, знаю, до последнего докса. Даже до стриплинга. В любом случае я сказал, вернее, предположил, что не потеря восьмисот доксов разъярит Геруна. *Бегство.* И это единственный след, по которому Герун не может упрямо последовать – по крайней мере, по своей воле. Значит, Тербл должен покончить с собой.

- Вряд ли он согласится.
- Займись этим, Бугг. До Водоворотов. Найди подходящий труп. Свежий, не высохший. Добудь у Тербла бутылку или две его крови – в обмен на...
- А что будет? Пожар? Кто же совершает самоубийство огнем?
- Пожар случится из-за оставленной без присмотра масляной лампы. Без присмотра – в результате самоубийства. Обгорит до неузнаваемости, увы, а стряпчие под присягой покажут, чья это кровь. У них ведь так принято?
- Вены никогда не лгут.
- Точно. Но могут.
- Верно. Если найдется псих, который обескровит труп и закачает новую кровь.
- Отвратительное дело, Бугг. Хорошо, что займешься им ты.
- Морщинистое лицо в люке нахмурилось.
- А Тербл?
- Переправим обычным путем. Он давно хотел завязать. Поставь кого-нибудь в туннеле – вдруг он рванет раньше, чем мы ожидаем. Соглядатаи Геруна будут нашими главными свидетелями. Герун не сможет и пикнуть.
- Стоит ли? – спросил Бугг.
- Выбора нет. Он единственный, кто может меня остановить. Я должен остановить его первым.
- Если он почует, что это вы...
- Тогда я покойник.
- А я без работы.
- Ерунда. Девочки продолжают. Кроме того, ты мой наследник – неофициально, конечно.
- Стоило ли говорить мне об этом?
- Ерунда. Я соврал.
- Голова Бугга исчезла.
- Тегол улегся. *А теперь мне нужен вор. Хороший.*
- А! Я знаю, кто именно. Бедная девочка...*
- Бугг!

Судьба сыграла злую шутку с Шурк Элаль. И дело вовсе не в профессии, ведь мастерство воровки стало легендарным в преступном мире. Трагические последствия ссоры с домовладельцем: защищая свою жизнь, Шурк выбросила его в окно. К сожалению, полет бедолаги был прерван проходящим по улице торговцем. Домовладелец сломал шею. Торговец тоже.

Неосмотрительная самозащита, приведшая к смерти невинного – таково было обвинение. Половина от четырехсот доксов. При иных обстоятельствах Шурк спокойно заплатила бы штраф, и все закончилось бы. Но поводом к ссоре с домовладельцем как раз послужил некоторый запас золота, необъяснимым образом пропавший из тайника Шурк. Не имея ни докса за душой, она отправилась на канал.

Женщина крепкая, с двумя сотнями доксов она, скорее всего, справилась бы – не зацепись страховочная веревка за спинной плавник трехсоткилограммовой рыбы-волка. Хищник поднялся на поверхность взглянуть на пловца – и снова ушел на глубину, утащив за собой Шурк.

Рыба-волк редко заходит в канал и ест только мужчин. Женщин – никогда. Никто не знает почему.

Шурк Элаль утонула.

Но, как выяснилось, есть мертвецы и есть мертвецы. Шурк и сама не знала, что ее прокляла одна из ее бывших жертв. Проклятие было полностью оплачено и утверждено Пустым

Храмом. Так что, хотя легкие наполнились грязной вонючей водой, хотя сердце остановилось и исчезли все признаки работы тела и разума, когда ее в конце концов вытащили из канала, Шурк – облепленная грязью и растерянная – поплелась домой.

С тех пор от нее шарахались все живые, даже преступники и бездомные. Проходили мимо, как будто она призрак.

Ее плоть не гнила, только кожа отличалась нездоровой бледностью, несколько не пострадали ее реакция и ловкость. Она могла говорить. Видеть. Слышать. Думать. И все это ее не радовало.

Бугг нашел Шурк там, где и предложил искать Тегол – в переулке за борделем. Как и каждую ночь, она прислушивалась к несущимся из окон наверху стонам удовольствия – настоящего или наигранного.

– Шурк Элаль.

Вялый, мутный взгляд уперся в него.

– Я не дарю удовольствия.

– Увы, я теперь тоже. Я пришел предложить тебе контракт от моего хозяина.

– И кто он такой?

– Боюсь, пока не могу сказать. Работа для вора.

– А для чего мне богатства и награды?

– Думаю, это зависит от качеств награды.

Она вышла из темной ниши, где скрывалась.

– А что, по мнению твоего хозяина, мне нужно?

– Обсудим.

– Он знает, что я мертва?

– Конечно. И передает сожаления.

– В самом деле?

– Нет, это я выдумал.

– Меня больше никто не нанимает.

– Поэтому он и решил, что ты не занята.

– Никому не нравится моя компания.

– Ну, помыться не помешает, но он готов проявить снисходительность.

– Я с ним поговорю.

– Очень хорошо. В полночь.

– Где?

– На крыше. С кроватью.

– *Он сам?*

– Да.

– К нему в постель?

– Хм, не думаю, что он...

– Рада слышать. Пусть я и мертвая, но не податливая. Я приду. В полночь, на четверть удара колокола. Если он убедит меня за это время, хорошо. А нет, так нет.

– Четверти часа более чем достаточно, Шурк.

– Ты дурак, если так думаешь.

Бугг улыбнулся.

– Правда?

– Где Бугг?

– Скоро придет. – Тегол лег на диван, задрал ноги, и посмотрел на трех женщин. – Итак, по какому поводу вы устроили это безрассудное собрание?

Шанд провела шершавой ладонью по бритой макушке.

– Мы хотим знать, что ты затеял, Тегол.
– Именно, – сказала Риссар.
Хеджун стояла, сложив руки на груди; нахмурившись, она добавила:
– Нам не нужен телохранитель.
– Ой, я про него и забыл. А где он?
– Сказал, что ему надо собрать пожитки, – ответила Шанд. – Сейчас появится. Остальные его еще не видели.
– И поэтому не разделяют твоей радости.
– Она всегда преувеличивает, – сказала Риссар.
– Кроме того, – встряла Хеджун, – зачем нам вообще телохранитель? Мне все равно, какой у него...
Дверь склада скрипнула, и все обернулись.
Круглая физиономия Ублалы Панга робко появилась в дверях, прямо под козырьком.
– Уважаемый господин! – позвал Тегол. – Прошу, заходите.
Полукровка медлил. Его бледные глаза оцупывали Шанд, Риссар и Хеджун.
– Их три, – сказал он.
– Чего три?
– Женщины.
– Да, точно, – сказал Тегол. – И?..
Ублала нахмурился, недовольно надув губы.
– Не беспокойся. – Тегол приглашающе махнул рукой. – Обещаю, что не дам тебя в обиду.
– Точно?
– Абсолютно. Заходи, Ублала Панг, будь как дома.
Громадный человек открыл дверь шире и переступил порог.
Стало понятно, что в пожитки Ублалы штаны или набедренная повязка не входят. Он был голым, как и тогда на канале под водой. Впрочем, тоскливо отметил Тегол, одежда вряд ли скрыла бы такие причиндалы.
– Хочешь есть? Пить? Положи мешок... да, сюда. Садись... нет, на скамейку, не на стул – ты его сломаешь. Ублала, этим женщинам нужен телохранитель. Я думал, ты принял предложение Шанд...
– Я полагал, будет только она.
– А какая разница?
– Так сложнее.
– Пожалуй. Но большую часть времени ты... – Тегол замолчал, вдруг сообразив, что Шанд, Риссар и Хеджун с самого появления Ублалы не шевельнулись и не сказали ни слова.
Боги, неужели это так важно...

Нисалл три года состояла первой наложницей короля. Никакой официальной власти к титулу не прилагалось, кроме той, что могла достичь сама женщина. В истории встречались разные варианты, зависящие от стойкости правящего монарха – и, разумеется, королевы и канцлера.

В настоящее время наложниц было шесть – молодые младшие дочери влиятельных семей. Надежная инвестиция в будущее и возможность привлечь внимание принца, а не только короля. Как и четыре консорта королевы, наложницы жили в отдельных помещениях дворца. Только первый консорт – Турудал Бризад – и первая наложница имели право общаться с кем-то кроме короля и королевы.

Брис Беддикт поклонился Нисалл, потом отдал честь преде Уннутал Хебаз. Присутствие первой наложницы в кабинете преды его не удивило. Нисалл давно решила, на чьей она стороне.

– Поборник. – Женщина улыбнулась. – Мы с Уннутал как раз говорили о вас.

– Точнее, – добавила преда, – мы строили догадки о содержании вашей сегодняшней беседы с финаддом Геруном Эбериктом.

– Преда, прошу прощения, что задержался с докладом.

– Зато теперь доклад хорошо отрепетирован, – сказала Нисалл, – раз вы уже отчитались перед первым евнухом и седой Куру Кваном. Так что нам можете изложить попроще.

Брис нахмурился, глядя на преду.

– Как я понимаю, Герун Эберикт остается одним из ваших офицеров, несмотря на звание королевского Вольника. Я удивлен, что он еще не доложил вам о подробностях сегодняшнего разговора.

– А кто сказал, что не доложил? – спросила Уннутал. Потом махнула рукой. – Бессердечный ответ с моей стороны. Прошу прощения, Брис. Тяжелый день выдался.

– Извинения излишни, преда. Я забылся...

– Брис, – вмешалась Нисалл, – вы теперь королевский поборник. Нет такого места, где вы могли бы забыться. Даже при самом Эзгаре. Простите преду за резкость. Разговор с Геруном кого угодно выведет из себя.

– Он довольно самоуверен, – кивнул Брис.

– Заносчив, – хмыкнула Уннутал. – Он не дал вам повода вызвать его на поединок?

– Нет.

– Какая жалость, – вздохнула Нисалл.

– Зато я, похоже, получил предупреждение.

Обе женщины уставились на него. Брис пожал плечами.

– Мне напомнили, что его список пополняется.

– Он намерен убить Бурука Бледного.

– Думаю, да. Первый евнух осведомлен.

– Если бы об этом узнал король, – заговорила Нисалл, принявшись ходить по комнате, – он, вероятно, решил бы исключить Геруна из состава делегации. Королева и канцлер сочли бы это победой.

– При построении стратегии важно учитывать, кто что считает, – сказал Брис.

– Слова дуэлянта, – отметила Нисалл. – Но выгода королевы от отсутствия Геруна слишком велика. С другой стороны, так как Бурук Бледный действует по указаниям из ее лагеря, мы только выиграем от его отсутствия.

Брису стало не по себе от такого пренебрежительного отношения к человеческой жизни.

– Как сейчас Бурук?

– Рядом с ним наш шпион, – сказала преда. – Его мучает совесть. Он ищет утешения в белом нектаре с вином и в беспорядочных половых связях.

– А королева...

– Хочет войны, – договорила Нисалл, кивнув. – Безответственная, жадная, близорукая морская корова. Прекрасный партнер для самого тупого канцлера в истории Летераса. И рядом толстый послушный принц, рвущийся поскорее занять трон.

Брис поежился.

– Возможно, если Бурука замучила совесть, он согласится сменить курс.

– Под соколиным взором Мороха Невата? Вряд ли.

Поборник пристально посмотрел на Нисалл. Все это к чему-то ведет, вот только к чему...

Преда вздохнула.

– Геруну нужно добавить имя в список.

– Морох Неват?

– И это будет сложно.

– Да. Человек исключительный. Во всех отношениях. Несгибаемый.

– Кому он предан?

– Ну как же, разумеется, принцу. Но королевскому Вольнику не разрешено убийство родственников короля. Геруну понадобится обходной маневр.

– Первая наложница, я не постигаю мотивацию Геруна Эберикта. Мне недоступна природа его движущих сил.

– Мне доступна, – сказала преда. – Я точно знаю, чего он хочет. И думаю, мы сможем заставить его расширить список.

– Главный вопрос, – сказала Нисалл, – какую роль будет играть Халл Беддикт.

Брис отвел взгляд. Он чувствовал себя загнанным в угол. Не один брат, так другой.

– Я подумаю.

– Только недолго, финадд, – сказала Уннутал Хебаз.

– День, может, два.

– Договорились. До встречи, Брис.

– Спокойной ночи, преда, первая наложница.

Он вышел из кабинета.

В коридоре, отойдя на несколько шагов от двух часовых, дежуривших у двери, он остановился. Не думая о любопытных взглядах за спиной, королевский поборник стоял неподвижно.

В глазах охранников – обладатель трех титулов. Мастер меча, финадд и королевский поборник – все это вызывает зависть и восхищение. И наверняка они в недоумении. Он стоял, как будто остался совершенно один в огромном ошеломительном мире: взгляд устремлен куда-то внутрь, плечи понуро опущены. Они в недоумении, но короткое, мимолетное сочувствие уже сменилось более сильными чувствами – завистью и восхищением. И твердым убеждением, что суперспособности приносят многое, включая одиночество. И что с этим прекрасно можно жить.

– Здесь нет места чувствам, – сказал Тегол, – как ни жаль. Летерас не прощает. Мы не можем ошибиться. Во имя Странника, Ублала, успокойся. Ты посинел. Шанд, быть небрежной – это небрежность. Другими словами, нам нельзя так встречаться.

– Ты делом занимаешься? – спросила Риссар.

– Каким?

Бугг кашлянул.

– Завтра я беседую с королевскими архитекторами.

– Наконец-то! – выдохнула Шанд, сидящая за столом. – Пока все, похоже, тихо.

– Хорошо, – сказал Тегол. – Именно такого впечатления мы и добивались.

– Прекрасно, но это впечатление для посторонних. У нас его быть не должно, идиот.

– Приготовления, Шанд. Фундамент. Тут нельзя торопиться. А теперь мне пора.

– Что?

– Уже поздно, меня зовет постель. Приготовьте место для Ублалы. Дайте ему одежду. Может быть, оружие, с которым он умеет обращаться.

– Не оставляй меня здесь! – застонал Ублала.

– Так нужно для дела, – заверил его Тегол. – Ты здесь в безопасности. Правда, Шанд?

– Разумеется, – проворковала она.

– Прекрати. Или придется нанимать телохранителя для нашего телохранителя.

– Может, у Ублалы есть брат?

Тегол махнул рукой Буггу и направился к двери.

Они вышли на улицу. Кипела вечерняя жизнь. Лавки летом оставались открытыми допоздна, чтобы подзаработать в пик сезона. Тепло расслабляет и ведет к определенной ненасытности; позже, в разгар жары, останутся вялость и долги.

Тегол и Бугг свернули с большой улицы вдоль канала и пошли переулками, постепенно втягиваясь в бедные кварталы. Из тени к ним обращались голоса. Следом плелись растрепанные дети, грязными руками пытались потянуть Тегола за юбку и со смехом убежали. Вскоре и дети исчезли, дорога опустела.

– Ах, долгожданная тишина нашей округи! – вздохнул Тегол, подходя к дому. – Вечная кутерьма меня утомляет.

– У вас созерцательное настроение? – осведомился Бугг.

– Было. Спасибо, уже прошло.

Они вошли, и Тегол направился сразу к лестнице.

– Приберись тут завтра с утра.

– Не забудьте, к вам сегодня ночью посетитель.

– Не во сне?

Тегол забрался на крышу, закрыл люк и стоял, изучая звезды, пока она не вышла из мрака и не заговорила.

– Ты опоздал.

– Вовсе нет. Полночь. Как жизнь, Шурк?

– Не жизнь, а жалкое существование. День за днем, ночь за ночью. Шаг, другой, третий – и непонятно куда.

– А когда умираешь, это все меняется?

– Не смеди меня, Тегол Беддикт. Я харкаю, когда смеюсь. Хочешь предложить контракт?

– Да, требуется небольшая услуга.

– Я не оказывала услуги, когда была жива; с чего мне теперь менять свои привычки?

– Гарантия занятости, уверенность в завтрашнем дне. Ты уже не молода. – Тегол уселся на кровать, глядя на Шурк. – Хорошо. Я предлагаю цель, на которую не покусится ни один ныне живущий вор. В самом деле, только искусный маг или мертвец может справиться с охраной, не оставив следов. Магам я не доверяю, остаешься ты.

– Есть и еще неживые.

– Двое, говоря точнее. Из них никто не профессиональный вор.

– Откуда знаешь, что двое?

– Я знаю много всего, Шурк. Первая – женщина, изменявшая мужу, который в ответ, потратив все свои накопления, наложил на нее проклятие. Вторая – ребенок; источник проклятия неизвестен, живет при старой башне за дворцом.

– Да. Я иногда ее навещаю. Она не знает, кто ее проклял. По правде говоря, она вообще ничего не помнит о своей жизни.

– Дополнительное заклятие, – задумался Тегол. – Любопытно.

– Любопытно? Сейчас цена на первое – полпикса. А сколько за кражу памяти?

– Думаю, вполтину меньше. Да, слишком много мороки ради десятилетней девчонки.

Почему бы просто не убить ее, бросив тело в канал? – Тегол сел прямо. – Знаешь, Шурк, мы включим в плату расследование этой тайны.

– Я бы не прочь ткнуть ножом в глаз тому, кто проклял ребенка. Но зацепок никаких.

– Ага, так тебе не все равно.

– А я этого и не говорила. Только с чего начать...

– Посмотрим, что можно будет сделать.

Мертвая женщина, наклонив голову, молча смотрела на него.

– Когда-то ты был гением.

– Верно.

– Потом все потерял.

– Да.

– И видимо, потерял уверенность в себе.

– Это вряд ли, Шурк Элаль.

– Все входит в твой демонический план.

– Любой стоящий план – демонический.

– Не смей меня.

– Стараюсь, Шурк. Так мы договорились?

– Изначально ты не собирался расплатиться за мои услуги секретом проклятия ребенка,

Тегол. Что предложишь еще?

– Готов обсудить. Хочешь воскреснуть по-настоящему? Заново получить дар жизни?

Отомстить тому, кто проклял тебя?

– Это я уже сделала.

– Хорошо. Скажу честно, я не удивлен. А кто был виноват?

– Герун Эберикт.

– Замечательно. Кстати говоря...

– Он – одна из твоих целей?

– Похоже на то.

– Я не одобряю убийства. Да и убить его очень непросто.

– Я не прошу его убивать. Только украсть состояние.

– Герун Эберикт стал еще наглее.

– Верная оценка.

– Допустим, восстановить статус-кво – достойное предприятие.

– Не надо ничего допускать, Шурк. Здесь важнее, кто занимается нарушением упомянутого статус-кво. Финадд перестал сдерживать свои аппетиты.

– Ты – одна из его целей, Тегол?

– Пока точно не знаю.

– Серьезная задачка – справиться с охраной его поместья.

– Не то слово.

– По поводу моей платы... Я вовсе не хочу жить снова. Но не хочу и умереть окончательно. Нет, я хочу гарантии *подобия* жизни.

Тегол задрал брови.

– Я хочу, чтобы моя кожа сияла осязаемой упругостью. Я хочу темные манящие глаза.

Блестящие волосы. Новую одежду, и чтобы меня сопровождал цветочный аромат. И хочу снова чувствовать удовольствие.

– Удовольствие?

– Сексуальное.

– Может, все дело в компании...

– Не смей меня.

– Будешь харкать?

– Тебе лучше не видеть, Тегол Беддикт. Тут тоже надо что-то сделать. Этой речной воде три года.

– Мне вот интересно, как у тебя получается говорить без дыхания?

– Не знаю. Я могу набрать воздух в глотку.

– Ладно, кое-что мы поправим легко, хотя нужно соблюдать осмотрительность.

Остальное, например пробуждение удовольствия, сложнее.

- Обойдется недешево.
- Я уверен, что Герун Эберикт с радостью заплатит.
- А если потребуются все, что у него есть?
- Тегол пожал плечами.
- Милая, деньги во всем этом не главное. Я вообще собирался выбросить их в реку.
- Я бы и себе взяла.
- Не смейся меня, Шурк. Серьезно.
- Почему?
- Потому что такой смех заразителен.
- А. Поняла.
- Приходи завтра ночью, мы сделаем из тебя новую женщину.
- Мне бы *пахнуть* по-новому.
- Не беспокойся. Я знаю людей, которым это по плечу.

Воровка спустилась по наружной стене дома. Тегол, стоя на краю крыши, наблюдал за ней; когда она добралась до переулка, он позволил себе закатить глаза. Затем повернулся и направился к постели.

И тут же услышал голоса внизу. Бугг говорил удивленным, но не испуганным тоном. И говорил достаточно громко – чтобы предупредить Тегола, если вдруг Шурк засиделась.

Тегол вздохнул. Насколько лучше – проще – жилось всего несколько недель назад! Когда не было никаких планов, схем, задач. А теперь – чуть шевельнулся, и все сразу захотели тебя увидеть.

Скрипнула лестница, и появилась темная фигура.

Тегол не сразу узнал его и на мгновение поднял брови, прежде чем шагнуть навстречу.

– Вот так неожиданность.

– Твой прислужник, похоже, точно знал, что ты не спишь. Каким образом?

– Дорогой брат, таланты Бугга поистине сверхъестественны.

Брис подошел к постели и рассмотрел ее.

– А если идет дождь?

– Увы, приходится спускаться в комнату. И страдать от непрерывного храпа Бугга.

– Так вот из-за чего ты спишь на крыше?

Тегол улыбнулся, потом сообразил, что в темноте улыбка Брису не видна. Впрочем, и к лучшему.

– Королевский поборник... Я ведь тебя не поздравил. Поздравляю.

Брис не шелохнулся.

– Ты часто посещаешь склеп? И вообще – посещаешь?

Сложив руки на груди, Тегол обратил взор на канал. Расплывчатое сияние отраженных звезд ползло через город.

– Прошли годы, Брис.

– С того дня, как ты приходил последний раз?

– Со дня их смерти. Мы по-разному чтим их память. Семейный склеп? – Тегол пожал плечами. – Подземная комната с каменными стенами, в которой нет ничего важного.

– Понятно. Хотелось бы знать, Тегол, как именно ты чтить их память?

– Ты и не представляешь.

– Не представляю.

Тегол потер глаза, только сейчас ощутив усталость. Процесс мышления отнимал уйму энергии – приходилось признать, что он давно не практиковался. Разумеется, мозг занимался и другими вещами, даже более утомительными. Вспоминал братьев, давних знакомых, про-

верял вновь начищенные доспехи, припрятанное оружие, старые приемы – казалось, забытые, но в действительности просто спящие.

– У нас праздник, Брис? Я что-то пропустил? Были бы у нас кузены-кузины, дяди-тети, племянники-племянницы, мы могли бы собраться. Посидеть на пустых стульях, где когда-то сидели мать и отец. Осознать правду – что мертвые говорят в тишине и поэтому никогда не оставляют нас в покое...

– Мне нужна твоя помощь, Тегол.

Он поднял глаза. В темноте было трудно разобрать выражение лица брата.

– Дело в Халле, – продолжал Брис. – Он нарвется, и его убьют.

– Скажи мне, – прервал Тегол, – ты когда-нибудь задумывался, почему ни один из нас не нашел жену?

– Я говорю тебе...

– Все просто – из-за нашей матери, Брис. Она была слишком умна. Странник меня подери, что за недомолвки. Вовсе не отец занимался нашими финансами.

– А ты ее сын, Тегол. Куда больше, чем я или Халл. Когда я смотрю на тебя, когда слушаю, мне трудно следить за твоими мыслями. Но при чем тут...

– Наши фантастические надежды, Брис. Мы пытаемся. Все мы пытались, правда?

– Проклятье, Тегол, к чему ты клонишь?

– К Халлу, конечно. Ты ведь о нем пришел поговорить? Хорошо. Он встретил женщину. В каком-то смысле умную, как наша мать. Или, вернее, это она его нашла. Величайший дар для Халла. А он даже не понял этого, хотя держал буквально в руках.

Брис подошел ближе, злой, словно готовый вцепиться брату в горло.

– Принц захочет его смерти. А не принц, так первый евнух – если Халл выскажется против короля. Погоди-ка! – Он рассмеялся невеселым смехом. – Есть ведь еще Герун Эберикт! Кого я забыл? Не помню. Да и неважно. Халл будет на переговорах, и лишь его намерения неизвестны – никому. Как же вести свою игру, если в ней участвует незнакомый фактор?

– Остынь, брат, – сказал Тегол. – Я подхожу к сути.

– Давай уже!

– Пожалуйста, тише. Халл нашел ее, потом потерял. Но она все еще там. Сэрен Педак, Брис. Она защитит его...

Брис зарычал и отвернулся.

– Как мать – отца?

Тегол вздохнул.

– Смягчающие обстоятельства...

– А Халл – сын нашего отца!

– Ты только что спрашивал, как я чту память родителей. Могу сказать, Брис. Вот я смотрю на тебя. Твоя смертельная грация – мастерство, привитое им, – мне и вспоминать не нужно. Он и сейчас просто стоит передо мной. Его в тебе больше, чем в Халле. Гораздо больше. А я, боюсь, действительно похож на *нее*. Вот. – Тегол беспомощно развел руки. – Ты просишь о помощи, но не слушаешь, что я говорю. Нужно ли вспоминать судьбу родителей?

– Значит, ты описывал нашу судьбу, – хрипло ответил брат.

– Она могла бы его спасти, Брис. Если бы не мы. Если бы не ее страх за нас. Всю затею с долгами, ловко подстроенную, чтобы поймать отца в ловушку, она бы легко разбила, но только, как и я, она не видела ничего в мире, что восстало бы из пепла. И, не видя ничего, испугалась.

– Значит, не будь нас, мать спасла бы его – удержала в момент наивысшей трусости?

Брис блестящими глазами смотрел на Тегола.

– Думаю, да, – ответил Тегол. – И от них мы получили урок жизни. Ты выбрал королевскую гвардию, а теперь роль поборника. Тут долг тебя не достанет. Что касается Халла, он

ушел – от золота, от его смертельных ловушек – и искал славы, спасая людей. И даже когда не получилось... Ты можешь представить себе, что Халл пойдет на самоубийство? Трусость отца была предательством, Брис.

– А ты, Тегол? Какой урок извлек ты?

– Разница между мной и матерью в том, что у меня нет ноши. Нет детей. Так что, брат, думаю, я достигну того, чего не смогла достичь она, несмотря на любовь к отцу.

– Тем, что носишь лохмотья и спишь под открытым небом?

– Восприятие укрепляет ожидания, Брис. – На лице брата мелькнула сухая улыбка.

– Допустим. Но Герун Эберикт не так обманут, как ты полагаешь. Как был, признаюсь, обманут я.

– До сегодняшней ночи?

– Да.

– Ступай домой, Брис, – сказал Тегол. – Сэрэн Педак прикрывает Халла и будет прикрывать, как бы она ни относилась к тому, что он намерен сделать. Она не может удержаться. Даже у гениев есть слабости.

Снова улыбка.

– И у тебя, Тегол?

– Я говорил вообще. Я всегда исключение из правил.

– И как тебе удается?

– Так я сам устанавливаю правила. Это моя частная игра, брат.

– Во имя Странника, иногда я начинаю тебя ненавидеть, Тегол! Послушай, нельзя недооценивать Геруна Эберикта...

– Геруном займусь я. Теперь вот что. За тобой следили?

– Я не подумал. Видимо, да. Думаешь, наши голоса были слышны?

– Нет – через завесу, которую Бугг устанавливает перед сном.

– Бугг?

Тегол похлопал брата по плечу и повел к люку.

– Он не всегда совершенно бесполезен. Мы находим скрытые таланты – это неиссякаемый источник удовольствия. По крайней мере, для меня.

– А не он ли бальзамировал родителей? Его имя...

– Да, Бугг. Там я впервые встретил его и сразу заметил отсутствие у него перспектив. Вход можно разглядеть только с одного места, и ни с какого другого, Брис. И обычно нельзя подойти, чтобы тебя не заметили. А тогда – погоня, а это неприятно, и, скорее всего, не убежишь. Тогда придется убивать. И не на дуэли. Просто казнь. Готов?

– Конечно. Но ты сказал, нельзя подойти, чтобы...

– А, да. Я забыл упомянуть наш туннель.

Брис замер.

– У тебя есть туннель?

– Надо же загружать Бугга работой.

В пяти шагах от затененного участка стены склада, где только и можно было спрятаться, наблюдая за дверью дома Тегола, Брис Беддикт остановился. Глаза привыкли к темноте, и он убедился, что там никто не прячется.

Но ощущался запах крови – металлический и густой.

Достав меч, он приблизился.

Ни один человек не остался бы в живых. Черная лужа протянулась на мостовой, лениво растекаясь по трещинкам между булыжниками. Горло распорол и ждали, пока стечет кровь, прежде чем забрать труп. След был четко виден: две борозды от пяток, мимо стены склада, за угол – и с глаз долой.

Финадд подумал – не пойти ли по следу.

А потом увидел отпечаток ноги, оставшийся в пыли, и передумал.

След ребенка. Босого. Утащившего мертвеца прочь.

В каждом городе есть мир ночных обитателей, играющих ночью в собственную игру хищника и жертвы. Брис знал, что это не его мир, и не желал погружаться в его тайны. Эти часы принадлежали Белому Ворону и открывались лишь ему.

Брис повернулся и зашагал во дворец.

Похоже, грозный мозг брата не бездельничал. Его безразличие – всего лишь уловка. А значит, Тегол очень опасен. *Слава Страннику, он на моей стороне...*

Он ведь на моей стороне?

Старый дворец, который скоро совсем оставят ради Вечного дома, стоял на осевшем холме, в ста шагах от берега реки. Оставшиеся участки высокой стены показывали, где была когда-то ограда – от дворца до реки; тут разнообразные постройки были отделены от остального города.

Эти постройки появились еще до основания Первой империи. Возможно, сами строители почитали эти земли почти священными, хотя, конечно, для колонизаторов не было ничего святого. Также возможно, что первые летери обладали более полным тайным знанием – давно утерянным, – которое заставило их воздать честь жилью яггутов и одинокой, странной башне в центре.

Истина осыпалась вместе со стенами ограды, и невозможно было найти ответы в пыли раскрошившегося раствора и хлопьях осыпавшегося шифера. Место, хотя уже и не огороженное, никто не посещал – по привычке. Сама земля ничего не стоила – в силу королевского указа, шесть веков назад запретившего разрушать древние постройки и строить на их месте. Любая попытка оспорить указ в итоге даже не доходила до суда.

Ну и хорошо. Опытные метатели плиток Обитателей понимали значение приземистой покосившейся башни и заросшего двора. И жилищ яггутов, образцов Обитатели Льда.

Учитывая открывшиеся перспективы, Шурк Элаль была настроена уже не так скептически, как прежде. Участок вокруг потрепанной серой каменной башни манил к себе мертвую воровку. Здесь родня, хотя и не по крови. Нет, это семья немертвых, не способных или не желающих отдаться забвению. Для погребенных в комковатой, глиняной почве вокруг башни их могилы стали тюрьмой. Азаты не отдавали своих детей.

Она чувствовала, что здесь похоронены и оставшиеся живыми; большинство из них сошли с ума за долгие века в объятиях древних корней. Другие оставались злоеце молчаливыми и неподвижными, словно ожидали конца вечности.

Воровка пришла на запретные земли позади дворца. Она видела башню Азатов – третий, верхний этаж, возвышающийся над покосившимися стенами жилищ яггутов. Ни одно строение уже не стояло прямо. Все наклонились из-за выдавленной громадным весом глины или вымытого подземными потоками песка. Вьющиеся растения опутывали стены паутиной, хотя те, что добирались до умерших здесь Азатов, засыхали у камней фундамента посреди желтеющей травы.

Шурк не обязательно было смотреть на кровавый след, чтобы найти дорогу. Запах стоял в душном ночном воздухе, разносился легким ветерком. За поворотом стены, окружающей башню Азатов, под кривым деревом сидела девочка Кубышка. Лет девяти-десяти... навеки. Голая, бледная кожа покрыта пятнами, в волосах комками запекшаяся кровь. Перед ней – труп, уже наполовину скрывшийся в земле.

Пища для Азатов? Или для голодных ночных жителей? Шурк не знала и не хотела знать. Земля глотает тела, и хорошо.

Кубышка подняла черные глаза, в которых отразились звезды. Если на плесень не обращать внимания, она может ослепить; пленка на мертвых глазах уже толстая. Девочка медленно поднялась и пошла навстречу.

– Почему тебе не стать мне мамой?

– Я уже объясняла, Кубышка. Я ничья не мама.

– Я шла за тобой сегодня ночью.

– Ты всегда ходишь за мной, – сказала Шурк.

– Как только ты ушла с крыши, в дом пришел другой человек. Военный. И за ним следили.

– И кого из них ты убила?

– Того, который следил, конечно. Я хорошая девочка. Я забочусь о тебе. А ты обо мне...

– Я ни о ком не забочусь, Кубышка. Ты умерла гораздо раньше меня. Живешь на этих землях. Я приношу тебе тела.

– Мне мало.

– Я не люблю убивать; я убиваю только в крайнем случае. И потом, я ведь не одна тебе помогаю.

– Нет, одна.

Шурк уставилась на девочку.

– Одна?

– Да. Остальные бегали от меня, как теперь бегают от тебя. Кроме того человека на крыше. Он что, тоже не такой, как все?

– Не знаю, Кубышка. Но теперь я на него работаю.

– Я рада. Взрослые должны работать. Тогда у них мысли заняты. Пустые мысли – это плохо. Опасно. Они начинают заполняться плохими вещами. И всем плохо.

Шурк наклонила голову.

– И кому плохо?

Кубышка махнула грязной рукой в сторону запущенного сада.

– Беспокойные. И я не знаю почему. Башня теперь все время потеет.

– Я принесу тебе соленой воды, – сказала Шурк. – Для глаз. Их нужно промывать.

– Я прекрасно вижу. И теперь не только глазами. Моя кожа видит. И чувствует вкус.

И мечтает о свете.

– Что это значит?

Кубышка убрала окровавленные пряди от сердцевидного лица.

– Пятеро пытаются выбраться. Я этих пятерых не люблю – я почти всех не люблю, но этих особенно. Корни умирают. Я не знаю, что делать. Они шепчут, как порвут меня на куски. Скоро. Я не хочу, чтобы меня рвали. Что мне делать?

Шурк молчала, потом спросила:

– Ты чувствуешь погребенных, Кубышка?

– Большинство со мной не разговаривают; они потеряли разум. Другие меня ненавидят за то, что я не помогаю. Еще кто-то просит и умоляет... Они говорят через корни.

– А есть те, кто ничего не просит?

– Некоторые все время молчат.

– Поговори с ними. Найди с кем поговорить. С кем-то, кто может тебе помочь. – *Кто сможет стать тебе матерью... или отцом.* – Спрашивай, что они думают о том, о сем. Если кто-то не захочет помочь, не попытается выполнить твои желания в обмен на свободу, не сочувствует другим, расскажи мне о нем. Все, что знаешь. И я постараюсь дать совет – не как мать, как товарищ.

– Ладно.

– Хорошо. Но я пришла не за этим, Кубышка. Я хочу знать, как ты убила шпиона?

- Прогрызла горло. Так быстрее всего, и я люблю кровь.
- Почему ты любишь кровь?
- Я мажу волосы, и они не лезут в лицо. И пахнут жизнью, правда ведь? Мне нравится этот запах.
- Многих ты убила?
- Много. Они нужны земле.
- А зачем они земле?
- Потому что она умирает.
- Умирает? А что будет, если она умрет, Кубышка?
- Все выйдут. А мне тут хорошо.
- Знаешь, Кубышка, – сказала Шурк, – отныне я буду говорить тебе, кого убивать – не беспокойся, их будет вдоволь.
- Хорошо. Ты очень добра.

Среди сотен существ, похороненных на земле Азатов, только один мог слышать разговор двух немертвых на поверхности. Башня Азатов уступила место этому обитателю не от слабости, а по необходимости. Защита оказалась не готова. Да и всегда была не готова. Сам выбор был ущербен – еще один признак слабеющей власти, дряхлости, предъявляющей права на самое древнее каменное строение.

Башня Азатов на самом деле умирала. И отчаяние толкало на самые неслыханные шаги.

Выбор среди узников был сделан. Шли тайные приготовления, неспешные, словно движения корней между камнями, но такие же неотвратимые. Только времени оставалось мало.

Срочность подгоняла, выдавливая кровь из башни Азатов. Пять существ одного племени, заточенных еще во времена к'чейн че'маллей, были уже близки к поверхности.

Тоблакаи.

Глава пятая

*Словно громом,
где личность обитает между глаз,
ударом сокрушили кость
и душу вытащили,
чтобы сжать в хватке
неискупленной мести...*

Последняя ночь Кровавого глаза. Автор неизвестен (собрано учениками тисте анди школы Черного Коралла)

Глубокий смех Тени грозил безумием тому, кто его слышал. Удинаас выпустил сеть из рук и прислонился спиной к прогретому солнцем камню. Прищурившись, посмотрел на яркое небо. На пустынный берег накатывали вялые волны. Удинаас был один – если не считать духа, который теперь постоянно беспокоил его в часы бодрствования.

Вызванный, потом забытый. Блуждающий, вечно бегущий от солнца, вечно прячущийся.

– Прекрати, – сказал Удинаас, закрыв глаза.

– *Зачем? Я чую твою кровь, раб. Она стынет. Я знал мир льда. После того как меня убили... да, после. Даже у тьмы есть недостатки, вот меня и похитили. Но я вижу сны.*

– Ты все время это повторяешь. Так следуй за ними, дух, и оставь меня.

– *Я вижу сны, а ты ничего не понимаешь, раб. Приятно мне было служить? Нет. Нет, нет и еще раз нет. Я буду следовать за тобой.*

Удинаас открыл глаза и уставился на полоску тени между двумя валунами, откуда исходил голос. По валунам скакали песчаные блохи.

– Почему?

– *Почему всегда «почему»? Меня привлекает то, что ты отбрасываешь, раб. Ты сулишь захватывающее путешествие... Тебе снится сад, раб? Я знаю, что снится, я чую. Полумертвый и заброшенный, почему бы нет? Выхода нет. И в моих снах он помогает мне служить. Служит служению. Разве не был я когда-то тисте анди? Был, я знаю. Меня убили и бросили в грязь, пока не пришел лед. Потом, после многих лет, вырвали на свободу, чтобы я служил моим убийцам. Моим хозяевам, чья старательность поколебалась. Пошепчемся о предателях, раб?*

– Будешь торговаться?

– *Раз позвал меня, зови меня Сушенный. Я вижу сны. Дай мне то, что ты отбрасываешь. Дай мне свою тень – и я твой. Буду глазами у тебя за спиной, меня никто больше не увидит и не услышит, только тот, кто угадает и кто силой обладает, но с чего ему догадаться? Ты раб. И пусть раб хорошо себя ведет, пока пора предавать не придет.*

– Я думал, тисте анди должны быть строгими и печальными. И пожалуйста, Сушенный, не надо стихов.

– *Ладно, если отдашь мне тень.*

– А другие духи смогут тебя видеть? У Ханнана Мосага...

– *Этот олух? Я спрячусь в твоей настоящей тени. Спрятанный. Нельзя обнаружить. Видишь, никаких стихов. Мы были сильны в те дни, раб. Солдаты войны, вторжения. Пропитанные холодной кровью к'чейн че'маллей. Нас вел младший сын самой Матери Тьмы. И мы были свидетелями.*

– Чему?

– *Тому, как Кровавый глаз предал нашего вождя. Как вонзил кинжал ему в спину. Я сам пал от меча тисте эдур. Внезапно. Подлое нападение. У нас не было шансов. Ни единого.*

Удинаас скорчил гримасу, глядя, как волны прилива борются с течением реки.

– Эдур рассказывают другую историю, Сушенный.

– *Так почему я мертв, а они живы? Раз в тот день напали мы?*

– Откуда я знаю? И если хочешь прятаться в моей тени, Сушенный, научись молчать.

Пока я с тобой не заговорю. Молчать и наблюдать.

– *Сначала, раб, сделай кое-что для меня.*

Удинаас вздохнул. Большинство благородных эдур были на церемонии погребения убитого рыболова вместе с полудюжиной родственников-бенедов, поскольку они принадлежат к эдур. Меньше дюжины воинов оставалось в здании за спиной Удинааса. Тени-призраки становились смелее в такие моменты, перелетая по земле между домами и по стенам.

Раньше он недоумевал, почему так. Но если верить Сушеному, то вот и ответ. *Это не духи предков смертных эдур. Это тисте анди, несвободные души убитых. А мне так нужны союзники...*

– Хорошо, Сушенный, что я должен сделать?

– *Когда море еще не поднялось до нынешнего уровня, раб, залив Хэсан был озером. К югу и западу тянулась земля, соединяясь с западным концом Предела. На этой громадной равнине были убиты последние мои родичи. Иди по берегу, раб. На юг. Там лежит кое-что мое – надо найти.*

Удинаас встал, отряхнул песок с грубых шерстяных штанов и осмотрелся. Три раба из цитадели колдуна-короля возле устья реки отбивали одежду о камень. На воде, вдалеке, виднелась одинокая рыбацкая лодка.

– А далеко идти?

– *Рядом.*

– Если я уйду слишком далеко, меня убьют.

– *Это недалеко, раб.*

– Меня зовут Удинаас, так и обращайся ко мне.

– *Гордость заговорила?*

– Я не просто раб, Сушенный, и тебе это прекрасно известно.

– *А вести себя должен, как обычный раб. Я говорю «раб», чтобы ты не забывал. Выдашь себя – и боль, которую тебе доставят, чтобы вытащить все, что ты, возможно, скрываешь, будет безмерной...*

– Хватит.

Удинаас пошел к воде. Тень от солнца за его спиной протянулась длинная и чудовищная.

На песчаной полосе накопились выброшенные водоросли и осколки камней. В шаге за этой полосой низина была заполнена скользкими камешками и галькой.

– *Среди камней. Чуть дальше. Три шага, два. Да. Здесь.*

Удинаас посмотрел под ноги.

– Ничего не вижу.

– *Копай. Нет, слева, отодвинь те камни. И вот этот. Теперь копай. Тяни.*

В руке оказался конусообразный, длиной в палец, кусок металла в толстых известковых наростах.

– Что это?

– *Наконечник стрелы, раб. Сотни тысячелетий он полз к этому берегу. Волны приливов и капризные бури. Так и движется мир...*

– Сотни тысячелетий? Ничего бы не осталось...

– Клинок из обычного железа без чародейской обработки, разумеется, исчез бы без остатка. Наконечник стрелы сохранился, раб, потому что он не сдается. Ты должен сколоть все, что налипло на него. Возродить его.

– Зачем?

– На то есть причины, раб.

Удинаас выпрямился, засунул находку в поясную сумку и вернулся к сетям.

– Я не буду орудием твоей мести, – пробормотал он.

Смех Сушеного преследовал его среди хруста камней.

Над равниной висел дым, будто тучи, порванные в клочья верхушками деревьев.

– Погребение, – сказал Бинадас.

Сэрэн Педак кивнула. Грозы не было, да и лес чересчур пропитался влагой, чтобы возник пожар. Эдур во время похорон насыпали курган, на котором затем разводили погребальный костер. Сильный жар спекал покрытый монетами труп и окрашивал камни могильника в красное. Тени-призраки плясали в огне, посылая дым в небо; все разойдутся, а тени еще долго будут плясать во мраке.

Сэрэн вытащила нож и нагнулась, чтобы счистить грязь с сапог. С этой стороны гор ветер ежедневно нес с моря волны дождя и тумана. Одежда промокла насквозь. Уже три раза за это утро тяжело груженные фургоны сносило с дороги; один нерек погиб, придавленный колесом с железным ободом.

Выпрямившись, Сэрэн вытерла нож двумя пальцами в перчатке и убрала в ножны на боку.

Настроение было паршивое. Бурук Бледный не вылезал из фургона два дня, как и три его наложницы-полукровки. И все же спуск закончился, и впереди открылась широкая, довольно ровная дорога к деревне Ханнана Мосага.

Бинадас смотрел, как последний фургон съехал по склону. Сэрэн ощущала его нетерпение – в его деревне кто-то умер. Потом Сэрэн взглянула на Халла Беддикта, но ничего не почувствовала. Он погрузился в себя, будто собирая силы, чтобы предугадать, что их ждет. А может, старался подкрепить пошатнувшуюся решимость.

– Бинадас, – сказала Сэрэн, – нерекам нужен отдых. Дорогу мы найдем. Не обязательно нас сопровождать, иди к своему народу.

Бинадас подозрительно прищурился в ответ.

Уговаривать бессмысленно. Он будет считать, как считает, какими бы чистыми ни были ее помыслы.

– И правда, – сказал Халл. – Ты зря задерживаешься, Бинадас.

– Хорошо. Я сообщу Ханнану Мосагу о вашем скором прибытии.

Эдур прибавил шагу и через несколько мгновений исчез среди деревьев.

– Видишь? – спросил Халл.

– Я видела борьбу желаний и обязательств. – Сэрэн отвернулась.

– Ты видишь лишь то, что хочешь видеть.

Сэрэн пожала плечами.

– Как и мы все, Халл.

Он подошел ближе.

– Так не должно быть, аквитор.

Удивленная, она посмотрела ему в глаза, необычайно серьезные.

– И что мне ответить? Мы как солдаты, припавшие к земле за возведенными укреплениями. Ты сделаешь то, что сочтешь нужным, Халл.

– А ты, Сэрэн Педак? Какая дорога ждет тебя?

Всегда одна и та же.

– Тисте эдур нелегко использовать. Они могут выслушать, но не обязательно послушаются.

– У меня нет надежд, Сэрэн, у меня только страхи. Продолжим путешествие.

Она обернулась на нереков, которые сидели у фургонов; от спин поднимался пар. На безразличных лицах ни следа сочувствия к мертвому соплеменнику, которого они оставили в могиле, наспех сооруженной из грязи, камней и корней. Сколько нужно сечь народ, прежде чем он начнет сечь себя сам? Когда бежишь с крутого склона, начинаешь медленно...

Летери верят в жесткую правду. Толчок запускает лавину, и никому не уйти с пути. Разделение между жизнью и смертью – постоянная борьба за место посреди всепоглощающего прогресса. Никто не может себе позволить проявлять сочувствие. И поэтому не ждет сочувствия от других.

Мы живем в недружелюбное время. Впрочем, все времена недружелюбные.

Снова зарядил дождь.

Далеко к югу, за горами, которые они только что преодолели, готовилось крушение тисте эдур. И, как она подозревала, жизнь Халла Беддикта легко принесут в жертву. Слишком большой риск он представлял, слишком опасное предательство почти обещал. Ирония в том, что желания сторон совпадают. Войны хотят все – победу представляют по-разному.

Халл не обладал достаточной проницательностью, чтобы успешно играть в такие игры.

Вот только должна ли она попытаться спасти его...

Из фургона Бурука раздался окрик. Нерекки устало поднялись на ноги. Сэрэн плотнее завернулась в плащ и, прищурившись, взглянула на ожидающий их путь. Она почувствовала, что к ней подошел Халл, но не обернулась.

– В каком храме ты училась?

Она фыркнула, потом покачала головой.

– Турлас, Тайные сестры Пустого трона.

– Прямо напротив Малого канала? Помню. А каким ребенком ты была, Сэрэн?

– Ты и сам представляешь.

Краем глаза она заметила, как он кивнул.

– Усердная. Честная. Желаящая быть первой.

– Там в специальные журналы записывали достижения учеников. В них все время встречалось мое имя. Например, у меня было больше всех наказаний за год – двести семьдесят одно; Темную каморку я знала лучше, чем собственную комнату. Еще меня обвинили в соблазнении приходящего священника. И можешь не спрашивать – да, обвинили заслуженно. Но священник поклялся в обратном, чтобы защитить меня. Его отлучили. Позже я узнала, что он покончил с собой. Если бы я хранила чистоту, я потеряла бы ее тогда.

Халл обошел Сэрэн и встал перед ней; нерекки тянули мимо первый фургон. Она была вынуждена смотреть ему в лицо и, помедлив, сухо улыбнулась.

– Я тебя смутила, Халл Беддикт?

– Подо мной прямо лед треснул.

Вспышка гнева прошла, когда Сэрэн поняла самоиронию.

– Мы не рождаемся невинными, только неоцененными.

– И, возможно, неоценимыми.

– По крайней мере, несколько лет. Пока внешний мир не обрушится на внутренний – и начинается жестокая война. Мы не рождены для сочувствия – несмотря на широко распахнутые глаза и милые манеры.

– Ты рано поняла свою войну.

Сэрэн пожала плечами.

– Моим врагом были не начальники, хотя иногда так могло показаться. Врагом было само детство. Никаких ожиданий со стороны взрослых, их готовность *процать*. Меня от этого тошнило...

– Потому что было несправедливо.

– Детское понятие о справедливости очень своекорыстно, Халл. Я не могла тешить себя обидами. А почему мы об этом заговорили?

– Я забыл спросить. Тогда. Наверное, я и сам был ребенком в те дни. Внутри – не внешне.

Сэрен подняла брови, но промолчала.

Халл все равно понял.

– Да, ты права. В чем-то. Но не когда дело касается эдур.

Мимо проехал второй фургон. Сэрен внимательно смотрела на Халла.

– Ты уверен? Ты действуешь по собственной воле. Эдур – меч, но в твоей руке, Халл. Где тут сочувствие?

– Ты не понимаешь, Сэрен. Мечом буду я.

Мороз пронял ее до костей.

– Что это значит?

Он лишь покачал головой.

– Я не могу тебе доверять, Сэрен. Жди, как все. Только об одном прошу: не становись на моем пути. Пожалуйста.

Я не могу тебе доверять. Слова резанули по сердцу. Впрочем, вопрос доверия – палка о двух концах...

Рядом остановился третий фургон. Занавеску на окошке дверцы откинули, и появилась мертвенная физиономия Бурука.

– И это сопровождение? Кто следит за дорогой? Теперь мы обречены заблудиться!.. Не говорите, что заново закрутили роман! Сэрен, голубка, таково проклятие любви!.. Просто сердце кровью обливается!

– Хватит, Бурук. – Сэрен стерла с лица капли дождя и, не обращая больше внимания на Халла, вышла на дорогу. Нереки торопливо расступились.

Дорога шла вдоль леса черных деревьев, высаженных в знак принадлежности этих земель эдур. Грубую черную кору свернули в кошмарные образы и скрытые послания тени-призраки, снующие по бороздкам и трещинам. Духи, которые явились, чтобы наблюдать за Сэрен и ее спутниками. Непрерывно текущие, как черный туман, между громадными стволами. Десятки, сотни толпились с обеих сторон дороги. Сэрен замедлила шаги.

Она слышала, как нереки за ее спиной тихо постанывают, как замедляется и затихает стук колес.

К ней подошел Халл.

– Целую армию подняли, – прошептал он.

В его голосе звучало темное удовлетворение.

– А это точно предки эдур?

Он бросил на нее тревожный взгляд.

– Конечно. Кто же еще?

Сэрен встряхнулась.

– Подгони нереков, Халл. Тебя они слушают. Еще два дня и...

Она замолчала.

На дороге стояла фигура. Кожа цвета беленого холста, ростом с эдур, лицо покрыто темными полосами, как будто испачканные кровью пальцы провели по худым щекам. Красные глаза в глубоких глазницах. Старые, стгнившие доспехи покрыты рваной плесенью. Ножны на поясе справа и слева пусты.

Духи почтительно приникли к ногам фигуры.

Стукнула дверца фургона, и Бурук, завернутый в одеяло, заковылял к Сэрэн.

– *Могильник и Корень!* – прошипел торговец. – Плитки не солгали!

Сэрэн шагнула вперед.

Халл протянул руку:

– Нет...

– Что, нам тут вечно торчать? – отрезала она, отмахнувшись.

Несмотря на всю браваду, она была испугана. Привидения являются в детских сказках и легендах, иногда в нелепых столичных сплетнях. Сэрэн не особенно верила в подобные явления – только по привычке. Как в шепот истории, предвестие, как во что-то символическое, а не реальное.

Но даже и тогда она представляла себе нечто более... эфемерное. Намек на бесформенное лицо, стертые от времени черты. Еле заметное в темноте – вот оно тут, а вот исчезло.

Но сейчас фигура, стоящая перед ней, была весьма реальна, физически ощутима. Строгие черты длинного бледного лица, невыразительные, подернутые пленкой глаза, внимательно следящие за ее приближением.

Как будто только что выбрался из могильника. Но это не... не эдур.

– Однажды, – заговорил призрак на языке тисте, – здесь прополз дракон. Тогда тут не было леса. Тут была пустошь. Кровью залитая земля. Дракон и проложил эту дорогу. Ты чувствуешь, смертная? Под твоими ногами – накопленная память; она выталкивает корни, сгибает деревья. Дракон. – Призрак обернулся, посмотрел на дорогу за своей спиной. – Тот эдур пробежал, не видя, не думая. Он из рода, предавшего меня. Но... невинный.

Он снова взглянул на Сэрэн.

– А ты, смертная, вовсе не такая невинная, правда?

Пораженная Сэрэн молчала. За ее спиной заговорил Халл Беддикт:

– В чем ты обвиняешь ее, призрак?

– Во многом. В тысячах и тысячах злодеяний. Ее. Тебя. Ваш род. Боги – ерунда. Демоны – просто дети. Все предки – неуклюжие фигляры. По сравнению с вами. Интересно, так всегда? Порок до времени гнездится в лепестках цветка. Тайные семена разложения прячутся под растущей славой. Все мы по сравнению с вами, все мы ничто.

– Чего ты хочешь? – спросил Халл.

Призраки отошли в сторону, к деревьям, однако новый прилив подкатил к изодранным сапогам духа. Мыши потекли по дороге бурлящим потоком глубиной до лодыжки. Первые достигли ног Сэрэн, за клубились вокруг. Серо-бурый прилив, бездумное движение. *Множество крохотных существ, захваченных непонятной и непонимающей силой. Отсюда... дотуда.*

Что-то ужасное, пугающее было в этих зверьках. Тысячи, десятки тысяч – всю дорогу впереди, насколько хватало глаз, покрывали мыши.

– Земля треснула, – сказал дух. – Не осталось ни деревца. Ничего – только трупы. И крохотные существа, которые ими кормились. Легион Худа. Грязный прилив смерти, пушистый и неудержимый. Это кажется так... легко. – Немертвый словно встряхнулся. – Я ничего от вас не хочу. Думаете, вашими путями никто никогда не ходил?

– Мы не слепые, чтобы так думать, – сказала Сэрэн Педак. Она еле удерживалась от того, чтобы пнуть мышей, копошащихся у ее лодыжек, и чувствовала, что близка к истерике. – Если ты не хочешь – или не можешь – освободить дорогу, у нас не остается выбора...

Призрак наклонил голову.

– Ты готова пойти на множество маленьких смертей? Во имя чего? Удобства?

– Я не вижу конца твоим мышам, призрак.

– Моим? Они не мои, смертная. Они из моего времени. Из того века, когда они варварски правили этой землей. Множество тиранов, царящих над пеплом и грязью, что мы оставили за собой. В моем духе они видят обещание.

– А мы, – прорычал Халл, – должны видеть то же самое?

Призрак начал таять, цвета блекли.

– Если хочешь, – донесся тихий насмешливый ответ. – Конечно, возможно, они видят твой дух, а не мой.

И призрак исчез.

Мыши потекли в лес, прочь от дороги, послушные какой-то великой силе. Они ныряли в почву, в тень, в прогнившие стволы упавших деревьев. Были – и нет.

Сэрэн подошла к Буруку Бледному.

– Про что ты говорил – «плитки не врали»? Могильник и Корень – плитки из Обители Азатов, ведь так? Ходил на гадание перед началом путешествия? В Трейте?

Он не смотрел ей в глаза. Лицо побледнело.

– Обители восстают, аквитор. *Все*.

– Тогда кто это был? – спросил Халл Беддикт.

– Не знаю. – Нахмурившись, Бурук отвернулся. – Какая разница? Земля дышит, из нее многие выбирают. Седьмое завершение близко, да только, боюсь, все будет не так, как нас учили. Рождение империи – да, конечно, но кто будет править? Пророчество пугающе смутное... Дорога свободна – едем дальше.

Он вернулся в фургон.

– И как это понять? – спросил Халл.

Сэрэн пожала плечами.

– Предсказания – как сами плитки, Халл. В них можно увидеть что захочешь.

Отзвук ужаса еще сжимал горло, от внезапной усталости она расстегнула и сняла с головы шлем. Мелкий дождик ледяным компрессом остужал макушку. Сэрэн закрыла глаза.

Я не могу его спасти. Я никого не могу спасти.

Халл Беддикт разговаривал с нереками.

Сэрэн с усилием открыла глаза и встряхнулась. Шлем привязала к заплочному мешку.

Путешествие продолжалось. Громяхающие, постанывающие фургоны, хриплое дыхание нереков. Неподвижный воздух, туман, наползающий, словно дыхание истощенного бога.

Два дня.

В тридцати шагах впереди, невидимый никому, над дорогой пролетел сыч на широких темных крыльях. Когти и клюв были в крови.

Птица не чувствовала благодарности за щедрость. Не праздновала богатый пир. Охотник просто охотился, не обращая внимания на страх жертвы. Не обращая внимания и на Белого Ворона, летящего следом.

Порыв ветра погнал последний дым от погребальных костров на деревню, и Трулл Сэнгар, выйдя утром из дома отца, почувствовал горький привкус тумана.

Он жалел, что нашел новый мир. Открытия отменить нельзя. А теперь он причастен к тайне и, честно говоря, совсем этому не радовался. Даже знакомые лица казались чужими. Что им известно? Как обширен и коварен обман? Скольких воинов вовлек Ханнан Мосаг в свои честолюбивые замыслы? Насколько объединились женщины против колдуна-короля?

Братья ни словом не обмолвились между собой после разговора у ямы, и только пробитый череп дракона был свидетелем того, что любой назвал бы предательством. Приготовления к путешествию шли полным ходом. Рабы не будут сопровождать их. Ханнан Мосаг заранее послал духов в деревни, лежащие между началом пути и ледяными полями, так

что провиант будет обеспечен, и нести тяжелую поклажу не придется, по крайней мере, до самого конца.

Полдюжины рабов тянули через мост повозку с только что выкованным оружием. Копья с железными наконечниками стояли торчком плотными связками. Копнами лежали мечи с крестовидными гардами в ножнах из вареной кожи. А еще секачи для спешившихся всадников, связки длинных стрел с кожаным оперением, метательные топоры, так любимые арапаями, широкие сабли в стиле мерудов...

Кузницы снова принялись выбивать военные ритмы.

Трулл увидел Фира и Рулада, направлявшихся к повозке, за ними шли рабы. Фир отдавал распоряжения, куда нести оружие.

Рулад взглянул на подходящего Трулла.

– Тебе нужны еще копья, брат? – спросил он.

– Нет, Рулад. Я смотрю, тут оружие арапаев и мерудов. И бенедов, и ден-ратов...

– Да, всех племен. И так теперь во всех кузницах, во всех деревнях. Обмен опытом.

Трулл повернулся к Фиру.

– Что думаешь, брат? Будешь обучать воинов хиротов новому оружию?

– Прежде я учил, как защищаться от него. Колдун-король хочет создать настоящую армию, как у летери. Значит, появятся специальные подразделения... Я оружейник хиротов, а теперь, по воле колдуна-короля, и других племен.

– Ты возглавишь армию?

– Если настанет война, то да, я поведу ее в бой.

– Так приходит слава к Сэнгарам, – произнес Рулад ровным голосом.

– Бинадас вернулся на рассвете, – сказал Фир. – День ему нужен для отдыха. Потом выступаем.

Трулл кивнул.

– Приближается торговый караван летери, – сказал Рулад. – Бинадас встретил их по пути. Аквитор – Сэрэн Педак. И с ними Халл Беддикт.

Халл Беддикт, посланник, предавший нереков, тартеналов и фараэдов. Что ему нужно? Трулл знал, что не все летери едины. Разные мнения сталкивались в звоне мечей. Измены плодились с ужасающей скоростью в больших городах и даже – по слухам – в самом королевском дворце. Торговец везет слово того, кто купил его. А Сэрэн Педак как аквитор ни за что не выскажет собственного мнения и не будет вступать в чужие замыслы. Трулла не было в деревне во время ее прошлых визитов, так что о ней он судить не мог. Но Халл, бывший посланник, – о нем говорили, что он неподкупен. Как может быть неподкупен только человек, однажды проданный.

Трулл молча наблюдал, как рабы переносят оружие из повозки в оружейную.

Даже его братья казались... какими-то другими. Словно между ними натянулись незримые тугие тени. Тьма кроется в крови братьев. Все это было некстати для предстоящего путешествия. Весьма некстати.

Я всегда приносил только беспокойство. Я не так много вижу. Нужно помнить о своем изъяне, своей слабости. Как с моими подозрениями о Руладе и Майен. Неправильные дела, неправильные мысли – только они неутомимы...

– Бинадас сказал, что Бурук везет летерийское железо, – прервал Рулад раздумья Трулла. – Это кстати. Во имя Пятнистой, летери действительно дураки...

– Нет, – сказал Фир. – Они просто другие. Они не видят противоречий в том, чтобы сначала продавать нам железо, а потом затеять войну.

– Или убивать тюленей, – ответил, кивнув, Трулл. – Они тянут десятки тысяч жадных рук, и неизвестно, где честные, а у кого власть.

– Король Эзгара Дисканар не таков, как Ханнан Мосаг, – начал Фир. – У него нет над своим народом абсолютной...

Фир замолчал, и Трулл обернулся.

– Сегодня придет в гости Майен, – сменил тему Фир. – Матери может потребоваться твоя помощь в подготовке ужина.

– Мы все поможем, – сказал Рулад, взглянув на мгновение в глаза Труллу и снова повернувшись в сторону рабов.

Абсолютная власть... нет, мы же отказались от этого? Да ее, может, и не было никогда. Впрочем, женщины...

Остальные рабы суетились в доме; Удинаас пробрался в спальный закуток. Вечером ему предстояло прислуживать, так что он получил разрешение предварительно немного отдохнуть. Он видел, что Урут стоит у центрального очага, но сумел пробраться в суматохе незамеченным – просто раб в полумгле.

Слова Пернатой Ведьмы не затихали, комом сжимая горло. Если эдур узнают о правде, которая течет по его жилам, его убьют. Надо прятаться, вот только как...

Удинаас улегся на матрац и закрыл глаза. Над ним проносились звуки и запахи из большого зала.

Сегодня он будет работать рядом с Пернатой Ведьмой. Она приходила к нему тогда, во сне. Больше возможности поговорить с ней не представилось. Да и непохоже, что она хотела вызвать его на разговор. Помимо неравенства в их положении, она видела в нем кровь вивала – так она сказала во сне. *Или это была вовсе не она, а всего лишь колдовство моего собственного разума, пыль в глаза.* Все же нужно с ней поговорить, если получится.

Половики вытащили на улицу и развесили на столбах. Удары палок, которыми рабы выбивали пыль, звучали, как далекий глухой гром.

Среди мыслей и пустых размышлений, куда делся тень-призрак, Удинааса одолел сон.

Он – ничто, бесформенный сгусток чувств. Во льду. Синий, темный мир, исполосованный зеленым, усыпанный гравием и песком, пахнущий холодом. Ледяные потоки ползут друг на друга с невнятным ворчанием. Преломленный солнечный свет прогревает глубины, где тепло копилось, пока громовой хлопок не сотрясал мир.

Удинаас тек по этому замерзшему пейзажу, который для любого наблюдателя нижнего мира застыл в бездвижье и безвременье. Никакого давления, никакого веса и неизмеримых сил не было явлено до последнего момента, когда все *сломалось*.

Во льду были фигуры. Тела, поднятые с земли далеко внизу и застывшие в нелепых позах. Вокруг ран – облака брызг крови. Потоки желчи и выделений. Удинаас путешествовал сквозь сцены бойни. Тисте эдур и темнокожие. Громадные рептилии, некоторые с клинками вместо передних лап. В неисчислимых количествах.

Проплывая мимо места, где тела рептилий сбились в плотную массу, Удинаас вдруг отдернулся. Гейзер растаявшей воды ударил из льда прямо перед ним, пробившись среди трупов. Розовая, мутная вода вырывалась рывками, словно ее качало глубокое подземное сердце.

И вода была ядом.

Удинаас неся сквозь лед, наталкиваясь на окаменевшие трупы. По изогнутым трещинам, свободным от тел. По прямым каналам.

Большие существа с бурой шерстью застыли стоя, из пастей торчали зеленые растения. Целые стада висели над черной землей. Белые бивни и блестящие глаза. Пучки нащипанной травы. Длинные тени – волки, крутоплечие, серые – пойманные в прыжке, рядом с громадным рогатым зверем. Снова сцена бойни, жизнь, запечатленная в момент катастрофы, яростно хлынувшие моря, бездыханный холод, прорезающий плоть до кости.

Мир... сам мир предает. Странник побери, как такое возможно?

Удинаас знал многих, для кого единственным богом была определенность, неважно в каком обличье. Подобная религия упрощает мир, когда все рассекается скальпелем холодного суждения, и починить уже невозможно. Он видел подобную определенность, хотя никогда не разделял ее.

Но он всегда считал, что сам мир... неоспорим. Не замерший – никогда не замирающий, – однако доступный пониманию. Несомненно, он бывает жесток, смертелен... *но почти всегда видишь, что тебя ждет.* Существа, замороженные в прыжке. Существа, стоящие и жующие траву. Это за границей понимания. *Чародейство. Несомненно.* И все равно, какая чудовищная сила, ведь ясно, что мир и все живущее естественным образом сопротивляется чародейству. Это очевидно, иначе маги и боги давным-давно изменили бы мир и нарушили равновесие. Поэтому земля должна сопротивляться. Звери, живущие на ней, должны сопротивляться. Поток воздуха, глоток воды, растущая трава и жужжащие насекомые – все должны были сопротивляться.

И проиграли.

Потом в глубине возникло нечто. Припавшая к земле каменная башня. Тонкий узкий прорез обозначал дверь, и Удинаас двигался к ней через твердый лед.

В темный портал.

Раздался грохот, и Удинаас, внезапно обретший плоть, упал на колени. Лед содрал кожу с колен и ладоней. Удинаас выпрямился и задел плечом что-то шаткое.

Жестокий стылый воздух жалил легкие. Сквозь замерзающие слезы он увидел в голубом сиянии высокий силуэт. Кожа словно отбеленный пергамент, конечности слишком длинные, со множеством суставов. Черные ледяные глаза, выражение легкого удивления на лице. Из одежды – только сбруя из полосок кожи. Оружия нет. Мужчина, если вообще человек.

А потом Удинаас заметил разбросанные на полу вокруг фигуры скрюченные трупы. Темная зеленоватая кожа, клыки. Мужчина, женщина, два ребенка. Тела изувечены, сломанные кости торчат из плоти. Судя по положению тел, убил их белокожий.

Удинаас невольно содрогнулся.

– Сушенный! Тень-призрак! Ты со мной?

Тишина.

Сердце заколотилось в груди. На сон не похоже – слишком все реально. Он не ощущал несоответствий, не был уверен, что тело его лежит на тюфяке в большом доме эдур.

Он здесь, замерзает.

Здесь. В глубине льда, в мире секретов, где время остановилось.

Он повернулся и посмотрел на дверь.

И только сейчас увидел следы на покрытых изморозью плитках. Следы вели наружу. Следы босых ног, детских.

Чувствуя, как слабеют руки и ноги, Удинаас двинулся по следам. Мимо стоящей фигуры. Тут он обратил внимание, что затылок человека пробит. Волосы и кожа едва держались на осколках черепа, свисавших к шее. Какой-то кулак пробил голову, пронзив серую губку мозга.

Дыра выглядела неожиданно свежей.

Маленькие следы показали, что ребенок подошел к фигуре сзади – нет, *появился* сзади, ведь других следов не было. Появился... *зачем? Добраться до черепа мертвого?* Но фигура высотой с эдур. Ребенку пришлось бы карабкаться.

Мысли путались. Удинааса охватывала приятная слабость от созерцания ужасной загадки. И тянуло в сон. Сон, от которого хочется спать. *Сон, который убьет.* Найдут замерзший труп на тюфяке? Сочтут предзнаменованием?

Ладно, идем по следам... в этот серебряный мир. А что еще оставалось?

Последний раз окинув взглядом неподвижную сцену давнего убийства и недавнего осквернения, Удинаас медленно шагнул в дверь.

Его окружило серебро, со всех сторон хлынули звуки. Битва. Крики, звон оружия. Но ничего не видно. Слева накатила волна жара, принесящая какофонию нечеловеческих криков.

Земля ушла из-под ног, звуки стихли, пропали где-то далеко внизу. Выл ветер, и Удинаас понял, что летит на кожистых крыльях. Похожие на него существа поднимались в восходящих потоках – теперь, выбравшись из облака, он их видел. Серые тела размером с быка, мускулистые шеи. Передние и задние лапы с когтями. Длинные покатые головы, челюсти демонстрируют ряды зубов, похожих на кинжалы. В глазах цвета глины вертикальные зрачки-щелки.

Локи Вивал, так нас зовут. Порождение Старвальда Демелейна, жалкие отпрыски, которых никто не захочет признать. Мы как мухи над гниющими блюдами пира, над одним царством за другим. Д'истал Вивалла, Энкар'ал, Трол, мы нашествие демонов в тысячах пантеонов.

Дикое торжество. Не только в любви можно благоденствовать.

Сильный порыв ветра оттолкнул его и родичей в сторону. И он что-то увидел.

Элейнт! Одиночник, но как много драконьей крови. Крови Туам.

Белые чешуйки, красные пятна от рваных ран... Перед ним возник непостижимо громадный дракон, за которым увязались вивалы.

Удинаас знал его имя.

Силкас Руин. Тисте анди, который вслед за братом испил крови Туам; испил вдоволь. Намного больше, чем Аномандр Рейк. Тьма и хаос. Он мог бы принять на себя бремя божества... если бы представился случай.

Удинаас понял, что ему предстоит увидеть. Встречу на вершине холма далеко внизу. Предательство. Тень погубит честь, нарушив клятвы. Нож в спине и крики вивалов тут, в крученых небесах над полем боя. Тень-призрак не лгал. В итоге эдур поработили дух тисте анди. Вера обернулась ложью, в неведении таилась слабость. Праведность эдур покоилась на зыбучем песке.

Силкас Руин. Оружие тех дней обладало ужасной силой, но было повержено – убийственным криком Матроны к'чейн че'маллей.

Серебряный свет замерцал. Удинааса скрутило, и он понял, что лежит на тюфяке в доме Сэнгаров.

Кожа на ладонях и коленях была содрана. Одежда промокла от растаявшего инея.

Голос из тени пробормотал:

– Я хотел отправиться следом, но не смог. Ты был далеко.

Сушенный... Удинаас повернулся на бок.

– Место бойни, – прошептал он. – Я был там. Чего ты хочешь от меня?

– Чего хотят все, раб? Бежать. От прошлого, своего прошлого. Я покажу тебе путь.

Кровь вивала защитит тебя...

– От эдур?

– Предоставь эдур мне. А теперь готовься. Сегодня у тебя есть дела.

Истощенный и разбитый, Удинаас поднялся с тюфяка.

В сопровождении двух рабов Майен переступила порог и, сделав еще два шага, остановилась. Стройная, как ива, с кожей, темнее, чем у многих, и с зелеными глазами. В длинных коричневых волосах поблескивали бусинки из оникса. Традиционный жакет из серебристого меха котика и широкий пояс из перламутровых ракушек. На запястьях и лодыжках – браслеты из китового уса.

Трулл Сэнгар видел в глазах Майен осознание собственной красоты. Что-то темное сквозило в ее взгляде, словно она вовсе не против с помощью красоты добиться высокого положения и вместе с ним свободы – пусть и грозящей неприятностями – потакать своим желаниям.

Желания были разнообразны и говорили не о достоинствах, а о пороке. И вновь Трулла одолели сомнения, когда он наблюдал, как мать походит к Майен, чтобы произнести торжественное приветствие.

Прислонившись спиной к стене, Трулл взглянул на Фира. Выражение лица брата выдавало тревогу, но неизвестно, чем она вызвана – предстоящим наутро походом или неясным будущим его народа. Рядом Рулад пожирал глазами Майен, словно одно только ее присутствие утоляло его зверский аппетит.

А Майен смотрела на Урут.

Она впитывает. Как находится в центре внимания. Сумрак спаси, я что, с ума сошел – такие мысли лезут из темных закоулков души?

Формальные приветствия завершились. Урут отошла в сторону, и Майен поплыла вперед, к столу из черного дерева, на котором уже ожидала первая перемена блюд. Майен заняла место напротив Томада, сидящего во главе. Слева от нее сел Фир, справа – Урут. За Урут сидел Бинадас, за Фиром – Трулл. Рулад сел справа от Бинадаса.

– Майен, – обратился Томад, когда она села, – добро пожаловать к очагу Сэнгаров. Жаль, что не скоро все мои сыновья вновь окажутся вместе за этим столом. Их отправляет в поход колдун-король, и я молюсь об их благополучном возвращении.

– Я привыкла считать, что ледяные поля не таят большой опасности для воинов эдур, – ответила Майен. – Но я вижу тяжесть и озабоченность в вашем взгляде, Томад Сэнгар.

– Беспокойство старого отца, – сказал Томад с легкой улыбкой. – Только и всего.

Заговорил Рулад:

– Арапаи редко отваживаются заходить на ледяные поля – боятся призраков. Лед может ослепить, а холод высасывает жизнь, как кровотечение из невидимой раны. Говорят, там есть и звери...

– Мой брат, – вмешался Фир, – мечтает добыть громкую славу, Майен, чтобы ты смотрела на нас с благоговейным изумлением.

– Боюсь, он заразит меня только ужасом, – ответила она. – Теперь меня будет беспокоить ваша судьба.

– Мы готовы ответить на любое нападение! – торопливо воскликнул Рулад.

Оторвать бы длинный язык неокропленному идиоту.

Снова наполнили винные кубки, и заговорила Урут:

– Если не знаешь, чего ищешь, осторожность – самые надежные доспехи. – Она повернулась к Бинадасу. – Из нас только ты осмеливался заходить за восточные границы земель арапаев. Какие опасности ждут на ледяных полях?

Бинадас нахмурился.

– Старое чародейство, мать. Но оно, похоже, спит... Во льдах живет племя охотников – сам я их не встречал, но следы видел. Арапаи говорят, что те охотятся по ночам.

– Охотятся на кого? – спросил Трулл.

Брат пожал плечами.

– Нас будет шестеро, – сказал Рулад. – Мы и Терадас и Мидик Буны, а мастерство Терадаса известно всем. Хоть он и неокропленный, – добавил Рулад, – Мидик почти равен мне в мече. Ханнан Мосаг думал, когда выбирал воинов – сынов Томада Сэнгара.

Последние слова повисли в воздухе, словно перегруженные возможными значениями. Так действовала отравка подозрения. У женщин, Трулл знал, были свои убеждения, и теперь они, возможно, смотрели на шестерых воинов с сомнением, пытаясь угадать намерения Хан-

нана Мосага, угадать, почему он выбрал именно этих. Фир тоже думал о своем, зная то, что он знал, *что теперь знаем мы все – Сэнгары.*

Трулл чувствовал сомнения и попытался разобраться в себе. В конце концов, Фир, главный оружейник всех племен, получил приказ преобразовать армию эдур. От главного оружейника – в главного воеводу. Странно рисковать Фиром Сэнгаром. А Бинадас всеми признан одним из самых сильных чародеев союза племен. Вместе Фир и Бинадас были главными в завоевательных кампаниях, а Терадас Бун – непревзойденный командир при атаках с моря. *Из участников экспедиции наименее ценные – я, Рулад и Мидик.* Так все дело в доверии?

И что это за дар, который они должны добыть?

– В последнее время случались несчастливые события, – сказала Майен, взглянув на Урут.

Трулл заметил, как нахмурился его отец, но Майен, прочитав одобрение на лице Урут, продолжила:

– Призраки ходили во тьме в ночь бодрствования. Непрошенные, нарушители в наших святых местах; тени бежали от них.

– Впервые о таком слышу, – сказал Томад.

Урут взяла кубок и подставила слуге – чтобы наполнил.

– И все же это правда, муж. Ханнан Мосаг и его к’риснан пробудили глубокие тени. Начинается прилив перемен – и скоро, боюсь, нас сметет.

– Именно мы поднимемся с этим приливом! – возразил Томад, темнея лицом. – Сомневаешься в победе, жена?

– Я говорю только о приближающейся Большой Встрече. Разве не наши собственные сыновья рассказали о ком-то из глубин, кто забрал души летерийских охотников на тюленей? Когда эти корабли доберутся до гавани в Трейте, как, по-твоему, отреагируют летери? Мы начали танец войны.

– Если бы было так, – возразил Томад, – не было бы смысла вести с ними переговоры.

– Разве только для одного, – вмешался Трулл, вспомнив, что сказал отец, когда Трулл вернулся от лежбищ Калача. – Чтобы оценить их намерения.

– Все уже давно оценено, – сказал Фир. – Летери попытаются сделать с нами то же самое, что они сделали с нереками и тартеналами. Большинство из них не видят ошибок или моральных преступлений в прошлых деяниях. А те, кто видят, не могут или не хотят спорить с методами, а интересуются лишь целью; они обречены повторять ужасы и трактовать результат – любой – как проверку твердых принципов. Даже если кровь будет литься рекой вокруг, они будут обсуждать детали.

– Значит, быть войне, – прошептал Трулл.

– Война идет всегда, брат, – ответил Фир. – Духом, словом и мечом: история пропитана нескончаемыми столкновениями.

– И треском костей, – сказал Рулад с улыбкой человека, знающего тайну.

Напрасно он задавался, поскольку Томад не мог такого спустить и наклонился вперед.

– Рулад Сэнгар, ты говоришь, как слепой старик с мешком теней. Так и хочется подтащить тебя по столу сюда и стереть самодовольство с твоей физиономии.

Трулла прошиб пот. В лице брата не осталось ни кровинки. *Отец, ты нанес рану более глубокую, чем можешь представить.* Взглянув на Майен, Трулл с удивлением заметил в ее взгляде жадный интерес, злость и почти неприкрытый восторг.

– Я не так молод, отец, – хрипло сказал Рулад, – и ты не так стар, чтобы такие слова...

Кулак Томада обрушился на стол; чашки и тарелки подпрыгнули.

– Тогда говори, как мужчина, Рулад! Поведай нам о том ужасном знании, которое расширяет тебя уже неделю! Или предпочитаешь по-бабьи вилять бедрами? Думаешь, ты первый молодой воин, которого тянет к женщинам? Похоть, сын, плохой помощник...

Рулад вскочил на ноги, лицо перекосило гневом.

– И какую сучку ты положишь мне в постель, отец? Кому ты меня пообещал? Во имя кого? Ты посадил меня на цепь в этой деревне и смеешься, если я пытаюсь сорваться. – Рулад оглядел всех и остановил взгляд на Трулле. – Когда начнется война, Ханнан Мосаг принесет жертву. Он должен. Будет перерезано горло, чтобы окропить нос первого корабля. Он выберет меня?

– Рулад, – сказал Трулл, – я ничего об этом не слышал...

– Выберет! Я буду спать с тремя Дочерьми! Шелтата Лор, Сукул Анкаду и Менандор!

Тарелка выскользнула из рук раба и раскололась о стол, моллюски рассыпались. Когда раб кинулся наводить порядок, Урут схватила летерийца за запястья и резко вывернула его ладони.

С красных, блестящих ладоней была содрана кожа.

– В чем дело, Удинаас? – грозно спросила Урут, дернув раба к себе.

– Я упал, – ответил, ахнув, летериец.

– И капает кровью в нашу еду? Ты потерял разум?

– Госпожа! – осмелился сказать другой раб, протиснувшись поближе. – Я видел: когда он пришел, никаких ран не было, клянусь!

– Это он боролся с вивалом! – закричал другой, отшатываясь в ужасе.

– Удинаас одержим! – завизжал еще один раб.

– Тихо! – Урут положила ладонь на лоб Удинаасу и сильно нажала.

Чародейство обвило раба. Он задергался, сделал шаг и упал к ногам Урут.

– Ничего в нем нет, – сказала она, убирая дрожащую руку.

Заговорила Майен:

– Пернатая Ведьма, займись рабом Урут.

Юная летерийка метнулась вперед. Другой раб помог оттащить бесчувственное тело.

– Не вижу ничего ужасного в действиях раба, – продолжила Майен. – Раны действительно свежие, но он обернул руки тканью. – Она подняла тарелку, открыв беленое полотно, которым Удинаас обернул руки.

Урут хмыкнула и медленно села.

– Все равно, он должен был мне сказать. И за такой проступок должен быть наказан.

– Вы только что залезли к нему в голову, – ответила Майен. – Этого недостаточно?

Молчание.

Дочери нас побери, интересный будет год. Один год, как требует традиция, а уж потом Фир и Майен поселятся в собственном доме.

Урут взглянула на молодую женщину и, к удивлению Трулла, кивнула.

– Хорошо, Майен. Ты сегодня гостя, и я исполню твои желания.

Все это время Рулад оставался на ногах, но теперь медленно сел на место.

Томад сказал:

– Рулад, мне неизвестно о планах возродить древнюю традицию кровавого жертвоприношения при объявлении войны. Ханнану Мосагу не наплевать на жизнь его воинов, даже неокропленных. С чего ты взял, что тебя ждет такая судьба? Возможно, – добавил он, – в вашем путешествии тебе представится возможность стать окропленным воином и стоять с гордостью рядом с братьями. За это я буду молиться.

Пожелание славы, несомненно, было попыткой примирения, и Рулад с неожиданной мудростью просто кивнул.

Ни Пернатая Ведьма, ни Удинаас больше не появились, но оставшихся рабовхватило, чтобы прислуживать за столом.

А Трулл никак не мог понять Майен, нареченную Фира.

Сильный шлепок – и он открыл глаза.
И тут же увидел склонившееся к нему полное ярости лицо Пернатой Ведьмы.
– Проклятый идиот! – прошипела она.
Моргая, Удинаас огляделся. Они были в его спальном закутке. Из-за тряпичного занавеса доносились тихие звуки застольных разговоров.
Удинаас улыбнулся.
Пернатая Ведьма нахмурилась.
– Она...
– Знаю, – прервал он. – И ничего не нашла.
Ее прекрасные глаза распахнулись.
– Так это правда?
– Наверное.
– Ты лжешь. Удинаас. Вивал спрятался. Не знаю как, не знаю где... он укрылся от Урут.
– Почему ты уверена, Пернатая Ведьма?
Она вдруг села прямо.
– Неважно...
– Ты видела сны?
Она замерла, потом отвернулась.
– Ты сын должника. Ты для меня никто.
– А ты для меня все, Пернатая Ведьма.
– Не будь дураком, Удинаас! Все равно что мне обручиться с трюмной крысой!.. Теперь молчи, мне надо подумать.
Он сел, вновь оказавшись с ней лицом к лицу.
– Не нужно. Я доверяю тебе и объясню. Она заглянула действительно глубоко, однако вивал ушел. Все было бы иначе, если бы Урут проверила мою тень.
Она заморгала, поняв.
– Не может быть... Ты летиерец. Тени служат только эдур...
– Тени преклоняют колени, потому что обязаны. Они такие же рабы эдур, как и мы, Пернатая Ведьма. Я нашел союзника...
– И чем все кончится, Удинаас?
Он снова улыбнулся, на сей раз гораздо более хмуро.
– Вот это я вполне представляю. Выплатой всех долгов, Пернатая Ведьма. До последнего.

Книга вторая. Дороги дня

*Мы заперты в возрасте
нашей юности
и тащимся по дорожным камням,
усталые и нагруженные
вашими желаниями.
И неподкованные копыта стучат под костями,
напоминая нам о каждом
зловещем знамени
на холмах, где вы засеяли
мерзлыми семенами
мертвую почву.
Глотая землю
и грызя удила,
мы стремимся в небо, так одиноки
на своем изъеденном пути,
переставляем вспухшие ноги,
и железные звезды сверкают на ваших пятках,
подгоняя нас,
напоминая о вашем жестоком укусе.*

Боевые кони (сыновья отцам). Рыбак кель Там

Глава шестая

*Странник меняет судьбу,
Когда невидимые доспехи
поднимаются, чтобы отбить клинок
на поле внезапной
схватки, и толпа
мечется, слепая, лишенная глаз
в этих битвах,
где темные дураки пляшут на плитках,
и случай позволит копью
из красной бронзы
нанизывать миры, как черепа,
один за другим,
пока моря не прольются,
чтобы укрепить закованные в металл кулаки,
и это Странник,
который правит судьбами
безошибочно
на груди человека.*

Заклинание плиток. Седа Анкаран Кван (1059 год сна Огни)

Башня Тарансед возвышалась на южном берегу гавани Трейта. Высеченная в базальтовой скале, далеко не образец элегантности и изящества, она торчала шишковатой семи-

этажной рукой над искусственным каменным островом. Со всех сторон на нее обрушивались волны, заполняя воздух пеной. Не было ни окон, ни дверей, только гладкие пластины из обсидиана были вставлены по кругу на верхнем уровне – высотой в рост человека и примерно такой же ширины.

Девять похожих башен были установлены вдоль границ, но только башня Тарансед возвышалась над суровыми водами северного моря.

Гаснувший солнечный свет слабо отражался в обсидиановых пластинах. С десятков рыбацких лодок неслись по беспокойным водам к заливу, обходя отмели на юге. Рыбаки шли далеко от морских путей и не обратили внимания на три корабля, появившихся на севере с раздутыми парусами и направлявшихся к гавани в сопровождении неугомонных чаек.

Корабли приблизились, и от главного пирса навстречу им направился лоцманский ялик.

Три промысловых корабля отражались в обсидиановых пластинах башни, скользя в непонятной зыби, а чайки чертили вокруг белые полосы.

Весла внезапно врезались в воду, табаня и разворачивая ялик.

Среди такелажа первого корабля возникли силуэты. Паруса, туго наполненные ветром, вдруг заполоскали. Силуэты, смутно напоминающие людей, реяли на ветру, словно черные знамена в сгущающейся тьме. Чайки с резкими криками понеслись прочь.

На ялике забили в тревожный колокол.

Ни один моряк не относился и не относится легкомысленно к голодным морским глубинам. Древние духи путешествуют в темных потоках, недоступных солнечному свету, и баламутят ил, похоронивший историю под бесконечными слоями равнодушной тишины. Сила духов безмерна, аппетит ненасытен. Все, что опускается из освещенного мира, попадает в их объятия.

Любой моряк знает, что поверхность моря призрачна и ненадежна, причудливый рисунок на постоянно меняющейся доске, а искру жизни легко гасят демонические силы, которые могут подняться из далеких глубин, чтобы встряхнуться и тем перевернуть мир.

Спасали искупительные жертвы, молитва, чтобы проскочить незамеченным. Кровь перед форштевнем, пляшущие дельфины по правому борту и плевок, чтобы вызвать нужный ветер.левой рукой подтирать, правой сушить. Швартовы на кнехты против солнца, выбеленные солнцем тряпки на цепи плавучего якоря. Определенные жесты, освященные традицией, – все для того, чтобы благополучно пересечь море.

Никто не желал обращаться к мудреным духам из разрушенных водой долин, не знающих света. Вовсе ни к чему быть им обязанным. Их сердца бьются по лунному циклу, их голос – ревущая буря, а крылья могут распахнуться от горизонта до горизонта, вздымая стену воды с белыми прожилками, которая сметает все на своем пути.

Под волнами гавани Тейта, неся на спине три мертвых корабля, связанный дух стремился в холодных потоках к берегу. Поднявшись из глубин, освобожденное от большого давления существо увеличивалось в размерах и толкало перед собой теплые воды залива; мелкую рыбешку и рачков выбрасывало волнами на мелководье, суля чайкам и береговым крабам неожиданный пир. Пристань, только что забитая молчаливыми наблюдателями, превратилась в толчею спасающихся фигур, по улицам, ведущим прочь от залива, неслись люди, сбиваясь в плотную, задыхающуюся массу.

Борта кораблей с грохотом ткнулись в берег.

Дух покинул бухту. Оставив за собой опустошение.

Отражаясь в обсидиане, первый корабль еще некоторое время двигался вдоль пирса и, наконец, со скрипом замер. Белые хлопья чаек осели на палубу, чтобы приступить к пиру.

Башня Тарансед молча наблюдала за происходящим; гладкие плитки у вершины впитывали мельчайшие подробности, несмотря на уже совсем слабый свет.

А в зале под старым дворцом в городе Летерасе седа Куру Кван наблюдал. Перед ним лежала плитка, такая же, как на башне над далекой гаванью Трейта; когда огромная черная тень, заполнившая бухту и большую часть залива, медленно отступила, чародей сморгнул пот с глаз и продолжил смотреть на три промысловых корабля у пирса.

Чайки и сгущающаяся темнота мешали разглядеть много, виднелись только трупы на палубах.

Но Куру Кван увидел достаточно.

Из пяти крыльев Вечного дома завершены были только три. Готовые крылья состояли из широких коридоров со сводчатыми позолоченными потолками. Между изящными воздушными арками с двух сторон по всей длине коридоров располагались двери в залы, служившие кабинетами или жилыми комнатами обслуживающему персоналу Королевского двора. Ближе к центру в смежных комнатах надлежало разместить охрану, оружейные и люки в секретные подземные проходы, окружавшие весь дворец – сердце Вечного дома.

Впрочем, сейчас эти туннели были заполнены по грудь грязной водой, в которой плавали крысы – без всякой цели, исключительно для удовольствия. Брис Беддикт стоял на третьей от мутного потока ступеньке и следил, как снуют туда-сюда в сумраке крысиные головки. Рядом стоял дворцовый инженер, покрытый подсыхающей грязью.

– Насосы почти бесполезны, – объяснял инженер. – Мы ставили толстые шланги, мы ставили тонкие, – все равно. Как только начинает нормально сосать, внутрь попадает крыса или сразу десяток, и все закупоривается. А вода прибывает, хотя строители клянутся, что мы выше горизонта грунтовых вод.

– Думаю, седа согласится дать вашей команде мага.

– Было бы очень кстати, финадд. Нам только и нужно – на время сдержать поток, чтобы вычерпать воду; тогда спустятся крысоловы и изведут зверюг. Вчера мы потеряли Ормли, лучшего крысолова во дворце. Утонул – идиот так и не выучился плавать. Если бы Странник отвернулся, мы бы успели подобрать не только кости. Крысы знают, если попадается крысолов.

– Туннели чрезвычайно важны для короля...

– Ну, пока они затоплены, вряд ли кто в них сунется...

– Да не для прохода убийц! – отрезал Брис. – Туннели позволят охране быстро добраться до места прорыва наверху.

– Я просто пошутил, финадд. Можно, конечно, из гвардейцев набрать быстрых пловцов... Нет, молчу. Дайте нам мага, чтобы все разнюхал и рассказал, что происходит, и чтобы остановил воду, – а дальше уже мы сами.

– Если только, – сказал Брис, – все это не говорит об оседании...

– Как в других крыльях? Никакой просадки нет – мы бы легко определили. Все равно – как говорится, нужен свежий взгляд. Неподалеку работает новая строительная компания, какой-то дурак купил соседние земли. И ходят слухи, что они придумали, как укреплять здания.

– Серьезно? Ничего не слышал.

– Гильдии, ясное дело, недовольны, ведь эти выскочки нанимают неприкасаемых – записных мятежников. Платят им меньше среднего жалованья, хотя, полагаю, это единственное, что говорит в их пользу. Но пока они так платят, гильдии не могут их прикрыть. – Инженер пожал плечами и начал собирать кусочки высыхающей глины с предплечий, морщась, когда выдирал волосы. – Конечно, если королевские архитекторы решат, что подпорки Бутга работают, тогда доходы компании подскочат до небес.

Брис медленно повернулся лицом к инженеру.

– Бугга?

– Проклятье, нужно принять ванну, посмотрите на мои ногти... Да, «Строители Бугга». Значит, там должен быть Бугг. А то почему бы назвали компанию «Строители Бугга»?

Рабочий на нижней ступеньке вскрикнул, потом завопил. Живо вскарабкавшись наверх, он повернулся и ткнул пальцем.

Туча крыс – во всю ширину коридора – двигалась в свете ламп, словно плот, к лестнице. А в их центре – увидев это, рабочий снова завопил, а инженер выругался – плыла человеческая голова: седые с желтизной волосы, бледное морщинистое лицо и высокий широкий лоб над распахнутыми, близко посаженными глазами.

– Странник спаси, – ахнул рабочий, – это Ормли!

Глаза мигнули, и голова начала подниматься, а за ней – ближайšie крысы; они свисали с плеч, и с них текла вода.

– А кого, во имя Обители, ты ждал? – рывкнуло явление, затем откашлялось и харкнуло слизью в бурлящую воду. – Видал трофеи? – спросил Ормли, разводя руки, под громадным плащом из крыс. – Веревками за хвостики. Только тяжелый, сволочь, когда намокает.

– Мы думали, ты умер, – пробормотал инженер, будто жалея, что ошибся.

– Ты *думал*. Все время *думаешь*, да, Грюм? Думаешь, крысы меня напугали? Думаешь, я решил утонуть? Туды твою в Обитель, я крысолов – и не какой-нибудь там. Они меня прекрасно знают. Каждая крыса в этом проклятом городе знает Ормли Крысолова!.. А это кто?

– Финадд Брис Беддикт, – представился сам королевский поборник. – Вы добыли впечатляющую коллекцию трофеев, крысолов.

Глаза человека довольно блеснули.

– Еще бы! Хотя лучше, когда она плывет. А так – жутко тяжело.

– Так вылезайте из-под нее, – предложил Брис. – Инженер Грюм, по-моему, крысолову Ормли полагается щедрое угощение, вдоволь вина и свободный вечер.

– Да, господин.

– А о вашей просьбе я поговорю с седой.

– Спасибо.

Брис покинул площадку. Да, весьма сомнительно, что Вечный дом будет готов к наступлению Восьмой эпохи. Население, похоже, не интересовалось предстоящими празднованиями. Сколько бы в историях ни мусолились предсказания о славной империи, которой суждено возродиться меньше чем через год, на деле мало что в настоящее время говорило о возрождении – и в экономическом смысле, и в военном. Если и были какие ощущения, так это легкое беспокойство, связанное с приближающимися переговорами с племенами тисте эдур. Риск и возможность; для летери это были синонимы. И все равно, война всегда неудобство, хотя до сих пор войны приводили к удовлетворительным итогам. Так риск ведет к возможностям, и мало кто думает о побежденных.

Племена эдур сейчас объединились? Ну что ж, подобные союзы возникали и в прошлом, чтобы противостоять замыслам летери, однако ни один не устоял перед стратегией разделения. За золото вновь и вновь покупались предатели. Союзы дробились, и враг проигрывал. С чего бы на этот раз было по-другому?

Брис задумался над самодовольством, присущим его народу. Он был уверен, что не обманывается в чувствах публики. Нервы напряжены, но лишь слегка. Рынки стоят крепко. И будничные стремления людей, для которых главное – владеть, не ослабевают.

Зато во дворце эмоций было через край. Пророчества седые обещали Летеру кардинальные перемены. Куру Кван путано говорил о каком-то Восхождении. О преображении... *от короля к императору*, хотя как именно это произойдет, еще предстояло увидеть. Присоеди-

нение тисте эдур и их богатых земель, несомненно, вызовет прилив энергии и обеспечит безумную выгоду. Победа подтвердит правоту летери и их образа жизни.

Брис вышел из Второго крыла и направился к Узкому каналу. День близился к полудню. С самого утра Брис занимался – фехтовал со свободными от дежурства гвардейцами в зале за казармами, потом позавтракал в дворцовом ресторане у канала Квилласа, радуясь недолгому одиночеству. Впрочем, удаленность от дворца – позволительная, потому что король отправился с визитом к первой наложнице и не объявится раньше вечера, – оказалась невидимым поводком, который постепенно натягивался, пока Брис не ощутил потребность вернуться к своим обязанностям и провести инспекцию Вечного дома. А потом – обратно в старый дворец.

Там, пройдя в главные ворота к большому залу, он обнаружил суматоху.

С бьющимся сердцем Брис подошел к ближайшему охраннику.

– Капрал, что произошло?

Охранник отдал честь.

– Точно не знаю, финадд. Как я слышал, известия из Трейта. Эдур погубили нескольких летерийских моряков. Грязным чародейством.

– Что король?

– Назначил совет через два удара колокола.

– Спасибо, капрал.

Брис двинулся дальше по дворцу и дошел до внутренних палат. За тучей метавшихся по центральному коридору слуг и посыльных он увидел канцлера Трибана Гнола, который шепотом оживленно беседовал с несколькими приближенными. Его темные глаза скользнули по Брису, но он не замолчал. За канцлером Брис заметил консорта королевы, Турудала Бризада, который безмятежно прислонился к стене; на его мягких, женственных губах играла легкая улыбка.

Бриса почему-то постоянно беспокоил этот человек, и вовсе не из-за его должности консорта Джаналл. Он молчаливо присутствовал даже на совещаниях по поводу очень тонких государственных вопросов и постоянно наблюдал, прикрываясь маской безразличия. Было известно, что он делит постель не только с королевой, – знала ли об этом сама Джаналл, стало темой пересудов придворных. И, по слухам, среди любовников консорта был канцлер Трибан Гнол.

Что ни говори, гадюшник.

Дверь в кабинет первого евнуха была закрыта и охранялась двумя личными рулитами – евнухами-телохранителями, высокими мужчинами без капли лишнего жира. Глаза были густо подведены, красная помада придавала лицам недовольную гримасу. Единственным их оружием была перевязь кривых ножей, укрытых под сложенными руками, а если были на них какие-то доспехи, то они скрывались под длинными малиновыми рубахами и коричневыми шароварами. Охранники были босы.

Оба коротко поклонились и разошлись в стороны, пропуская Бриса.

Он поправил кисточку аксельбанта и тут же услышал, как пробил час в палате.

Дверь со щелчком раскрылась.

Нифадас в одиночестве стоял у стола, покрытого свитками и развернутыми картами.

– Королевский поборник. Я ожидал вас.

– Мне показалось, я обязан прийти к вам, первый евнух.

– Именно так. – Немного помолчав, Нифадас продолжил: – Верования складываются в официальную религию страны, но эти верования и эта религия на самом деле – всего лишь тонкая позолота на очень древних костях. Ни одна страна не уникальна и не исключительна. Очень опасно заявлять о собственной чистоте – по крови или по происхождению. Летери богатеют за счет пожирания меньшинств – лишь бы пищеварение не пострадало. И все же,

финадд, признаюсь в своем невежестве. Дворец изолирует обитателей и дает мало информации. Мне хотелось бы знать, во что верят люди, что думают.

– Не могли бы вы уточнить, первый евнух?

– О морях. Об обитателях глубин. О демонах и древних богах, Брис.

– Тисте эдур называют темные воды владением Галейна, который относится к царству Тьмы. Тартеналы, как я слышал, представляют все моря единым существом с бесчисленными конечностями – они вдаются в сушу реками и ручьями. Нереки страшатся моря как загробного мира, где покойник вечно тонет – эта судьба ожидает предателей и убийц.

– А летери?

Брис пожал плечами.

– Куру Кван знает больше меня, первый евнух. Моряки боятся моря, но не поклоняются ему. Они приносят жертвы в надежде уцелеть. В морях надменный страдает, а выживает только мягкий, хотя поговаривают, что если переборщить с самоуничижением, голод внизу раздражается и злится. Приливы и течения задают ритмы, которым нужно следовать; этим отчасти объясняются суеверия и ритуалы у тех, кому приходится путешествовать морем.

– А этот... голод внизу... он как-то относится к Обителям?

– Не знаю, первый евнух.

Нифадас посмотрел на Бриса полуприкрытыми глазами.

– Вам не кажется это странным, финадд Беддикт? Летери – потомки колонистов, прибывших сюда из Первой империи. А Первая империя была разрушена – блаженный край превратился в безжизненную пустыню. Но именно в Первой империи были впервые открыты Обители. Конечно, Пустая Обитель обнаружилась позже, по крайней мере, для нас. Так что же, мы должны понимать так, что древние верования выжили и были перенесены в новую землю многие тысячелетия назад? Или наоборот – местная земля и прилегающие моря создают свой набор верований? Тогда это серьезный довод в пользу существования реальных богов.

– Однако и в этом случае, – ответил Брис, – нет доказательств того, что боги вмешиваются в дела смертных. Вряд ли моряки относятся к голоду, о котором я говорил, как к богу. Скорее как к демону.

– Постичь непостижимое... все мы пытаемся это сделать. – Нифадас вздохнул. – Финадд, моряки независимых промысловых судов были убиты. Три корабля остались на плаву и вернулись в Трейт, набитые теньями эдур; но по морю их несло не море. Демон, вроде того, которым клянутся моряки... и все же нечто большее – так считает седа. Вы знакомы с верованиями фараэдов? Они передаются из уст в уста; если они перечисляют поколения точно, и это не просто поэтический прием, то традиция действительно древняя. У фараэдов в центре мифа творения – Старшие боги. Каждый именован и возвышен – злобный пантеон неприятных персонажей. Так или иначе, среди них есть Старший бог морей, Житель глубин. Его имя – Маэль. Более того, у фараэдов Маэль появляется в самых древних сказаниях. Однажды он прошел по этой земле, финадд, в физическом облике, после гибели Эпохи.

– Эпохи? Какой Эпохи?

– Времени до появления фараэдов, наверное. Там много... противоречий и темных мест.

– И седа Куру Кван считает, что демон, принесший корабли, – это Маэль?

– Если так, то Маэль сильно деградировал. Почти безмозглый сгусток сырых эмоций.

Но все же мощный.

– Тисте эдур поработили его?

Нифадас поднял тонкие брови.

– Если прорубить просеку в лесу, по ней пойдут звери. Значит ли это управлять ими? Возможно, в каком-то смысле.

– Ханнан Мосаг хотел нечто заявить.

– Именно, финадд. Но заявление ли это – или пустая бравада?

Брис покачал головой. Ему нечего было ответить.

– Король обеспокоен. Седа уже сейчас готовит... средства. И все же вы получите просьбу, а не приказ.

– О чем же меня просят, первый евнух?

Нифадас чуть пожал плечами.

– Разбудить Старшего бога.

– Смесь сильно изменилась. Это существенно? Думаю, нет. – Седа Куру Кван поправил на носу линзы в проволоке и посмотрел на Бриса. – Мы говорим о путешествии разума, королевский поборник, хотя с таким же успехом вы могли бы на самом деле отправиться в преисподнюю. Риск велик. Если разум погибнет, возврата нет. Увы, это настоятельная необходимость; и таково желание короля.

– Я и не ждал, что обойдется без риска, седа. Скажите, мне понадобятся боевые навыки?

– Неизвестно. Вы молоды, сообразительны и гибки... – Седа отвернулся и осмотрел беспорядок на рабочем столе. – Увы, постоянно меняется.

Он поднял кубок, с сомнением прищурился на его содержимое и осторожно пригубил.

– А! Как и ожидалось. Изменения смеси вызваны исключительно скисшим молоком.

Брис Беддикт, вы готовы?

Королевский поборник пожал плечами.

Куру Кван кивнул.

– Тогда вот, выпейте.

– Кислое молоко мне не повредит, – сказал Брис, принимая кубок. Залпом его осушив, он поставил кубок на стол. – И когда?

– Что когда?

– Зелье подействует.

– Какое зелье? Идемте. Для путешествия нам понадобится седанс.

Брис вслед за старым чародеем вышел из палаты, бросив на пороге взгляд на кубок. На вкус смесь включала цитрус и прокисшее козье молоко; напиток уже начинал зловеще побулькивать в животе.

– Зачем же я это пил?

– Чтобы слегка подкрепиться, разумеется. Один из моих экспериментов. Надеюсь, вам понравится, но, судя по бледному лицу, не тот случай.

– Боюсь, вы правы.

– Ну что ж, если напиток вам не по нраву, можете от него избавиться.

– Приятно слышать, седа.

Путешествие в глубины дворца обошлось без происшествий. Седа Куру Кван привел Бриса в громадную палату, где их ожидали плитки Обитателей.

– Сегодня мы воспользуемся плиткой из Опор, королевский поборник. Дольмен.

Они поднялись по узкому помосту к центральной круглой платформе. Внизу в обе стороны протянулись массивные плитки.

Бурление в животе Бриса понемногу улеглось. Он был готов слушать седу.

– Что-то важно, что-то нет. Но все привлекает внимание смертного. Каждому из нас следует лелеять разум и тем самым обрести мудрость в сонме возможностей. Наш общий недостаток, Брис Беддикт, что мы безразличны к случайностям.

Старые истории, которые мы принесли из Первой империи, говорят о том же недостатке. Богатые порты в устьях рек заброшены – за три века их занесло илом из-за вырубки

лесов и неправильных методов ирригации. Если вы доберетесь до развалин этих портов, вы увидите, что они в лиге или больше от нынешнего берега. Суша отступает. И все, что делаем мы, люди, значительно ускоряет процесс.

Это существенно? Отчасти соглашусь. Соглашусь, как приходится соглашаться со многим. Существуют естественные последовательности, которые, по мере своего проявления, свидетельствуют о невероятной древности. По меркам существования людей этот мир очень, очень стар.

Куру Кван протянул руку.

Брис посмотрел, куда показывал седа, и увидел плитку Дольмена. Раскрашенная гравюра изображала одинокий наклонный монолит, наполовину погребенный в безжизненной глине под бесцветным небом.

– Моря рождаются, чтобы однажды умереть, – сказал Куру Кван. – Но суша цепляется за свою память, и все, что происходило на ней, отпечатывается на ее лице. И наоборот, в самой глубине глубочайшего океана можно отыскать следы того времени, когда это место возвышалось над волнами. Это знание мы будем использовать, Брис.

– Нифадас нечетко описал мое задание, седа. Я, видимо, должен разбудить Маэля, известить Старшего бога, что им манипулируют. Но я не верующий, и тут нет ни одного летерийца, который сказал бы про себя иное. С чего бы Маэлю слушать меня?

– Понятия не имею, Брис. Придется импровизировать.

– А если этот бог пал окончательно и бесповоротно, превратился почти в бессмысленного зверя, что тогда?

Глаза Куру Кван за линзами поморгали, но он ничего не сказал.

Брис поежился.

– Если путешествие будет совершать только мой разум, каким я буду видеть себя? Я смогу держать оружие?

– Каким образом защищаться, зависит только от вас, финадд. Разумеется, я ожидаю, что вы будете видеть себя таким, как и сейчас. Вооруженным и защищенным. Все это в воображении, но это несущественно. Начнем?

– Хорошо.

Куру Кван сделал шаг вперед, ухватив одной рукой Бриса за перевязь меча. Резким, неожиданно мощным рывком он отправил финадда вперед, за край круглой платформы. Вскрикнув от испуга, Брис замахал руками и помчался к плитке Дольмена.

– Даже в благородных начинаниях случаются осечки.

Бугг с отсутствующим взглядом молча внимал Теголу.

– И потом, если подумать, это лишь мелкий недостаток. Я-то сам вполне доволен. Честно. Твое разочарование вполне можно понять, а, позволю себе выразиться, несколько пошатнувшаяся уверенность в себе вызвана неверно понятым заданием. Попытка – не пытка, уверяю тебя. – В качестве доказательства Тегол медленно повернулся перед слугой. – Видишь? Штанины в самом деле одной длины. Я не буду мерзнуть даже в холодные ночи. Впрочем, у нас нет холодных ночей. Только душные, но что нам немного пота между... э-э... ног?

– Этот оттенок серого и этот желтый – худшее сочетание, что я когда-либо видел, хозяин, – сказал Бугг. – Меня тошнит, когда я смотрю на вас.

– А штаны-то при чем?

– Согласен, почти ни при чем. Меня беспокоят принципы.

– Тут не поспоришь. Теперь рассказывай о делах, и побыстрее. В полночь у меня свидание с мертвой женщиной.

– Степень вашего безрассудства, хозяин, не перестает меня поражать.

– Наш любимый ростовщик совершил самоубийство, как мы горестно предполагали?
– Без задоринки и сучка.
– Не считая того, на котором, полагаю, он и повесился?
– А потом ужасный пожар уничтожил дом.
– Известно, как отреагировал на все это финадд Герун Эберикт?
– Он совершенно подавлен, хозяин.
– Но не излишне подозрителен?
– Кто знает? Его люди провели расследование – в основном чтобы разыскать спрятанные деньги и как-то возместить потерю. Однако ничего не обнаружили.
– И не должны были. Пусть Эберикт смирится с потерей, хотя он и не потерял вовсе, а просто не сумел увеличить состояние. Его начальные вложения остались целехоньки. А теперь, Бугг, хватит болтать. Мне нужно подумать. – Тегол подтянул штаны и заметил, как скривился Бугг. – Худею, наверное.

Он пошел по крыше и за четыре шага добрался до края. Затем повернулся и оглядел Бугга.

– Что это на тебе надето?
– Сейчас очень модно среди строителей.
– Широкий кожаный пояс со множеством петелек и карманчиков?
Бугг кивнул.
– Вроде бы, – продолжал Тегол, – в этих петельках и карманчиках должны быть разные инструменты и приспособления. Все, что может потребоваться строителю.
– Ну, я-то Глава компании. Я ими не пользуюсь.
– Но пояс носишь.
– Да, я хочу, чтобы ко мне относились серьезно, хозяин.
– Конечно, это важно. Полагаю, в списке расходов отражено?..
– Разумеется. И деревянная шляпа.
– Ты имеешь в виду такую красную штуку вроде чаши?
– Именно.
– Что же ты ее не надел?
– Сейчас я не на работе. То есть в качестве единственного владельца «Строителей

Бугга».

– Но пояс надел.
– Он придает солидности, хозяин. Как португепя. Есть что-то солидное, когда на бедрах какая-то тяжесть.
– Словно у тебя постоянная дуэль со стройматериалами.
– Да, хозяин. Вы уже закончили думать?
– Закончил.
– Хорошо. – Бугг расстегнул пояс и бросил его на крышу. – Бедра перекашивает. Я хожу кругами.
– Как насчет травяного чая?
– Я бы не отказался.
– Прекрасно.

Они уставились друг на друга, потом Бугг кивнул и направился к лестнице. Едва он отвернулся, Тегол снова подтянул штаны повыше. Взглянув на пояс, он помедлил, но замотал головой.

Бугг пропал в люке, а Тегол лег на скрипучую кровать и стал смотреть на тусклые звезды. Приближался праздничный фестиваль, посвященный Страннику, бесконечно таинственному поставщику возможностей, зловещих обстоятельств и неудачных решений. Или чего-то подобного – Тегол никак не мог точно запомнить. Обитатели и множество их обитате-

лей были выдуманы для того, чтобы на них всегда можно было свалить вину за что угодно, так он подозревал. Видимо, перекаладывать ответственность – в крови у человека.

В любом случае празднество получится шикарное и бессмысленное. Обо всем и ни о чем. Бешеные ставки на Больших Утопалках, где самые известные преступники будут изображать плывущих лебедей. Те, кто любит себя показать, получают отличную возможность. Тем временем охрана в пустых поместьях будет трепаться или похрапывать на посту.

Шаркающий звук в темноте справа.

– Ты рано.

Шурк Элаль подошла ближе.

– Ты сказал – в полночь.

– Так это еще через два удара колокола.

– Правда?

Тегол сел.

– Ну не отсылать же тебя обратно. И все равно – к Селуш мы не пойдем до полуночи.

– Можно пойти и пораньше.

– Можно, конечно, но мне не хотелось бы ее тревожить. И она сказала, что ей многое нужно достать.

– Значит, я хуже других трупов?

– Другие трупы хотя бы не дерутся.

Немертвая женщина подошла ближе.

– А с чего мне сопротивляться? Ведь она сделает меня красивой?

– Разумеется. Я просто так, разговор поддержать... Как дела, Шурк Элаль?

– По-прежнему.

– По-прежнему. А это как?

– Бывало лучше. Хотя многим нравится стабильность. Потрясающие штаны.

– Согласен. Увы, это дело вкуса...

– У меня нет вкуса.

– Вследствие смерти или так было изначально?

Пустые, безжизненные глаза, до того избегавшие смотреть на Тегола, уставились прямо на него.

– Я тут подумала... ночь праздника Странника.

Тегол улыбнулся.

– Ты читаешь мои мысли, Шурк.

– На посту всегда шестнадцать охранников, еще восемь спят или играют в казармах – туда от главного дома ведет крытый переход девятнадцати шагов в длину. На наружных дверях – двойной засов. Еще четыре охранника в каморках по углам крыши, а окна оплетены чарами. Стены поместья – в два человеческих роста.

– Недурно.

Шурк Элаль пожала плечами – при этом раздался скрип мокрой кожи.

Появился Бугг, одной рукой цепляясь за лестницу, а в другой держа, как поднос, крышку корзины. На подносе стояли две глиняные чашки, над которыми вился пар. Слуга осторожно выбрался на крышу, затем, подняв глаза и увидев двоих, нерешительно остановился.

– Прошу прощения. Шурк Элаль, приветствую. Немного чая?

– Не говори чушь.

– А, да. Не сообразил. – Бугг двинулся дальше.

Тегол взял чашку и осторожно принялся. Потом нахмурился.

Слуга пожал плечами.

– У нас нет трав, хозяин. Пришлось импровизировать.

– С чем? С овечьей шкурой?

Бугг удивленно задрал брови.

– Почти угадали. У меня осталось немного шерсти.

– Желтой или серой?

– Серой.

– Тогда ладно. – Тегол пригубил напиток. – Хм, вкус мягкий...

– Так и должно быть.

– Но мы не отравимся?

– Разве что самую малость, хозяин.

– Временами, – сказала Шурк Элаль, – я жалею, что умерла. Так вот сейчас – не тот случай.

Мужчины посмотрели на нее, задумчиво потягивая чай.

– Великолепно, – продолжила Шурк. – Теперь мне надо бы закашляться, чтобы скрыть неловкость. Но я не способна чувствовать неловкость. И потом, если я закашляюсь, последствия будут неприятными.

– Селуш изобрела насос, – сказал Тегол. – Процедура, э-э, не для чувствительных натур. Зато скоро ты будешь благоухать розами.

– И как она это делает?

– Полагаю, с помощью роз.

Шурк подняла тонкую бровь.

– Меня набьют сушеными цветами?

– Ну, разумеется, не везде.

– Говоря практически, Тегол Беддикт. Как я смогу оставаться незаметной, если буду похрустывать при каждом шаге?

– Хороший вопрос. Давай спросим у Селуш.

– Как и обо всем остальном... Мне рассказывать дальше о поместье потенциальной жертвы? Я полагаю, твоему слуге можно доверять.

– Вне всякого сомнения, – ответил Тегол. – Продолжай.

– Финадд Герун Эберикт посетит Большие Утопалки, а по их завершении он приглашен к Турудалу Бризаду...

– Консарту королевы?

– Да. Однажды я его обокрала.

– Да ну! Что взяла?

– Его невинность. Мы были очень молоды – по крайней мере, он. Это было задолго до того, как он танцевал во дворце и привлек внимание королевы.

– Интересная подробность. И ты была его настоящей любовью, извини за личный вопрос?

– Турудал любит только самого себя. Как я сказала, он был моложе, а я – опытнее. Сейчас-то он старше меня – даже интересно. В каком-то смысле. В любом случае уже в то время не было недостатка в липнувших к нему мужчинах и женщинах. Думаю, он считал, что его всегда ждет победа. Наверное, и сейчас так считает. Для идеального вора главное – чтобы жертва оставалась в счастливом неведении, что ее обокрали.

– Думаю, – вмешался Бугг, – что Турудал Бризад не жалел о своей капитуляции.

– И тем не менее, – сказала Шурк Элаль. Затем помолчала и проговорила: – В этом мире нет ничего, чего нельзя украсть.

– И с этой мыслью, свербящей, как овечий пот у нас в желудках, – сказал Тегол, поставив чашку, – мы с тобой прогуляемся, Шурк.

– А до Селуш далеко?

– Мы не будем спешить. Спасибо, дорогой Бугг, за восхитительный напиток. Приберись тут, ладно?

– Если время найду.

Шурк помедлила.

– Мне слезть по стене и следовать за тобой тайком?

Тегол нахмурился.

– Только если не смогу. Просто накинь капюшон – и останешься неузнанной.

– Хорошо. Встретимся на улице, чтобы не видели, как я выхожу из дома, куда не входила.

– За мной до сих пор шпионят?

– Может быть, нет, но лучше проявить осторожность.

– Хорошо. Тогда до скорого.

Тегол спустился по лестнице и вышел в дверь, однако повернул не налево, как обычно, а направо – туда, где теперь был навален строительный мусор. Выходящая сюда стена была закрыта кирпичной кладкой и дверьми без задвижек.

Шурк Элаль появилась из тени в надвинутом на лицо капюшоне.

– Расскажи мне еще об этой Селуш.

Они двинулись друг за другом по узкой тропинке в сторону улицы.

– Бывшая сотрудница Бугга. Бальзамировщики и все, кто работает с покойниками, – это своего рода большая семья. Постоянно обмениваются методами и частями тела. Я слышал, это целое искусство. Историю тела можно прочитать по множеству мелких деталей, как свиток.

– Что толку читать список изъянов, если субъект уже мертв?

– Болезненное любопытство. Или любопытная болезнь.

– Пытаешься шутить?

– Ни в коем случае, Шурк Элаль. Я твердо запомнил твоё предупреждение.

– Тегол Беддикт, ты очень опасен для меня. И все же я подседа, как будто ты – умственный белый нектар. Мне нравится, что я с трудом удерживаюсь от веселья.

– Если у Селуш получится то, что она задумала, опасность, связанная со смехом, исчезнет; сможешь фыркать без опаски.

– Даже когда я была живая, я никогда не *фыркала*. И не собираюсь, раз уж я мертвая. Но то, что ты предлагаешь, грозит... разочарованием. Пропадет *напряжение*, умрут искры. Боюсь, я впаду в депрессию.

– Таков риск исполнения мечты, – сказал, кивнув, Тегол, когда они добрались до грязного Сточного канала и пошли вдоль него. – Сочувствую, Шурк Элаль.

– Расскажи, что ты знаешь о старой башне на запретной земле за дворцом.

– Немного, только что твоя немертвая подруга живет поблизости. Девочка.

– Да, я назвала ее Кубышка.

– Перейдем здесь. – Тегол показал на пешеходный мостик. – Она что-то значит для тебя?

– Трудно сказать. Наверное. Может статься, что она значит что-то для всех нас, Тегол Беддикт.

– Ага. И могу я тут чем-то помочь?

– Неожиданное предложение.

– Я стараюсь постоянно удивлять, Шурк Элаль.

– Я пытаюсь выяснить ее... историю. Она кажется мне важной. Старая башня каким-то образом зачарована, и эти чары связаны с Кубышкой. Башня испытывает постоянную нужду.

– В чем?

– В человеческой плоти.

– Ох.

– Во всяком случае, именно поэтому Герун Эберикт теряет шпионов, которых посылает к тебе.

Тегол остановился.

– То есть?

– Кубышка их убивает.

Черная каменная стена поднималась к свету. По ее рифленой поверхности с неутраченной яростью текли потоки; и вся поросль, цеплявшаяся за стену, чтобы пить воду из взбаламученных потоков, была крепкой, грубой и упрямой. От основания стены тянулись каменные плоскости, по которым ползли, сжатые чудовищным давлением, громадные кучи камня, щебня, какого-то мусора, будто странствующие левиафаны.

Брис стоял на равнине, зная, что видит то, чего не видел ни один смертный. Обычные глаза здесь узрели бы лишь тьму. Живая плоть с далекой поверхности здесь была бы мгновенно расплющена. А Брис спокойно стоял, ощущая себя совершенно естественно. Одежда, доспехи, меч на поясе. Смутно чувствовалось движение ледяной воды в стремительных потоках, но вода не давила на него, не сбивала с ног. И холод не сковывал конечности.

Он вдохнул – прохлада и сырость; Брис понял, что вдыхает воздух подземного Седанса.

В этом месте обитает бог. Место действительно подходящее. Примитивное, полное дикой жестокости и невообразимых сталкивающихся стихий.

Еще одна масса фрагментов проползла мимо, и Брис разглядел – среди бледных тощих ветвей и каких-то связок веревки – плоские куски металла, открывающие длинные белые усики. *Во имя Странника, металл – это доспехи, а усики...*

Обломки ушли прочь, и за ними Брис что-то заметил. Неподвижные нелепые сооружения поднимались над равниной.

Он двинулся к ним.

Дольмены.

Казалось невероятным, что равнина перед ним когда-то знала свежий воздух, солнечный свет и сухие ветра.

Потом он разглядел, что сооружения – из того же камня, что и сама равнина, что они составляют с ней единое целое. Подойдя ближе, Брис разглядел на резной поверхности непрерывную вязь переплетенных символов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.